

Вольдемар
БОНЗЕЛЬС

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ПЧЕЛКИ

МАЙИ

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО МАИ
1993

Художник Р. Варшамов

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО МАИ
1993

Об удивительных приключениях пчелки Майи, забавных и опасных, о ее друзьях, помогавших ей в беде, о том, как Майя спасла свой народ, рассказал немецкий писатель Вальдемар Бонзельс. Художник Рубен Варшамов нарисовал картинки к сказке, на которых представил очень выразительные портреты ее персонажей. Они изображены не совсем такими, как в любимом мною мультфильме «Пчела Майя», а прочитав эту книгу, вы сами сможете судить о том, кому лучше удалось передать характеры ее героев.

Вольдемар
БОНЗЕЛЬС

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ПЧЕЛКИ

МАЙИ

Художник Р. Варшамов

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МАИ

Б 81

Бонзельс В.
Б 81 Приключения пчелки Майи/ Пер. М.А. Вайсбейн. — М.: Изд-во МАИ, 1993.— 192 с.: ил.
ISBN 5—7035—0552—6

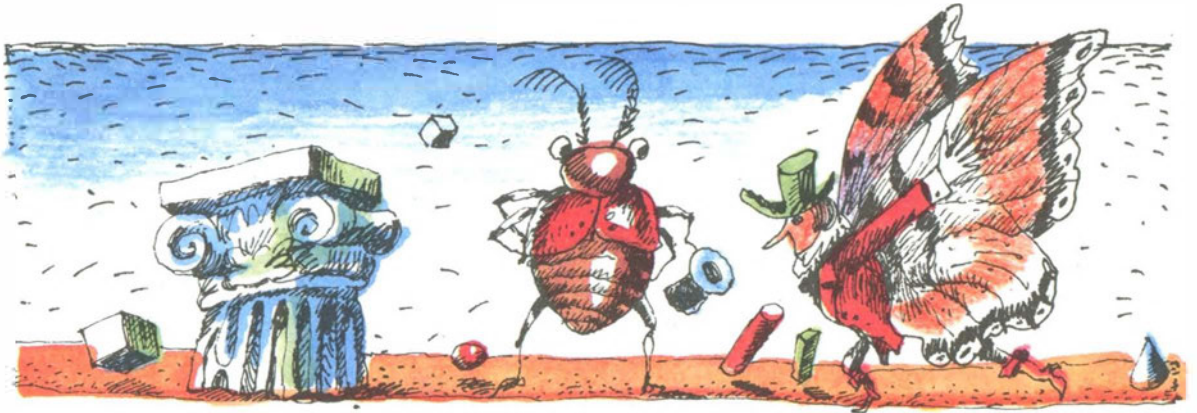
Б $\frac{4306000000}{094(02)-93}$ Без объявл.

ISBN 5—7035—0552—6

© Иллюстрации, оформление. Р.А. Варшамов, 1993

© Издательство МАИ, 1993

© Фирма «Медиум», 1993

Бегство Майи из родного города

Старую пчелу, которая помогла малютке Майе пробудиться к жизни и выползти из ее ячейки, звали Кассандрой. Она пользовалась в улье большим уважением.

В то время пчелиный род переживал тревожные дни: среди пчел вспыхнул мятеж, который царице не удалось подавить.

Пока опытная Кассандра протирала ясные глазки новорожденной и расправляла ее нежные крылышки, улей не переставал грозно гудеть и жужжать, и крошке Майе показалось в нем слишком жарко, о чем она немедленно заявила своей воспитательнице.

Кассандра озабоченно оглянулась, но ничего не ответила. Она лишь удивилась, что дитя начало так рано соображать, ибо в улье было действительно невыносимо душно и давка была страшная. Майя видела, как мимо них беспрерывно проносились пчелы, они так спешили, что карабкались друг на дружку и катились живыми шарами.

Около них прошествовала царица. Кассандру и Майю чуть было не затолкали, но их выручил трутень, молодой симпатичный кавалер. Он кивнул малютке и, приподняв свои передние ножки, которые служат пчелам как руки, пригладил ими блестящие волосики у себя на груди.

— Быть беде, — заметил он, обращаясь к Кассандре, — революционеры уходят из города. Они уже провозгласили новую царицу.

Кассандра молча проигнорировала его слова. Она даже не поблагодарила его за помощь, и Майе показалось, что ее воспитательница обошлась с молодым кавалером слишком

сурово. Но малютка не задавала ей вопросов: впечатления сменялись так быстро, что она едва успевала осознать их. Общее возбуждение передалось и ей, и она громко зажужжала.

— Перестань! — остановила ее старая пчела. — И без тебя шума хватает.

Майя замолчала и вопросительно взглянула на свою воспитательницу.

— Пойдем, — сказала Кассандра, — ты должна прийти в себя.

И, обняв крошку за ее красивые, блестящие, еще совсем мягкие и удивительно прозрачные крылышки, она отвела ее в уединенный уголок к заполненным медом сотам.

— Какой замечательный аромат! — воскликнула Майя. — Где мы?

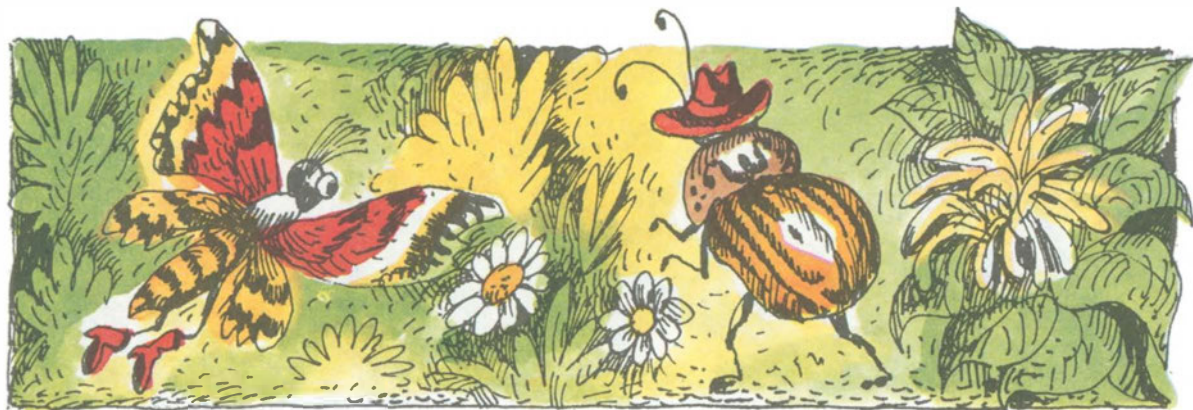
Старая пчела ласково проворчала:

— За эту весну я уже воспитала и научила летать сотни пчелок, но такой любопытной, как ты, еще не встречала. У тебя, мое дитя, оригинальная натура.

Майя покраснела и засунула свои нежные пальчики в маленький ротик.

— Что такое оригинальная натура? — робко спросила она.

— Ты ведешь себя неприлично! — притворилась Кассандра, что не слышала вопроса, но, хорошо заметив, как Майя засунула пальчики в рот. — Мне некогда с тобой возиться. Слушай внимательно все, что я тебе скажу, потому что у меня совсем немного времени. Из ячеек уже выползают новые малютки, а моя единственная помощница по этажу, Турка, совсем выбилась из сил и жалуется уже несколько дней на шум в ушах. Садись вот тут.

Майя послушно села и уставилась своими большими, темными глазами на воспитательницу.

— Первое правило, которому должна следовать молодая пчела, — начала Кассандра со вздохом, — гласит: в своих мыслях и делах она не должна отличаться от других и обязана помнить, что общее благо — прежде всего. На этом стоит наше государство и тот порядок, который мы с незапамятных времен признаем правильным. Завтра ты вылетишь из улья. Тебя будет сопровождать старшая подруга. Сначала ты можешь отлетать от нее лишь очень недалеко, но ты должна точно запоминать все предметы на своем пути, чтобы найти обратную дорогу домой. Твоя спутница покажет тебе те цветы, на которых самый лучший мед. Ты должна их твердо заучить. Без этой науки не может обойтись ни одна пчела. Давай начнем сейчас же: вереск и липовый цвет. Повтори!

— Не могу, — ответила малютка Майя, — это страшно трудно! Я потом научусь всему.

Кассандра покачала головой.

— Ох, милая, нелегко будет тебе! — со вздохом произнесла она. — Это сразу видно.

— А что я еще должна буду делать? Целый день собирать мед? — спросила Майя.

Старая пчела опять глубоко вздохнула и посмотрела на маленькую Майю серьезным и печальным взглядом. Казалось, перед ней промелькнула ее собственная жизнь, прошедшая в тяжком труде и заботах.

— Малютка! — сказала она ласково. — Ты увидишь солнечный свет, высокие зеленые деревья, цветущие луга, серебряную гладь озер, быстрое сверкание ручьев, яркое голубое

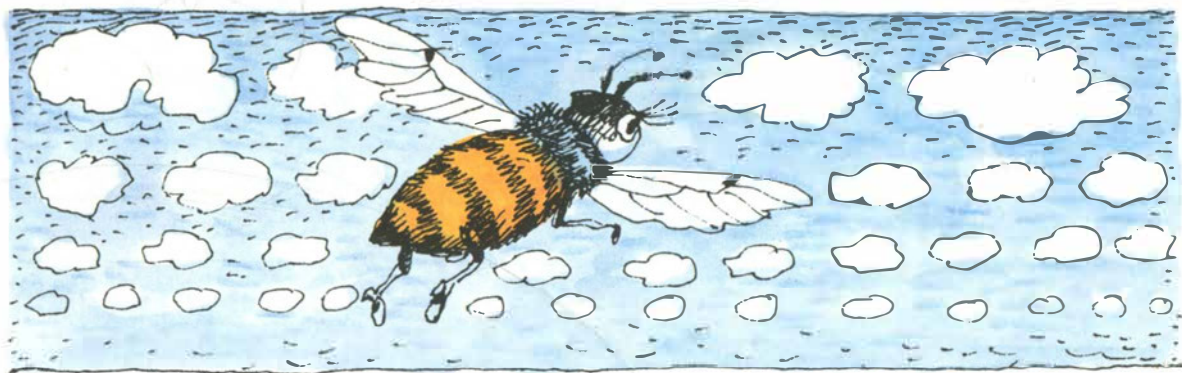
небо, и, может быть, человека — самое высокое и совершенное создание природы. И твоя скромная работа принесет тебе наслаждение. Вот, дорогое дитя, что ждет тебя, и ты должна надеяться на счастье.

— Хорошо, — произнесла Майя, — этого-то я и жду от жизни.

Кассандра улыбнулась. Она сама до конца не понимала, почему полюбила малютку Майю, как ни одну из своих воспитанниц. Не потому ли она рассказала ей гораздо больше, чем обычно принято говорить пчелам в первый день их рождения? Она давала ей различные советы, предостерегала от опасностей, называла ей злейших врагов пчел. Она много говорила о человеке и заронила в душе маленькой пчелки горячее желание поближе узнать его.

— Будь вежлива и предупредительна со всеми насекомыми, — сказала в заключение Кассандра, — и ты узнаешь от них гораздо больше, чем я могу тебе сегодня рассказать. Но берегись осы и шершня, дитя мое. Первая — наш самый могущественный и коварный враг, а второй — разбойник без отечества и убеждений. Мы сильнее их, но они воруют и убивают, где только можно. Чтобы защитить себя, ты можешь пользоваться своим жалом, но помни: если ты укусишь теплокровное животное или человека, ты умрешь, ибо твое жало останется у них в коже и сломается. Ты должна жалить лишь при крайней необходимости, проявляя при этом все свое мужество и глядя смерти прямо в глаза. Мы, пчелы, потому и пользуемся таким уважением и почетom, что отважны и умны. Ну, прощай, крошка Майя, будь счастлива и верно служи своему народу.

Пчелка Майя поклонилась своей воспитательнице, поцеловала ее и легла спать радостно возбужденная. Мысли о том, что она

увидит завтра обширный мир, полный солнца и цветов не давали ей долго уснуть...

Тем временем в пчелином городе все успокоилось. Большинство молодых пчел покинули улей, чтобы основать новый. Еще долго слышно было жужжание ушедшей из города толпы. Молодежь восстала против царицы не потому, что была ею недовольна; просто в улье стало слишком тесно, и некуда было складывать запасы меда, такого необходимого для зимовки всех. Ведь по заключенному с давних времен договору значительную часть меда надо было отдать человеку. А человек заботился о благосостоянии, спокойствии и безопасности пчелиного города и защищал его зимой от холодов.

Рано утром Майя услышала радостное восклицание:

— Солнышко взошло!

Она быстро вскочила и подлетела к взрослой пчеле-работнице.

— Ладно, — дружелюбно сказала та, — полетим вместе.

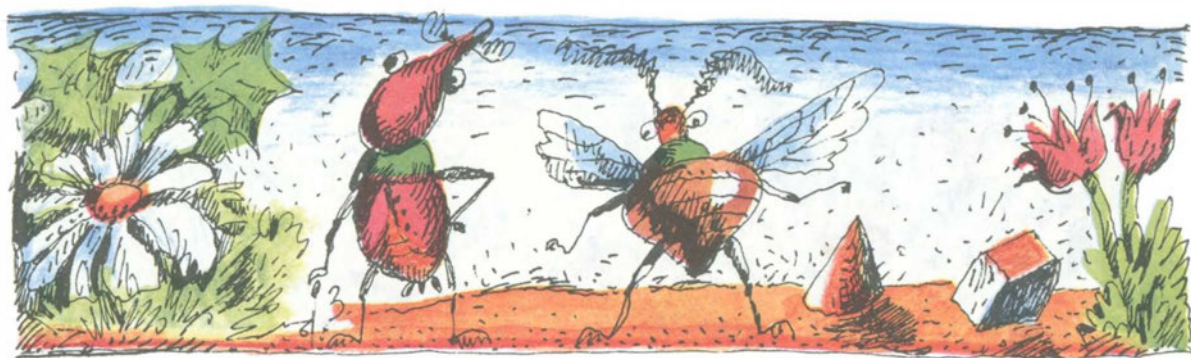
У городских ворот их задержала стража. Сколько тут роилось пчел! Один из часовых сообщил Майе пароль, без которого ни одну пчелу не пропустили бы обратно.

— Запомни его хорошенько, — сказал стражник, — и желаю тебе успеха в твоём первом путешествии.

Вылетев из улья, маленькой пчелке пришлось зажмурить глаза — так ослепил ее свет. Все кругом отливало золотом и зеленело, все сверкало таким теплом и блеском, что от счастья она не знала, что делать.

— Какое чудо! Неужели я могу лететь куда захочу? — воскликнула она, обратившись к своей спутнице.

— Конечно, — ответила та.

Тогда Майя подняла головку, пошевелила своими красивыми нежными крылышками и вдруг почувствовала, что земля отодвигается, а высокие зеленые верхушки деревьев, наоборот, приближаются.

Глазки ее сверкали, сердечко ликовало.

— Я лечу! — закричала она в восторге. — Ведь это полет! Не правда ли? Ах, как это удивительно!

— Да, ты летишь, — сказала ей работница, едва поспевая за нею. — Теперь мы несемся по направлению к липам, вон там, у замка. Запомни их, чтобы знать, где расположен наш город... Ну, не лети так быстро, Майя! Мне не догнать тебя!

— Да разве это быстро? — возразила Майя. — Как чудесно пахнет солнечный свет! — восторгалась она.

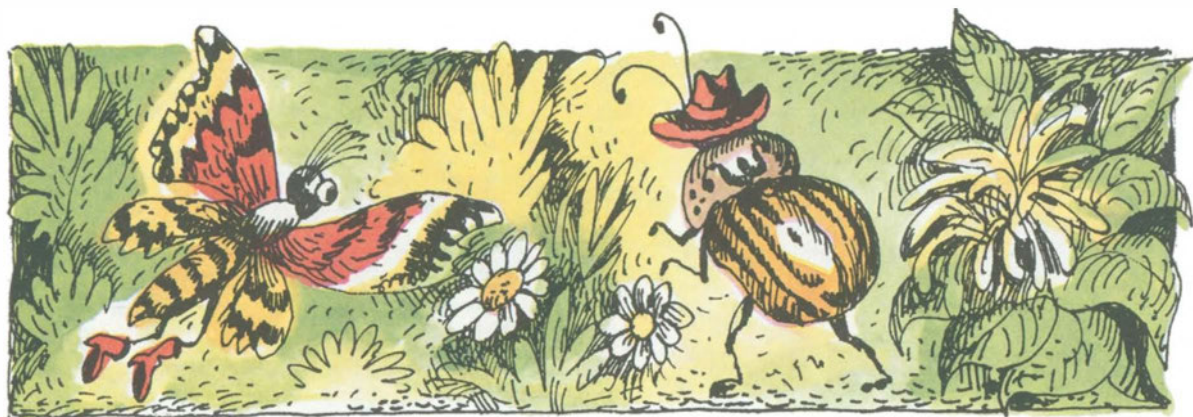
— Да нет же, — ответила, запыхавшись, работница, — это благоухают цветы. Но прошу тебя, помедленнее, а то я отстану, и ты потом не найдешь дорогу домой.

Но крошка Майя не слушала ее. Она словно опьянела от радости, от солнечного света и счастливого сознания, что она живет, летит... Ей казалось, что через сверкающее зеленую море света она мчится с быстротою молнии к чему-то еще более прекрасному. Ей казалось, что ее зовут цветы, манит даль, что голубое небо благословляет ее ликующий полет.

«Никогда, никогда мне не будет так хорошо, как сегодня! — говорила она самой себе. — Я не могу вернуться! Я не могу думать ни о чем другом, кроме солнца...»

Перед нею быстро сменялись пестрые картины. Земля мало-помалу куда-то уходила.

«Солнышко, должно быть, сделано из золота», — подумала маленькая пчелка.

Смертельно устав, она опустилась в большой сад, весь утопающий в облаках цветущих вишневых деревьев, терновника и сирени. Она упала прямо в большой красный тюльпан, прижалась к его стенкам и, тяжело дыша, смотрела в упоении через блестящие края венчика на яркое голубое небо.

— О! Да в этом великом мире все в тысячу раз прекраснее, чем в нашем темном пчелином городе! Я не хочу туда возвращаться, не хочу собирать мед и готовить воск! Я хочу остаться в этом чудном мире, узнать его. Я не похожа на других пчел. Я создана для радости, приключений, для острых ощущений!.. Я не боюсь опасности. Разве во мне мало силы и отваги? Разве нет у меня жала?

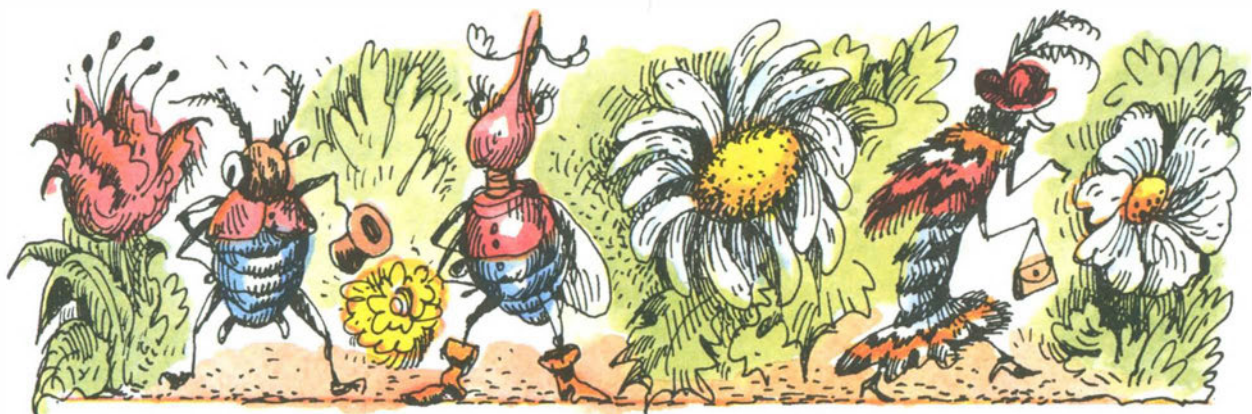
И она громко рассмеялась от избытка здоровья и счастья и сделала глубокий глоток меда из чашечки тюльпана.

«Как хорошо, как чудно жить!» — думала она.

Ах, бедная маленькая Майя! Если бы ты знала, сколько опасностей и бед тебя ждут, ты, наверное, была бы благоразумнее!

Скоро ее одолела усталость, и она уснула.

Домик Пеппи

Когда маленькая Майя проснулась, было уже совсем светло. За ночь она продрогла. Уцепившись за жилку зеленого листа, под которым провела ночь, она расправила свои крылышки и они вновь затрепетали и засверкали. Затем она пригладила свои белокурые волосы и протерла глазки. Наконец, осторожно подобравшись к краю листа, она оглянулась вокруг.

Блеск утреннего солнца опять ослепил маленькую пчелку. Но там, где она сидела, были тень и прохлада.

Она стала вспоминать впечатления вчерашнего дня, и решение не возвращаться в улей окончательно в ней укрепилось. Правда, когда она подумала о Кассандре, сердечко ее тревожно забилося... Нет, она больше не вернется домой! Жить только для того, чтобы собирать мед, возвращаться назад и приниматься сейчас же за изготовление воска. Нет, она хочет быть свободной и счастливой, она хочет по-своему наслаждаться жизнью и добьется этого во что бы то ни стало.

Вдали сверкнуло что-то красное. Пчелка заметила это, и ей сразу же захотелось рассмотреть это поближе. К тому же она проголодалась. С веселым жужжанием отважно устремилась она вперед, в ясный утренний воздух, уже согретый солнечными лучами. Она направилась к красному предмету, который, казалось, кивал ей и кланялся; когда она к нему приблизилась, то ощутила такой сладкий аромат, что почти опьянела и с трудом добралась до алого цветка. Майя села на его наружный сводчатый лепесток. В то же мгновение он вдруг заколыхался под ее лапками, и навстречу пчелке выкатился прозрачный серебристый шарик, почти такой же величины, как и она сама.

Пчелка страшно испугалась, хотя красота этого таинственного предмета заворожила ее.

Прозрачный шарик прокатился мимо нее, наклонился над краем лепестка, прыгнул и упал на траву.

Майя вскрикнула от ужаса, увидев, как он распался на множество крохотных алмазов, которые, точно живые, блестели и дрожали на стебельках и потекли по ним трепетными жемчужинами. Только тогда она догадалась, что это большая капля росы.

Пчелка поползла назад и вдруг заметила у самого входа в цветок небольшого жучка с коричневыми надкрыльями и черным щитком на груди. Хотя он был гораздо меньше Майи, но спокойно остался сидеть на месте, поглядывая на нее серьезными глазами.

Она вежливо с ним поздоровалась.

— Это был ваш шарик?

Жучок ничего не ответил.

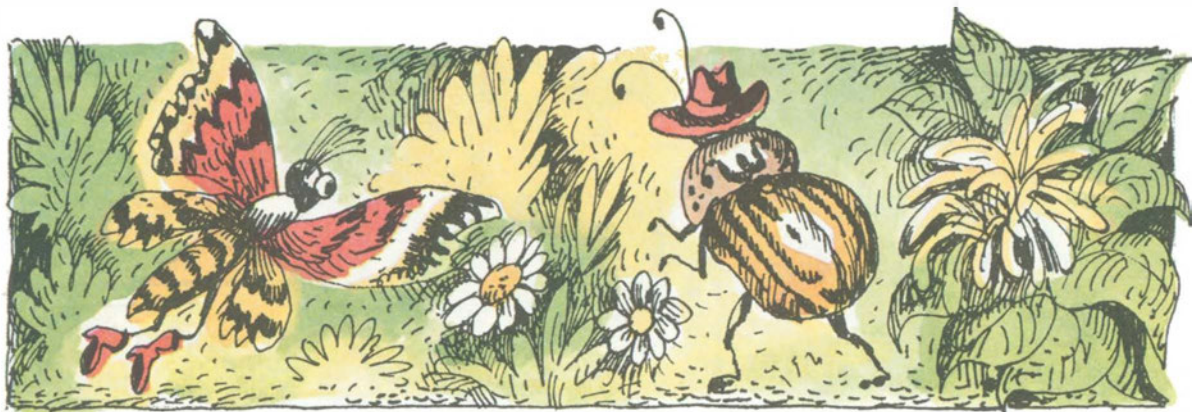
— Мне очень жалко, что я его сбросила, — прибавила она.

— Вы говорите о капле росы? — с улыбкой спросил жучок. — О, об этом не стоит беспокоиться. Я только что утолил свою жажду, а моя жена никогда не пьет воды, потому что у нее больные почки... Что вы тут делаете?

— Какой очаровательный цветок! — не отвечая ему на вопрос, воскликнула Майя. — Не будете ли вы любезны сказать мне, как он называется?

Помня советы Кассандры, она старалась быть очень вежливой.

— Вы, видно, еще совсем ребенок, — бесцеремонно рассмеялся жучок над ее невежеством.

Говоря по правде, этот смех не понравился Майе. Пчелы ведь гораздо воспитаннее других насекомых. Но она тотчас же убедилась, что жучок не такой уж грубиян, как это ей показалось. Увидев, как Майя смущенно покраснела от его насмешки, он снисходительно объяснил.

— Это роза. Мы поселились тут четыре дня назад и, благодаря нашим заботам о ней, она распустилась. Не подойдете ли вы поближе?

Пчелка, преодолев свой страх, сделала несколько шагов вперед. Жучок отодвинул в сторону светлый лепесток, и они очутились в узком, слабо освещенном помещении с благоухавшими стенами.

— У вас тут действительно очень мило, — робко заметила Майя. — А этот аромат... в нем есть что-то дурманящее...

Жучка очень порадовала похвала пчелки.

— Да, надо уметь устраиваться, — благосклонно улыбнулся он. — «Скажи мне, где ты живешь, и я скажу, чего ты стоишь», — гласит поговорка. Не угодно ли вам немного меду?

— Ах, с удовольствием! — обрадовалась Майя.

Жучок кивнул головою и исчез за одною из стенок цветка. Пчелка радостно прижимала свои щечки и ручки к нежным красным занавескам и вдыхала их дивный аромат.

«Какое счастье жить в таком прекрасном доме, — думала она. — И разве можно его сравнить с мрачными и тесными этажами нашего улья. А как здесь тихо.»

Вдруг она услышала, как за стеною жучок начал громко браниться. Он грозно жужжал, и Майе показалось, что он

кого-то грубо толкает. Потом она услышала чей-то тоненький, полный страха и досады голосок:

— Ну, да, когда я один, вы смело на меня нападаете... Подождите, посмотрим, что вы скажете, когда я позову своих товарищей. Вы нахал... Хорошо, хорошо, я уйду!.. Но не забудьте кличку, которую я вам дал!

Затем пчелка услышала, как кто-то поспешно уходил.

Жучок вернулся и бросил ей кусочек меду.

— Это безобразие, — проворчал он, — нигде нет покоя от этих тварей!

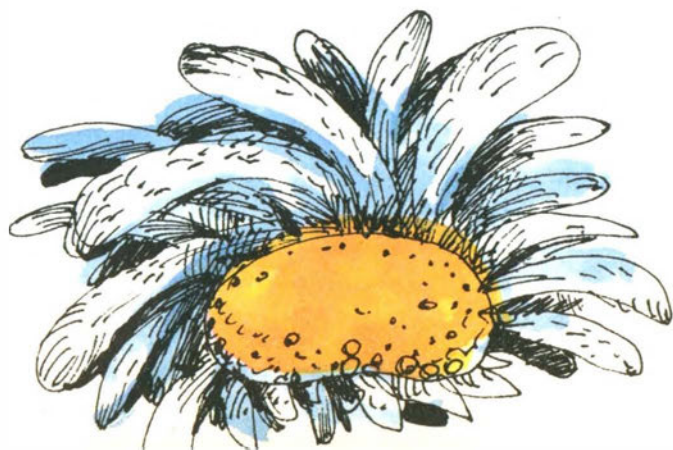
Майя была так голодна, что даже забыла поблагодарить хозяина. Она жадно набросилась на угощение, а жучок вытер со лба пот и несколько ослабил верхнее кольцо на груди, чтобы легче было дышать.

— Кто это был? — спросила Майя с переполненным ртом.

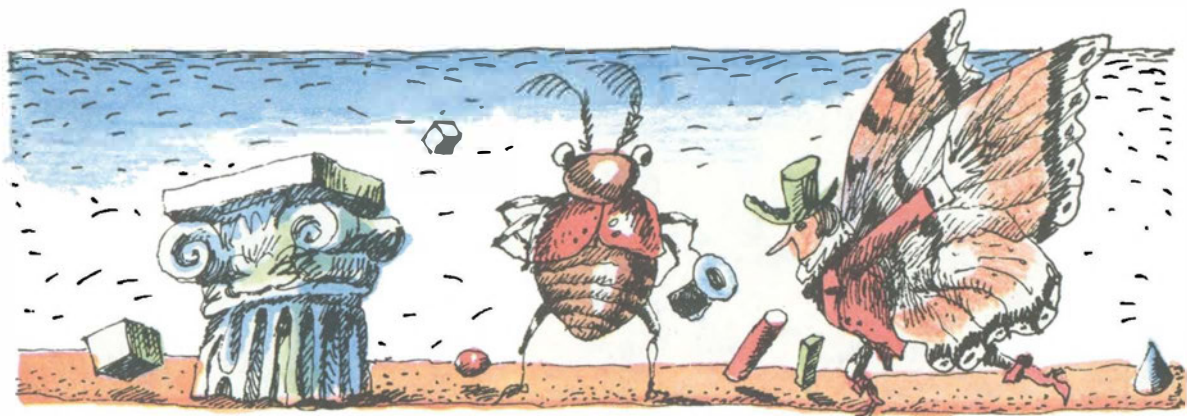
— Проглотите сначала мед, а то вас не поймешь, — заметил жучок, но сейчас же сердито продолжал: — Это был муравей. Неужели эти подлые создания думают, что мы экономим и копим провизию для них?! Так беззастенчиво забираться в чужие кладовые! Это возмутительно! Если бы я не знал, что они не получают никакого воспитания, я бы не задумываясь назвал их ворами... Простите, — неожиданно перебил он сам себя, — я совсем забыл вам представиться. Меня зовут Пеппи, я из семьи бронзовок.

— А я Майя, — робко сказала пчелка. — Очень рада с вами познакомиться.

Пеппи несколько раз поклонился, распустив веером два маленьких коричневых усика. Майю они привели в восторг.

— Какие у вас красивые усы! — воскликнула она.

— Н-да! — самодовольно произнес польщенный жучок. — Хотите посмотреть их обратную сторону?

— Пожалуйста! — попросила Майя.

Пеппи повернул свои веерообразные усики таким образом, что на них упал солнечный луч.

— Красиво? Не правда ли? — спросил он.

— Ничего подобного я не видела в своей жизни! — восхищалась Майя. — Мои усики такие маленькие, едва заметные...

— Ну, всякому свое, — снисходительно заметил жучок. — Зато у вас, бесспорно, прекрасные глаза, а золотистая окраска вашего тела очень интересна.

Малютка Майя просияла от счастья. Никто еще не говорил ей, что она красива. Она окончательно развеселилась и взяла еще кусочек меду.

— Отличный мед! — похвалила она.

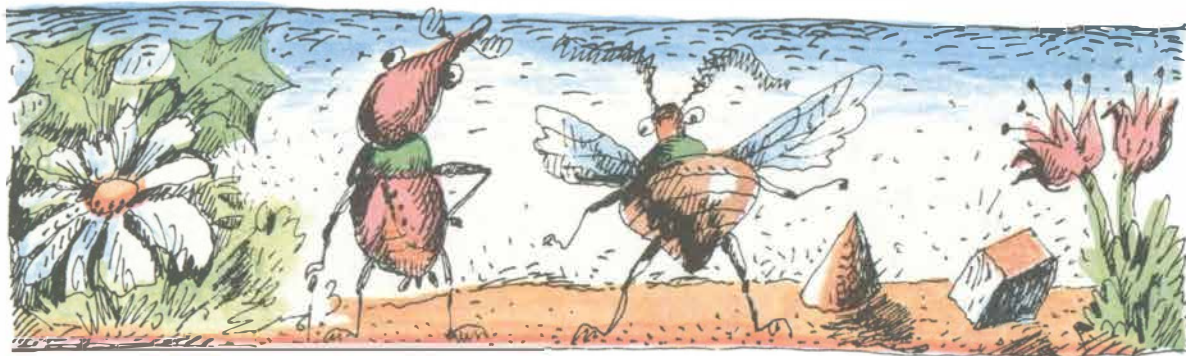
— Пожалуйста, кушайте на здоровье, — произнес Пеппи, слегка удивленный аппетитом своей гостьи. — Это розовый мед, первого сорта. Надо очень осторожно выбирать пищу, чтобы не испортить себе желудок. Если вы хотите пить, могу вам предложить еще капельку росы.

— Благодарю вас, — вежливо отказалась Майя. — Мне бы хотелось полетать...

Жучок улыбнулся.

— Вам бы все летать! — покачал он головой. — Это у вас, у пчел, уже в крови. Не понимаю такого беспокойного образа жизни. Не лучше ли спокойно сидеть на месте?

— Ах, мне так нравится летать! — воскликнула Майя.

Жучок предупредительно приподнял розовую занавеску.

— Я вас провожу к лепестку, с которого вам удобно будет взлететь.

— Спасибо, — ответила пчелка, — но я свободно взлетаю с любого места.

— А мне всякий раз так трудно расправлять нижние крылышки, — печально сказал он, отодвигая последнюю занавеску и пожимая ей руку.

— О Господи! Какое прекрасного голубое небо! — в восхищении воскликнула Майя. — Ну, прощайте!

— До свидания, — ответил жучок.

Он грустно смотрел вслед пчелке, пока та не исчезла в прозрачном воздухе, насыщенном золотым солнечным светом. Он тяжело вздохнул и, чувствуя, что ему становится жарко, хотя было только раннее утро, вернулся в прохладную чашечку цветка, тихо напевая свою любимую песенку:

Распустилась в солнце красных роз семья.

И пока они цветут, буду жив и я.

У меня ведь дома нет — здесь приют и тень.

В этих розах каждый божий день.

Кто, скажите, мир поймет?

Если роза отцветет, вместе с ней умру.

Лесное озеро и его обитатели

— Ах! — вспомнила вдруг Майя. — Ведь я совсем позабыла спросить Пеппи про человека! Такой солидный господин как он мог бы много порассказать. Но, может быть, мне еще самой посчастливится встретиться с человеком.

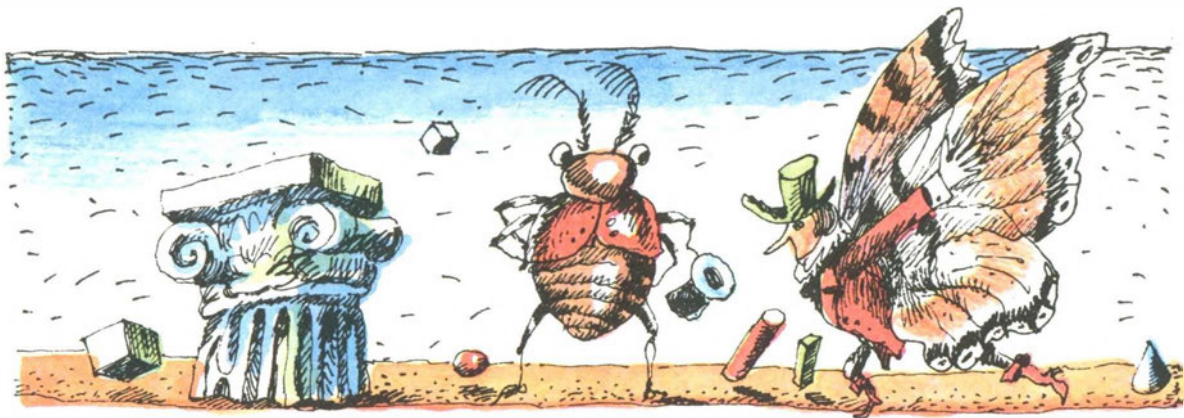
И, трепеща от счастья и любопытства, она окидывала жадным взором расстилавшийся перед нею великолепный весенний мир.

Она пролетела мимо большого сада с множеством цветов. Она встречала разных насекомых, вежливо отвечавших на ее приветствия и желавших ей успеха. Но всякий раз, когда навстречу летела пчела, сердечко ее тревожно билось: она боялась столкнуться со знакомыми и услышать упреки в праздности и лени. Но пчелы, занятые делом, не обращали на нее никакого внимания.

Вдруг глубоко под собою Майя увидела бездонное голубое небо. Сначала она с ужасом подумала, не забралась ли слишком высоко, не перелетела ли за небосвод? И тут она заметила, что в этом небе отражались еще и деревья. И она догадалась, что под нею — широкое водное зеркало, тихо светившееся в лучах утреннего солнца. Майя опустилась почти на самую поверхность озера и увидела свое отражение: прозрачные как стекло крылышки, красивое золотистое туловище. Она увидела, что летала правильно — так, как ее учила Кассандра.

«Как приятно носиться над водою!» — с восторгом подумала она.

Майя наблюдала, как резвятся в прозрачной воде рыбки. Но

приблизиться к ним она боялась, ибо знала, что это для насекомых не безопасно.

Пчелка полетела к противоположному берегу. Здесь ее привлек густой тростник и огромные листья кувшинок, лежавшие на поверхности озера, как большие зеленые тарелки. Она выбрала самый укромный лист, скрытый в тени плавно качавшихся высоких стеблей. Лишь два-три солнечных пятна мелькали на нем, как золотые монеты.

— Ах, как тут хорошо! — воскликнула маленькая пчелка и начала приводить себя в порядок. Обеими ручками она схватила себя за головку и вытянула ее немного вперед. Со стороны могло показаться, что она хочет ее оторвать. Но Майя делала это осторожно, отряхивая с себя пыль. Затем ножками она стала тереть свои крылышки, которые сначала погнулись вниз, а потом, вычищенные и удивительно прозрачные, приняли свое прежнее положение.

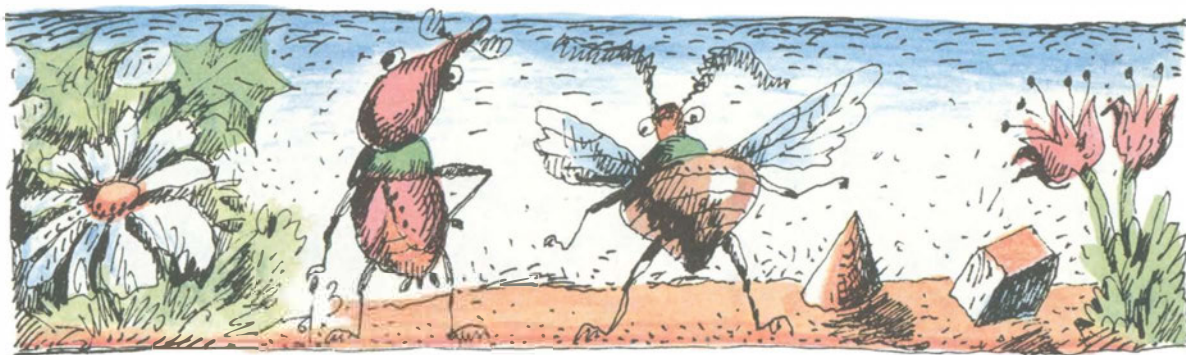
Вдруг рядом с нею на тот же лист опустилась небольшая, стального цвета мясная муха и, с удивлением осмотрев пчелку, спросила:

— Что вам тут надо, на моем листе?

Майя струсила.

— Ну, вот, подумаешь! И отдохнуть минутку нельзя! — сказала она, стараясь скрыть испуг. Она вспомнила слова Кассандры, которая говорила ей, что пчелиный род пользуется в мире насекомых большим почетом, и захотела поддержать свое достоинство. Однако сердечко ее тревожно билось — уж не слишком ли громко и смело она ответила?

Но мясная муха сама, по-видимому, испугалась, заметив, что

Майя не намерена ей уступать. С сердитым жужжанием она взлетела на тростник и уже более вежливо произнесла:

— Вы бы лучше работали, как это вам полагается... Но если вы действительно устали... пожалуйста, отдохните... Я тут подожду...

— Да ведь здесь листьев сколько угодно, — заметила Майя.

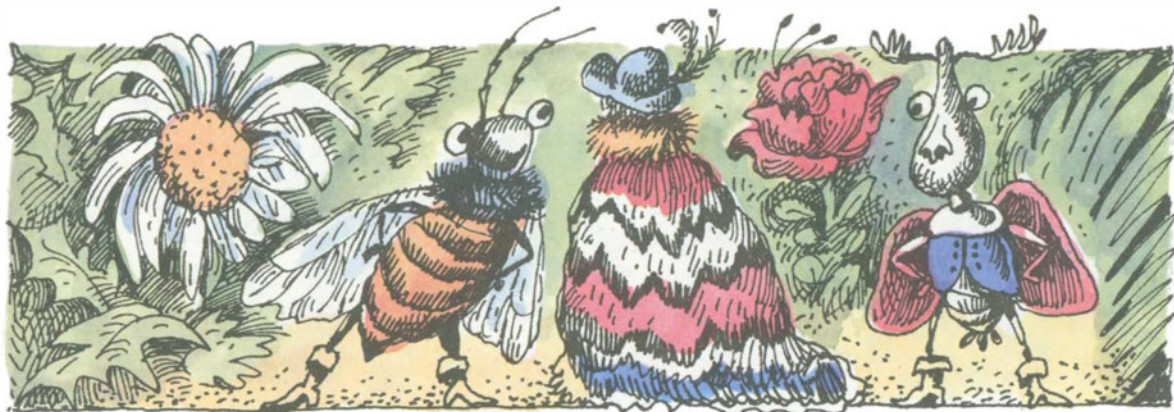
— Да, но все они заняты, — ответила муха, — Надо считать себя счастливой, когда находишь свободное местечко. Если бы прежнего жильца этого листа не съела два дня тому назад лягушка, у меня, вероятно, и до сих пор не было бы пристанища. А ночевать сегодня тут, а завтра там — удовольствие небольшое. Не у всех ведь есть такое благоустроенное государство, как у вас, пчел... Но разрешите представиться: я — Минна Кристоф.

Майя молчала. Она вдруг испугалась, что может попасть в лапы квакушки.

— А много тут лягушек? — спросила она, предусмотрительно передвинувшись к середине листа.

— Не трудитесь пересаживаться, милая, — смеясь, подразнила муха пчелку. — Лягушка все равно вас заметит, ведь на свету лист совершенно прозрачен. Квакушка снизу отлично видит, как вы на нем сидите.

Майя уже представила, как снизу страшный хищник смотрит на нее жадными, голодными глазами. Она встрепелулась, намереваясь немедленно улететь. И тут произошло событие, столь страшное и неожиданное, что бедная пчелка не могла даже сначала сообразить, в чем дело: она услышала громкий шелест, точь-в-точь такой, как когда ветер шумит в увядших листьях; затем раздался протяжный свист, перешедший в сердитое

гуденье, и в то же мгновение лист, где сидела Майя, покрылся чьей-то прозрачной тенью. Сердце пчелки сжалось от ужаса, когда она увидела, как огромная пестрая стрекоза схватила несчастную Минну Кристоф, отчаянно вопившую в ее громадных острых когтях. Страшное существо опустилось со своей добычей на стебелек тростника, и Майя ясно видела их над собою и в то же время их отражение в прозрачной воде. Крики мухи рвали, как клещами, слух пчелки.

— Отпустите ее! Слышите! Сейчас же отпустите ее! — громко закричала она, не помня себя. — Кто бы вы ни были, вы не имеете права совершать насилие!

Стрекоза, выпустив свою жертву из когтей, крепко зажала ее лапками и с удивлением повернула голову к Майе. Пчелка сильно испугалась взгляда больших серьезных глаз разбойницы и грозных когтей, но ее крылья и туловище, сверкавшие, как драгоценные камни, ей очень понравились. Правда, Майю испугали огромные размеры стрекозы, и она струсила, жалея, что вмешалась в это дело.

Но стрекоза очень дружелюбно обратилась к ней:

— Что с вами, мое дитя?

— Отпустите ее, пожалуйста! — взмолилась пчелка, и глаза ее наполнились слезами. — Ее зовут Минна Кристоф...

— Что же из того? — снисходительно улыбнулась стрекоза.

— Ах, она такая симпатичная, такая чистенькая... И к тому же она вам не сделала ничего дурного.

Стрекоза задумчиво взглянула на Минну Кристоф.

— Да, она премилое существо, — пробормотала она и откусила ей голову.

Майя чуть не упала в обморок от этого зверства. Онемев от ужаса,

она слушала, как хрустит прекрасное синевато-стальное тело бедной Минны Кристоф на зубах стрекозы.

— Не думайте, что ваша чувствительность производит на меня какое-нибудь впечатление, — заметила стрекоза, спокойно жуя свою жертву. — Не в ваших силах изменить существующий в мире порядок. Вы еще очень молоды и мало жили у себя дома. Когда у вас в улье, летом, начинается избиение трутней, то окружающий вас мир возмущается не меньше, чем вы теперь, и, думается мне, с гораздо большим правом.

— Вы кончили? — дрожащим голосом, нее смея поднять головы, спросила Майя.

— Осталась еще одна ножка, — ответила стрекоза.

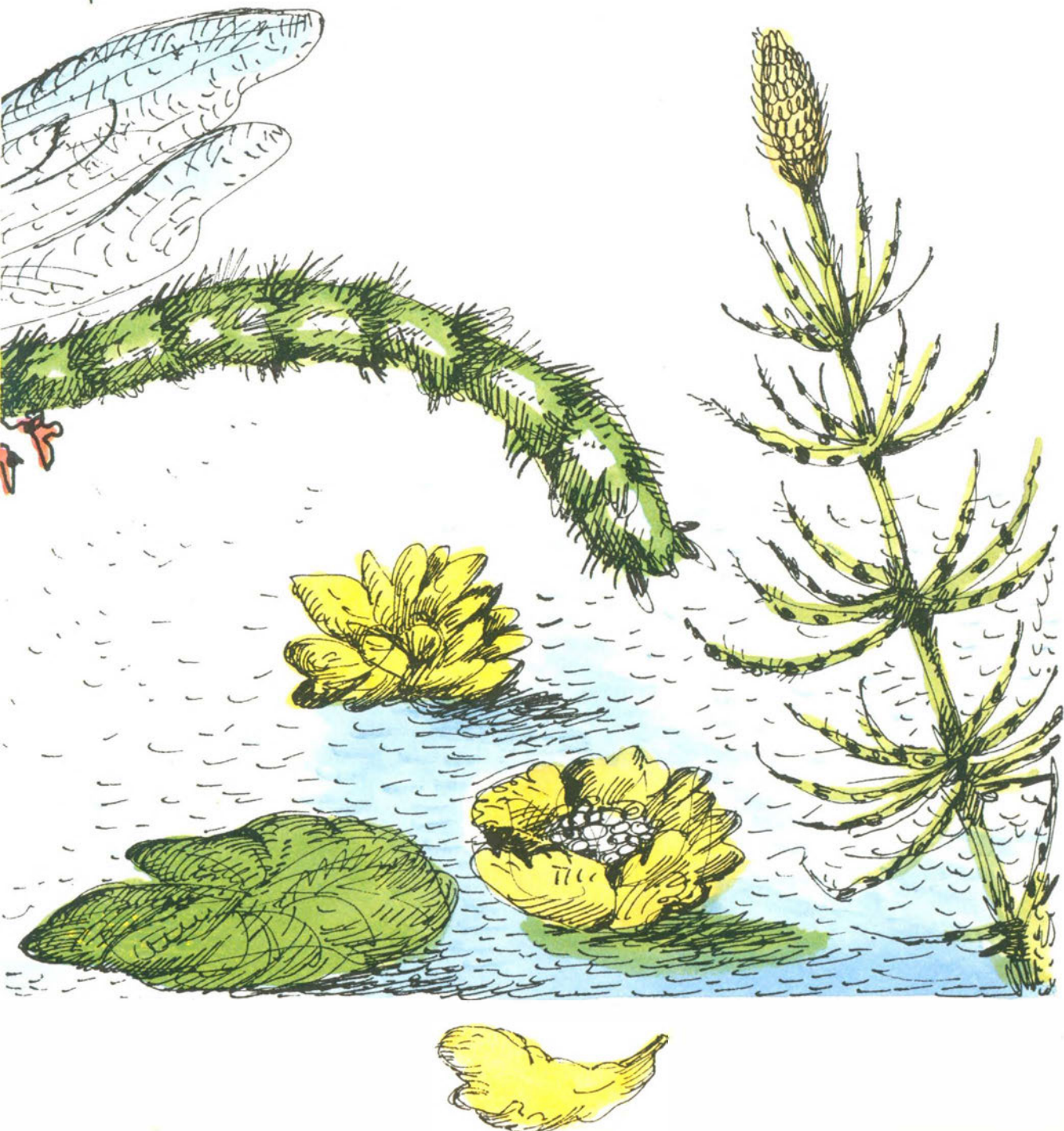
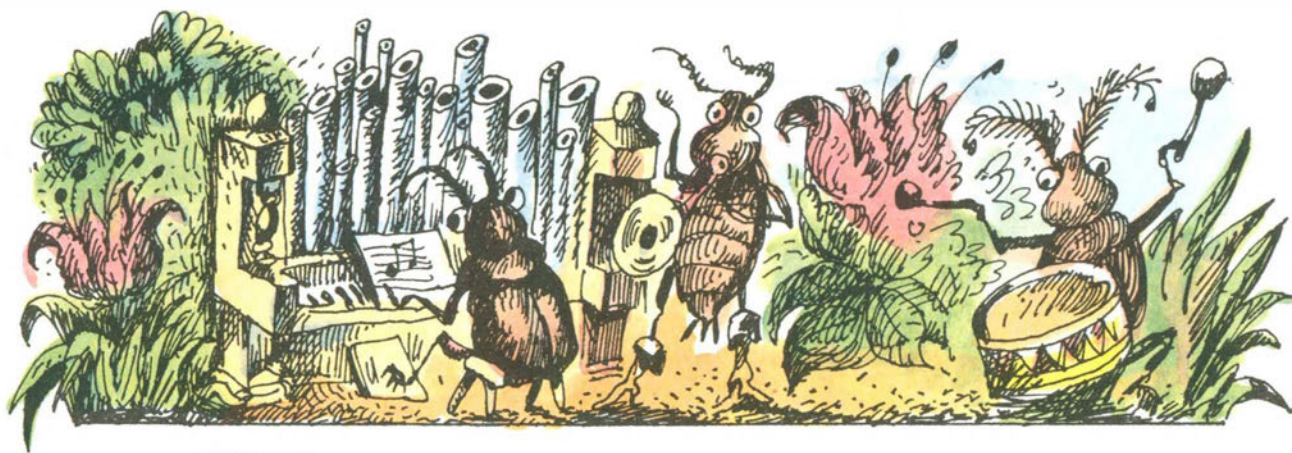
— Съешьте ее, пожалуйста, поскорее, и тогда я вам отвечу, — сказала пчелка, которая хорошо знала, почему летом необходимо избивать трутней, и потому удивлялась неосведомленности разбойницы. — Но не вздумайте подходить ко мне близко. Я моментально пушу в ход свое жало.

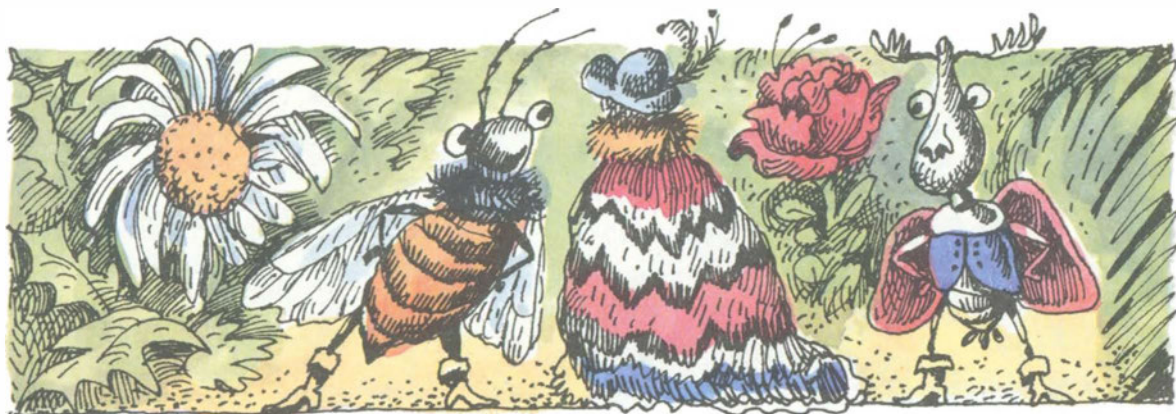
Очень уж рассердилась малютка Майя! В первый раз упомянула она о своем жале и впервые порадовалась, что у нее такое хорошее оружие.

Стрекоза сердито на нее взглянула. Она закончила свой обед и сидела, насупившись, словно хищная птица, готовая броситься на добычу. А маленькая пчелка стала вдруг совершенно спокойна. Она и сама не понимала, откуда взялась у нее храбрость, куда девался ее страх. Она даже грозно зажужжала — так, как это делал в их улье сторож, когда он замечал приближавшуюся осу.

— Стрекозы живут в мире с пчелами, — примирительно произнесла, наконец, разбойница.

— И хорошо делают! — проворчала Майя.

— Уж не думаете ли вы, что я вас боюсь? Вас?!.. — возмутилась стрекоза и, быстро слетев со стебля, стремительно опустилась почти на самую поверхность озера.

Как красиво отражалась она в прозрачной воде! Казалось, что две стрекозы быстро-быстро двигали там своими стекловидными крылышками, окруженными серебристым сиянием. Это было такое захватывающее зрелище, что малютка Майя сразу забыла и свою досаду на хищницу, и участь бедной Минны Кристоф. Она захлопала в ладоши и закричала:

— Как красиво! Как красиво!

— Это вы про меня? — с изумлением спросила стрекоза и тут же самодовольно прибавила. — Да, мне есть чем похвастать. Если бы вы знали, в какой восторг пришли вчера несколько человек, увидевших меня на берегу ручья!

— Люди? — воскликнула Майя. — Вы знакомы с людьми?

— Ну конечно, — ответила стрекоза. — Кстати, я думаю, вам интересно узнать, как меня зовут? Мое имя — Шнука, я из семьи сетчатокрылых.

Майя в свою очередь представилась ей.

— Расскажите мне про человека, — попросила она.

Стрекоза уселась рядышком с нею на листе, и пчелка не протестовала. Она знала, что Шнука не посмеет причинить ей какое-нибудь зло.

— Есть у человека жало? — спросила Майя.

— На что оно ему? — рассмеялась стрекоза. — Нет, у людей есть оружие похуже, и оно очень для нас опасно. Наше племя боится людей, особенно маленьких, называемых мальчиками.

— Они охотятся за вами? — спросила Майя.

— И очень усердно! Я еще не встретила на своем веку ни одного человека, который не пытался бы меня поймать.

— Но зачем вы им? — удивилась пчелка.

— По-видимому, в нас есть что-то привлекательное, — с улыбкой ответила Шнука. — Других причин я не вижу. Бывали случаи, когда люди, изловив кого-нибудь из нашей семьи, причиняли ему страшные мучения и в конце концов убивали.

— Они едят вас? — испуганно спросила Майя.

— Нет, нет! — успокоила ее Шнука. — Насколько известно, люди не питаются стрекозами. Но в человеке живут какие-то необъяснимые разбойничьи наклонности. Вы не поверите, но так называемые мальчишки нередко ловят нас лишь для того, чтобы обрывать нам крылышки и ножки. Вы сомневаетесь? — спросила она, заметив недоверчивый взгляд пчелки.

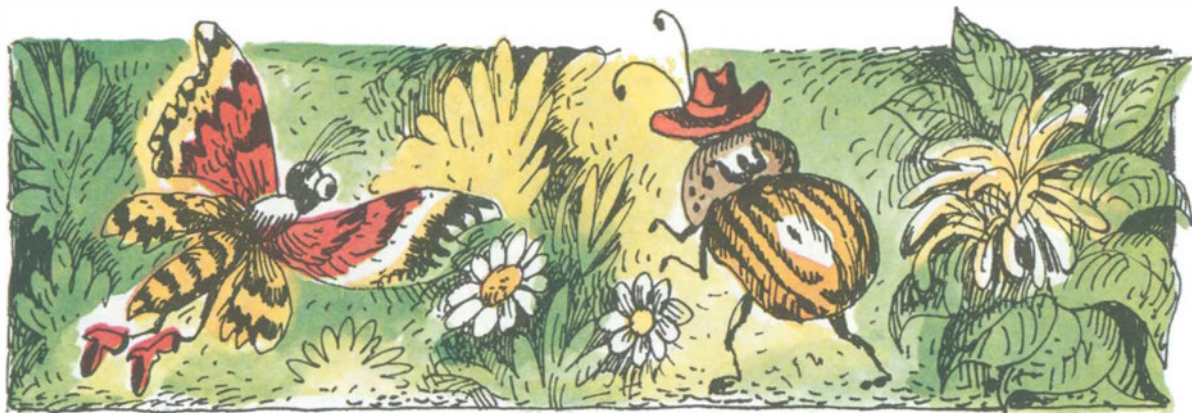
— Конечно, сомневаюсь, — негодуя ответила Майя.

Стрекоза пожала своими блестящими плечиками.

— Уж так и быть, расскажу вам всю правду, — печально произнесла она. — Был у меня братец. Он подавал блестящие надежды, хотя был несколько легкомыслен и очень любопытен. Он попал в руки одного мальчика, который накинуд ему на голову сетку, укрепленную на длинной палке... Можете вы себе это представить?

— Нет, — ответила пчелка. — Такую вещь я не могу себе представить.

— Потом, — продолжала Шнука, — мальчик перевязал моему братцу грудь черным шнурком, как раз между крыльями, так что, хотя он и мог взлететь, но совсем улететь не мог. Всякий

раз, когда брату казалось, что он вот-вот освободится, мальчик тащил его обратно за шнурок.

— Это трудно себе представить, — грустно покачала головой Майя.

— Если случается, что я днем об этом не думаю, то всегда вижу эту картину ночью во сне, — сказала стрекоза. — В конце концов, мой брат, конечно, погиб, — прибавила она.

— А отчего он умер? — с участием спросила пчелка.

Из глаз Шнуки хлынули слезы.

— Мальчик засунул его в карман. А этого никто не может вынести.

— А что такое карман? — осведомилась Майя, потрясенная услышанным ею страшным рассказом.

— Карман, — объяснила стрекоза, — это кладовка, находящаяся у людей на одежде. И знаете, что там было еще? Если бы вы только знали, в каком ужасном обществе окончил свои дни мой братец! Вы никогда не догадаетесь!

— Нет, — произнесла дрожащим голосом пчелка. — Может быть, в кладовой был мед...

— Нет, нет, — перебила ее Шнука. — Мед в карманах людей вы найдете редко. А там было вот что: лягушка, перочинный ножик и репа.

— Какой ужас! — воскликнула Майя. — А что такое перочинный ножик?

— Это что-то вроде искусственного жала людей. Природа не дала человеку этого естественного орудия защиты, вот он и придумал нечто в этом роде... Лягушка, к счастью, была уже при последнем издыхании. Она потеряла один глаз, одна нога была у нее сломана, а нижняя челюсть вывихнута. Когда мой

брат попал в карман, она прошипела: «Как только я выздоровею, я тебя съем!» При этом она страшно косила своим единственным глазом. Вы представляете себе, как это было ужасно! Вдруг моего брата что-то толкнуло к лягушке, и крылышки его чуть не прилипли к ее холодному мокрому телу... Он сразу потерял сознание... О! Нет слов, чтобы выразить этот ужас!

— Но откуда вы все это знаете? — пробормотала взволнованная Майя.

— Спустя некоторое время мальчику захотелось есть, и он полез в карман за репой, выбросив оттуда лягушку и моего брата. Я услышала его стоны и нашла их обоих рядышком на траве. Но увы! Было уже слишком поздно! Мне удалось только выслушать от брата все, что я вам рассказала, после чего он обнял меня, поцеловал и без жалоб, без слез, как истый герой, тихо скончался... Когда прекратилось предсмертное колебание его смятых крылышек, я закрыла ему глаза, покрыла его тело дубовыми листьями, а в холмик воткнула голубой цветочек. «Прощай, — сказала я, — спи спокойно, братец!» — и улетела навстречу двум огненным солнцам... К вечеру, как вы знаете, их всегда два: одно на небе, а другое — в озере... Можете себе представить, как тяжело и грустно было мне тогда!.. А с вами случалось что-нибудь подобное?

— Нет, — ответила Майя, — до сих пор я была вполне счастлива.

— Ну, благодарите Бога! — разочарованно произнесла Шнука.

Майя спросила про лягушку.

— О! Она умерла смертью, которую заслужила. Ведь она была так жестока, что грозила умирающему!.. Она пыталась было

убежать, но так как один глаз и одна нога у нее были повреждены, то она лишь подскакивала на одном месте. Это было так смешно! «Ну, в таком виде вас аист сразу поймает» — сказала я ей и улетела.

— Бедная лягушка! — прошептала пчелка.

— Ну, знаете, это уж слишком! — возмутилась стрекоза. — Жалеть квакушку! Это значит рыть самой себе яму! Совсем-то вы неразумное существо!

— Может быть, — согласилась Майя, — но я не могу видеть чужие страдания и даже слышать о них.

— Это оттого, что вы молоды, — утешила ее Шнука. — Вы еще многому научитесь, друг мой... Но мне пора на солнышко. Тут слишком прохладно. Прощайте!

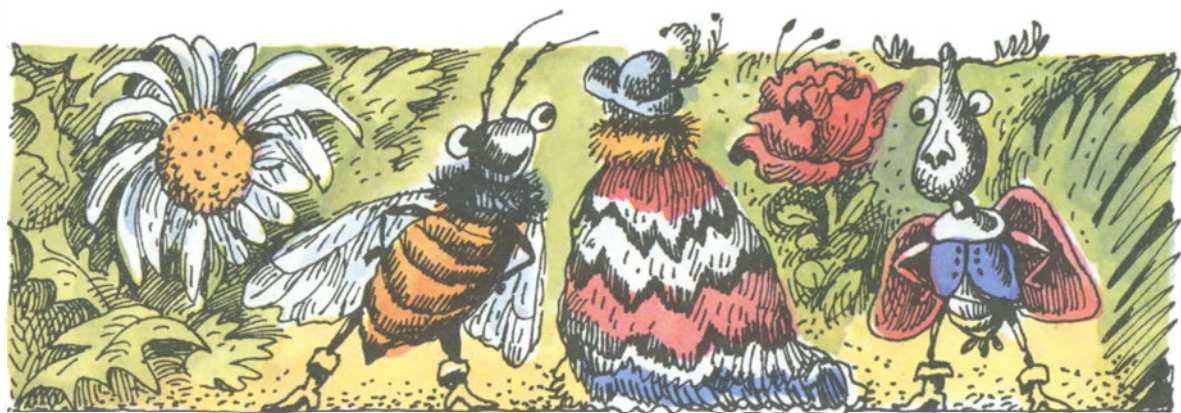
Стрекоза вспорхнула и засверкала тысячью искорок, какими блещут только драгоценные камни. Через зеленый тростник она полетела над поверхностью воды, и Майя слышала, как она запела свою песню. В ней было что-то сладостно-печальное, и пчелке сделалось и грустно и радостно на душе.

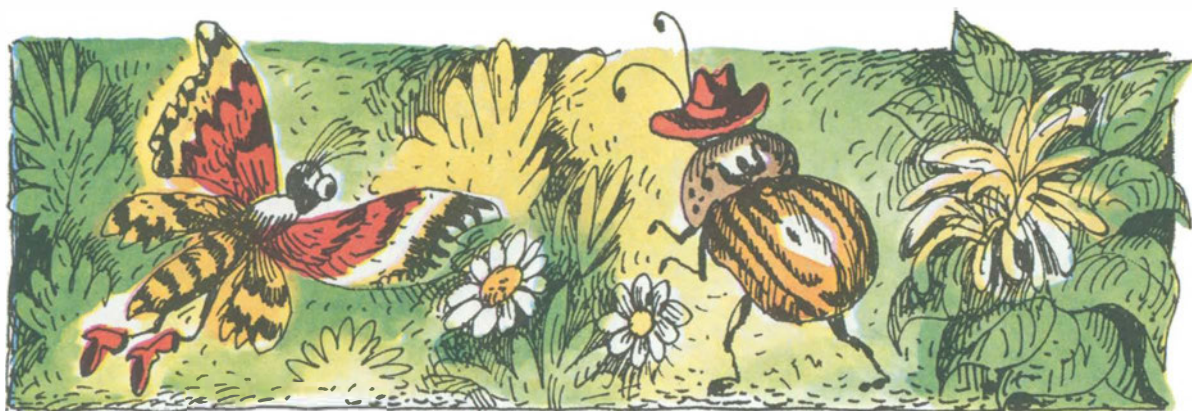
Тихо плещется река,
В небе синем облака,
Солнышко сияет,
Сладко шепчется тростник,
Стебель лилии поник,
Луч в воде играет

Теплый ветер, лепет струй,
Солнца жгучий поцелуй...
Как на сердце ясно!
Все минует, все пройдет,
Лето жаркое уйдет...
Ах, как жизнь прекрасна!

— Слышишь, стрекоза поет, — сказал белый мотылек своей подруге. Они пронеслись мимо пчелки и утонули в синеве солнечного дня.

Тогда и Майя расправила свои крылышки, простилась тихим жужжанием с серебряной гладью озера и полетела к берегу.

Ифи и Курт

На другое утро Майя проснулась в чашечке голубого колокольчика. Она услышала в воздухе какой-то однообразный шум и почувствовала равномерные колебания цветка, на котором сидела, словно кто-то слегка его пошатывал. Доносился влажный запах травы и земли. Было прохладно.

Майя поела немного цветочной пыльцы, привела себя в порядок и осторожно, шаг за шагом, выползла наружу. Тихо шумел дождь, покрывая все вокруг миллионами серебристых жемчужин.

Это был первый дождь в жизни Майи! И хотя он ей понравился, она сразу же вспомнила предостережение Кассандры — никогда не вылетать в ненастную погоду. Она понимала, что под дождем трудно двигать крылышками; кроме того, ей было холодно, и она с тоскою думала о ярком солнечном сиянии, приносящем с собою радость и беззаботное веселье.

Было еще очень рано, и жизнь внизу, в траве, только начинала пробуждаться. Майя, хорошо укрытая в своем убежище, могла спокойно наблюдать за просыпавшимся миром. То, что она увидела, заставило ее забыть на минуту и тоску по родному дому, которая нет-нет да забиралась к ней в душу, и охватившие ее заботы. Было так занятно следить из укромного уголка за происходившим в чаще стеблей. И все же мысли ее вновь возвратились к покинутому улью, где так уютно и безопасно, где все стоят друг за друга. Она ясно представляла себе, как в этот дождливый день пчелы сидят рядышком, вместе, довольные неожиданным отдыхом; одни исправляют ячейки, другие кормят личинок. В ненастную погоду в улье делать почти

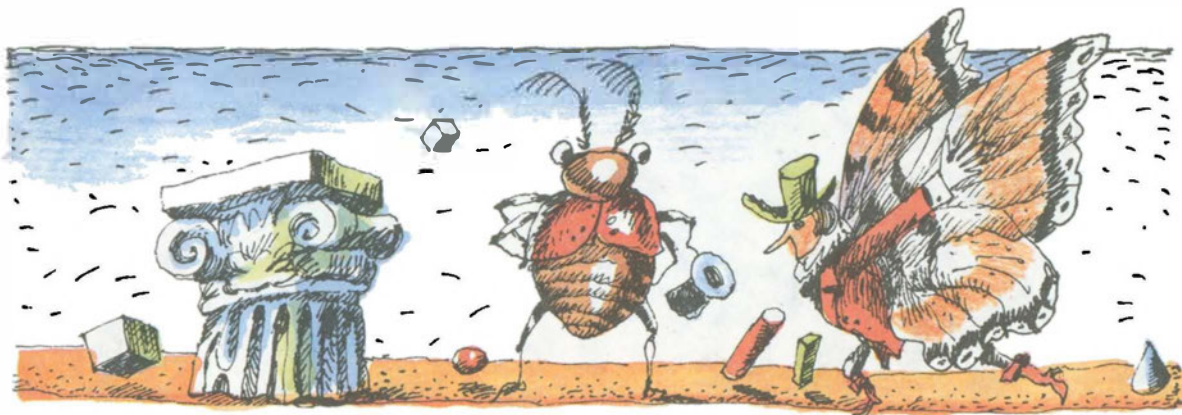
нечего. Лишь изредка оттуда вылетают разведчики, чтобы узнать — не прекратился ли дождь, не переменился ли ветер. Царица расхаживает по этажам улья, за всем следит, все пробует, кого похвалит, кому выразит порицание, положит то тут, то там яичко. Все счастливы услышать от нее ласковое слово. Иногда она гладит по головкам молодых пчелок, только что начавших работать, и расспрашивает об их впечатлениях.

Как приятно сознавать, что с тобою считаются, что тебя любят и уважают; как приятно пользоваться надежной защитой общины! А тут она одинока, подвержена разным опасностям, зябнет... Что она будет делать, когда перестанет дождь? Что она будет есть? Меду в колокольчике почти не было, да и цветочная пыльца держится недолго. И в первый раз в своей жизни Майя поняла значение солнечного света. «Не будь его, не было бы и легкомыслия», — подумала она.

И все же мысль о солнце вновь наполнила радостью все ее существо, и она почувствовала гордость за то, что сумела сама себе выбрать жизненный путь. Сколько чудес видела она за это короткое время! Другие не узнают этого до самой смерти. «Опыт — великое благо, и он стоит жертв», — сказала она самой себе.

Показалась толпа странствующих муравьев. Они шли с песней и как будто куда-то спешили. Задумчиво и грустно слушала их пчелка:

Краток, краток жизни срок —
Скоро все умрем,
Только кто работать мог —
Не грустит о том.

Муравьи были хорошо вооружены, вид у них был смелый, даже грозный. Когда затихла их песня под листьями белокопытника, вдруг послышался грубый и хриплый голос. Энергично раздвинув молодые одуванчики, оттуда выскочил большой жук, похожий на металлическое полушарие, отливавшее то синим, то зеленым, то черным. Он был вдвое или даже втрое больше Майи. Его твердый панцирь казался несокрушимым, а в его башке звучало что-то свирепое. По-видимому, он был разбужен пением муравьев и потому встал в дурном настроении: волосы не были еще расчесаны, он сонно протирает хитрые глазки.

— Пойдите! Я вас! — кричал он. — Убирайтесь прочь!

«Какое счастье, что я не натолкнулась на него!» — подумала пчелка в своем безопасном убежище. И все же сердечко ее затрепетало. Она осторожно забралась вглубь цветочной чашечки.

Жук, неуклюже переваливаясь, пополз по мокрой траве. Трудно было его назвать изящным. Около увядшего листка, как раз под цветком Майи, он остановился, отодвинул его, и пчелка увидела замаскированный вход в пещеру.

— Чего-чего только нет на свете! — с удивлением сказала она самой себе. — Какая поразительная вещь! Кто бы мог подумать? Целой жизни мало, чтобы узнать о происходящем в мире.

Она тихонько сидела в своей чашечке и следила за жуком. Дождь продолжался.

— Если вы хотите идти со мною на охоту, — крикнул мохнач, подходя к подземной норе, — то вставайте поскорее! Уже совсем светло!

Из пещеры послышался тоненький, чирикающий голосок:

— Ради Бога, закройте! Ведь сюда льется дождь!

Жук повиновался.

— Но, пожалуйста, поторопитесь, — проворчал он.

Майе было очень интересно знать, что будет дальше. Она увидела, как увядший листок вновь отодвинулся, и из-под земли медленно вылезло бурое существо, показавшееся ей чрезвычайно странным, — с неуклюжим телом и необыкновенно толстой головой с маленькими торчащими усиками. Тоненькие ножки еле передвигались, а выражение его лица было озабоченное.

— С добрым утром, Ифи, — приветствовал это удивительное существо жук, пытаясь вежливо вытянуться в струнку. — Как вы спали, моя милая?

Ифи равнодушно протянула ему руку.

— Я не могу идти с вами, Курт, — сказала она. — Про нас и так уже болтают.

Бедный жук казался очень испуганным.

— Я вас не понимаю, Ифи, — пробормотал он. — Неужели наша юная дружба может погибнуть из-за таких пустяков?! Подумайте, Ифи! Какое вам дело до чужой болтовни? У вас своя собственная нора, куда вы можете вползти, когда хотите; а если вы заберетесь в нее поглубже, то не услышите никаких разговоров.

— Вы ничего не понимаете, Курт, — печально ответила Ифи. — У меня на этот счет свои взгляды. Кроме того, вы меня обманули: вы меня уверяли, что вы из семьи бронзовок, а слизняк сообщил мне вчера, что вы попросту навозный жук. Слизняк своими глазами видел вас за работой, назвать которую у меня язык не повернется. Вы понимаете, что нам необходимо расстаться.

— Нет, я этого не понимаю! — горячо воскликнул Курт, придя в себя. — Я хочу, чтобы меня любили за мои личные качества, а не за мою профессию.

— Если бы речь шла не о навозе, — сдержанно возразила Ифи, — я еще могла бы примириться с вашим занятием. Но вы должны понять, что вдова, мужа которой всего три дня тому назад съела землеройка, обязана проявлять величайшую скромность... А потому — прощайте!

Сказав эти слова, Ифи с удивительной быстротой, словно ее унес ветер, скрылась в пещере. Майе трудно было поверить, что живое существо может так стремительно исчезать.

Курт уставился на вход в норку. При этом у него был такой глупый вид, что пчелка не могла удержаться от смеха.

Но вот жук пришел в себя и начал недовольно трясти своей маленькой круглой головкой. Усики его печально опустились, как смоченное дождем опахало.

— В наше время, — вздохнул он, — не ценят ни хороший характер, ни солидный образ жизни. Ифи бессердечна, до сих пор я не решался в этом признаваться, а теперь вижу, что это — факт. Но если она не могла стать моей подругой по влечению сердца, то что же мешало ей сделать это хотя бы по расчету?

Майя заметила, что, говоря это, он уронил слезу, и ей стало его жаль.

И вдруг Курт оживился. Он перестал плакать, осторожно пробрался за кучу земли, которую его подруга набросала, вероятно, при устройстве своего жилища. По траве полз небольшой красноватый дождевой червь. Пчелку удивил его способ передвижения: он то вытягивался в струнку, то съеживался и делался опять толстым. Его туловище состояло

из колец, беззвучно передвигавшихся вперед. Майя страшно испугалась, когда жук появился неожиданно из-за холмика, схватил червячка и разорвал его на две части. Не обращая внимания на отчаянные судороги обеих половинок, он принялся за одну из них.

— Потерпи, потерпи, — бормотал Курт, — сейчас будет конец!

Но вдруг он опять вспомнил, должно быть, о навеки утерянной им Ифи, и крупные слезы снова потекли по его щекам.

Пчелке было очень жаль его. «Как много в мире неприятностей!» — подумала она. Вдруг, к своему величайшему изумлению, она увидела, что вторая половинка червя, о которой Курт, охваченный печалью, позабыл, стала быстро удаляться.

— Кто бы мог в это поверить! — удивленно воскликнула Майя, да так громко, что жук услышал и начал озираться.

— Прочь с дороги! — закричал он вдруг.

— Да ведь я сижу здесь и вовсе не мешаю вам! — возразила пчелка.

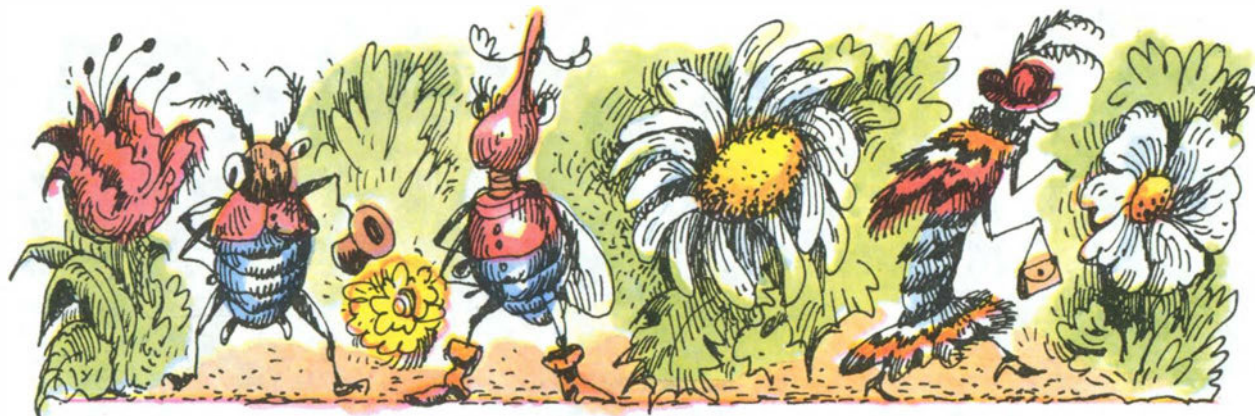
— А где же вы сидите? — спросил Курт, все еще не видя ее. — Куда вы спрятались?

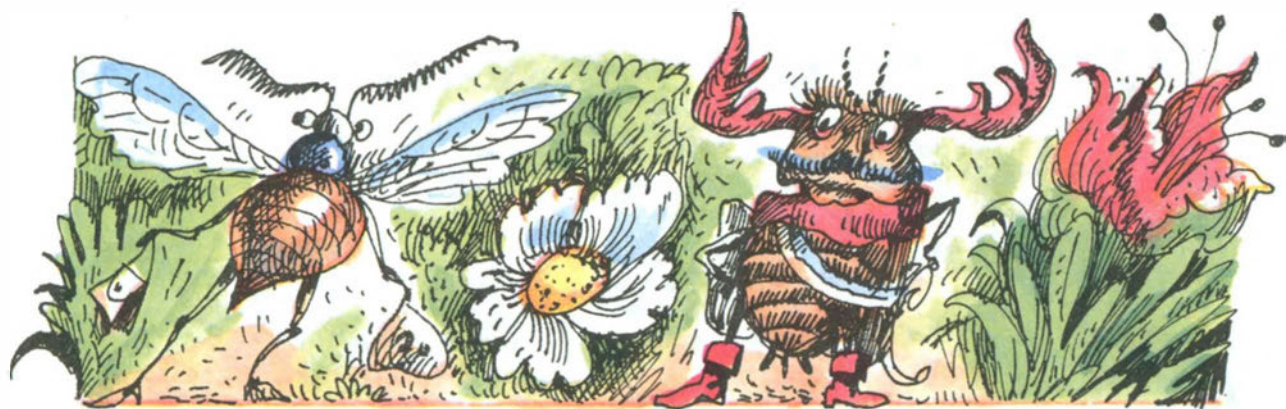
— Над вами, в чашечке цветка, — ответила Майя.

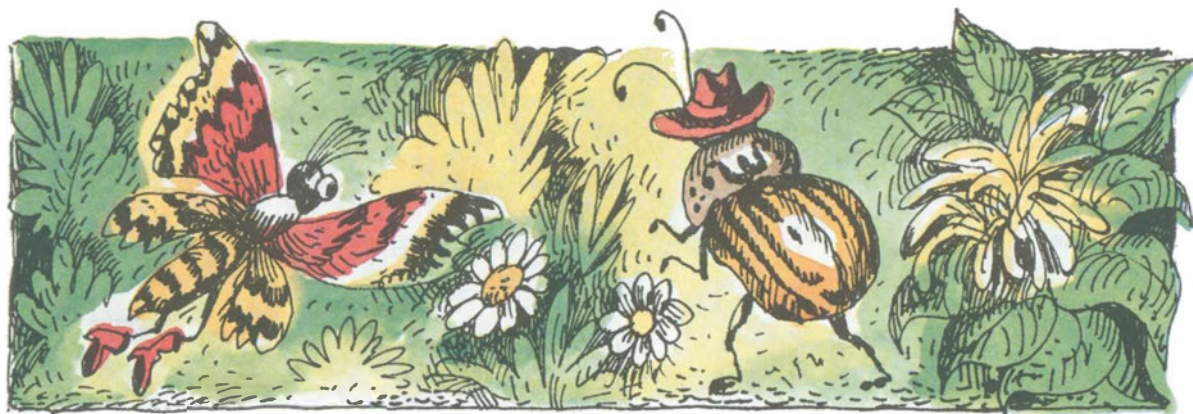
— Разве что! — сказал жук. — Но я ведь не кузнечик и не могу подпрыгнуть, чтобы вас увидеть... Почему вы крикнули?

— Да ведь половинка вашего червя убегает! — сказала пчелка.

— Да, это верно, — произнес Курт, следя за беглецом. — Они удивительно подвижны. Но не беда: у меня сегодня нет аппетита.

И он бросил половину червяка, которую еще держал в руках. Как и первая, она пустилась удирать, но в противоположную сторону.

Майя не могла прийти в себя от изумления, но жуку этот образ действия червей был, видимо, хорошо знаком.

— Не подумайте, пожалуйста, что я всегда питаюсь этой гадостью, — заметил он.

— Покажите, по крайней мере, этому несчастному, куда убежала его первая половина, — взволнованно попросила пчелка.

Курт задумчиво покачал головой и сказал:

— Не следует снова соединять тех, кого разлучает судьба... Кто вы? — добавил он, помолчав.

— Меня зовут Майя. Я — пчела.

— Очень приятно, — заявил Курт. — Я ничего не имею против пчел. А почему вы там сидите? Ведь вы, кажется, больше любите летать. Давно вы тут?

— Я здесь ночевала.

— Вот как, — подозрительно произнес жук. — Надеюсь, вы хорошо спали? Вы только что проснулись?

Майя утвердительно кивнула головой.

Жук бегал, стараясь найти местечко, откуда бы он мог взглянуть наверх.

— Погодите, — обрадовался он, — вот я вскарабкаюсь на стебелек травы и посмотрю на вас. А вы взгляните тогда на меня. Ладно?

— Мне это будет очень приятно, — вежливо ответила Майя.

Курт нашел подходящее растение, и пчелка хорошо

разглядела жука, когда тот встал на задние лапки и повернул к ней голову. Он показался ей довольно милым и приветливым, хотя был уже немолод, да и щеки у него были слишком толстые. Он поклонился.

— Курт, из семьи бронзовок, — представился он.

Маленькая Майя, уже зная, что Курт — навозный жук, посмеялась над ним в душе. Но промолчала, не желая его огорчать.

— Неужели вас не беспокоит дождь? — спросила она.

— Нисколько, — небрежно ответил он. — Ведь я живу среди роз, а там почти всегда влажно.

— Курт, — с улыбкой произнесла пчелка, решив, что не мешает все-таки его немного проучить за хвастовство, — а что там за отверстие под листом?

— Где? Какое? — испугался жук. — Да тут много всяких дыр... Вы и представить себе не можете, сколько их тут!..

Волнение, которое его охватило при этом вопросе Майи, и старание казаться спокойным имели весьма печальное для него последствие: он потерял равновесие и упал на спинку, беспомощно барахтаясь руками и ногами.

— Ой! Ой! Я погиб! — завопил он. — Я не могу повернуться!.. Я так помру... Какое несчастье!..

Курт кричал так громко, что не услышал утешений пчелки. Он делал отчаянные попытки перевернуться, но всякий раз, когда ему казалось, что вот-вот это ему удастся, земля подавалась под ним, и он опять ложился на свою круглую спину. Это было действительно печальное зрелище, и Майе было страшно за жука, тем более, что он обессилел от бесплодных попыток и криков.

— Я не выдержу этого! — стонал он. — Да отвернитесь вы, по крайней мере!.. Не мучьте умирающего своим назойливым взглядом... О, если бы я мог достать какой-нибудь стебелек!..

— Стойте! — воскликнула пчелка, сердце которой переполнилось состраданием. — Я попробую вас поднять. Если я напрягу все свои силы, мне, может быть, это удастся. Но, ради Бога, Курт, умоляю вас, перестаньте кричать! Послушайте меня: если я наклоню к вам стебелек, сможете вы, уцепившись за него, подняться?

Жук продолжал кричать и стонать: страх смерти совсем лишил его возможности соображать.

Крошка Майя, несмотря на дождь, вылетела из своего убежища, разыскала тонкую зеленую былинку вблизи того места, где лежал Курт, и взобралась на самую ее верхушку. Она возликовала от радости, когда стебелек стал наклоняться под ее тяжестью и опустился как раз над барахтающимся Куртом, коснувшись его лица.

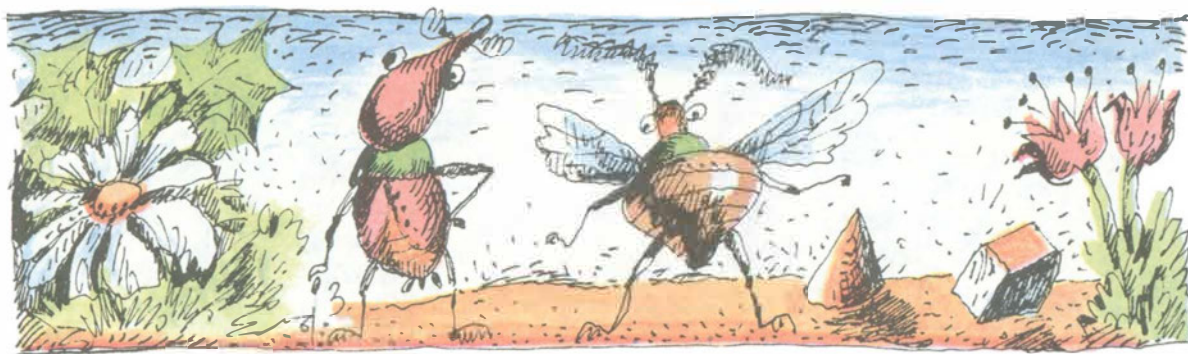
— Держитесь крепко! — крикнула Майя.

Жук, почувствовав щекотку, крепко уцепился за былинку сначала одной рукой, потом другой и наконец ножками с великолепными острыми коготками. Он начал медленно взбираться по стебельку, пока не достиг его основания. После чего опустился на ноги.

— Уф! Как это было ужасно! — произнес он, тяжело дыша. — Если бы не мое присутствие духа, я, наверно, сделался бы жертвой вашей болтливости.

— Как вы себя чувствуете? — участливо спросила Майя.

— Спасибо, спасибо! — ответил Курт, держась за голову. —

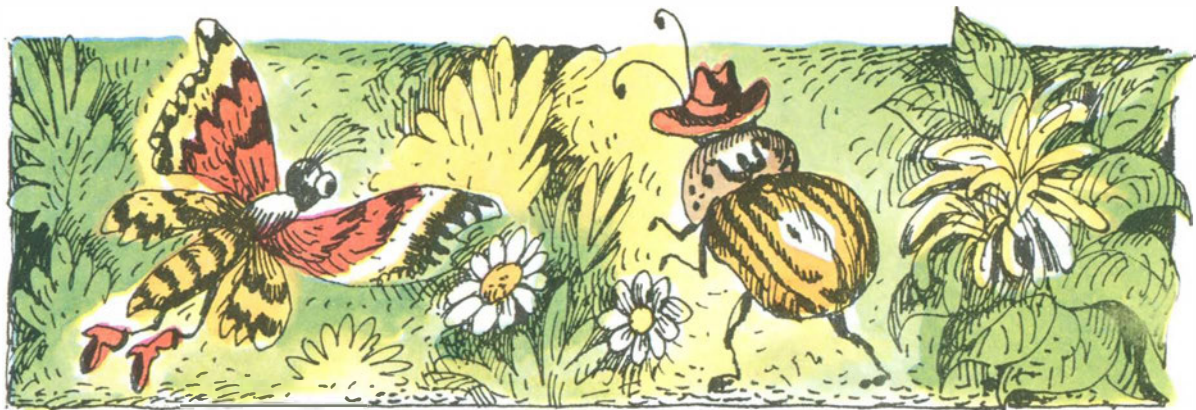

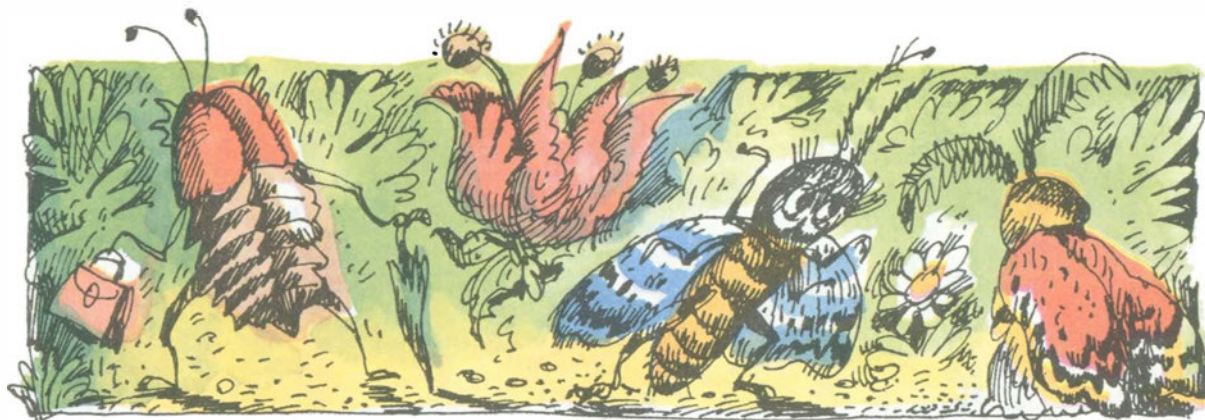
Как только пройдет немного головокружение, я отвечу вам подробнее.

Но пчелка не дождалась ответа. Над травой показалась славка, гнавшаяся за насекомым. Майя испуганно прижалась к земле и замерла в этом положении, пока птичка не пролетела. А когда минуту спустя она поднялась и стала искать глазами Курта, его уже не было.

Погода между тем прояснилась, дождь перестал, и пчелка отправилась в путь.

Кузнечик

Денек выдался на славу! С раннего утра все было покрыто росой, а потом над лесом взошло солнце и осветило косыми лучами зеленые лужайки, которые засверкали и заблестели, как усыпанные самоцветными камнями ковры.

Майя, проснувшись, услышала вокруг себя ликующие голоса. То радовались и пели высоко на деревьях птицы, гудели и звенели порхавшие в воздухе и копошившиеся в мураве и кустах жуки, бабочки и мушки.

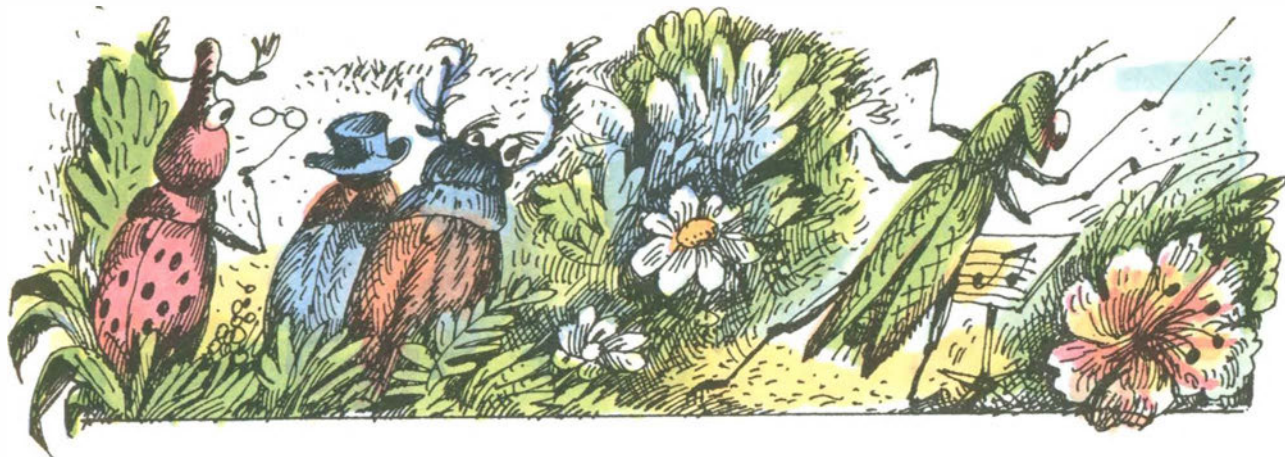
Маленькая пчелка уютно расположилась в отверстии древесной коры. Там было сухо, тепло и безопасно. Правда, на заре до нее донесся стук дятла по дереву. А на маленького насекомого, укрывавшегося в трещинах коры, эти звуки производят такое же впечатление, как на нас, когда мы слышим ночью ломящихся в окно нашего дома грабителей. Но для Майи все обошлось благополучно.

Она вообще устроилась в своем убежище довольно основательно. В укромной щелке, темной и прохладной, она сделала себе небольшой запас меда на случай дождливых дней, а вход в свое жилище залепила воском, оставив лишь небольшое отверстие, чтобы можно было влетать и вылетать.

С ликующим жужжанием выпорхнула в это утро Майя из своего домика и окунулась в залитый солнцем мир, полная нетерпеливого ожидания. В прозрачном золотистом воздухе она казалась пылинкой, которую гнал перед собою ветер.

— Сегодня я встречу человека! — воскликнула она. — В такую погоду и люди, наверно, не утерпят и выйдут насладиться природой.

Никогда еще не приходилось Майе видеть такое множество

насекомых. Они носились повсюду, кружились, взвивались к небу, устремлялись к земле, издавая такое веселое и радостное гудение, что невольно заражали всех вокруг.

Малютка Майя опустилась на густо поросшую травой и цветами лужайку. Беловатые пучки кашки и красный мак манили к себе. Пчелка попила немного нектару, который она нашла в чашечке колокольчика, и собралась было лететь дальше, как вдруг заметила возле себя, на стебельке, странное существо. В первую минуту она испугалась, потому что не могла себе представить, чтобы на свете могло жить такое зеленое и такое тощее страшилище. Но страх быстро уступил место любопытству и, как пригвожденная, Майя уставилась на длинноногого незнакомца. В начале ей показалось, что у него рога, но тут же она убедилась, что это был его лоб, необычайно выдававшийся вперед и увенчанный двумя очень длинными и тонкими, как ниточки, усиками. У таинственного существа, очень стройного, были красивые передние ножки и тонкие, почти незаметные крылышки, на которых, подумала пчелка, далеко не улетишь. А больше всего ее поразили его непомерно высокие задние ноги, торчавшие, как две огромные ходули. Весь он был зеленого цвета. В его хитрых глазах застыло выражение дерзости и удивления, но злости в них не было, а скорее — добродушие и миролюбие.

— Что вы так выпучили на меня свои очи, мамзель? — сердито произнес он, по-видимому, раздраженный слишком пристальным взглядом Майи. — Разве вы никогда в жизни не видали кузнечика? Или, может быть, вы высиживаете детей?

— Что за глупости вы говорите? — рассердилась пчелка. — Если бы я даже умела это делать, я никогда не позволила бы

себе легкомысленно подражать священным обязанностям нашей царицы.

Лицо кузнечика приняло такое комичное выражение, что Майя, несмотря на досаду, не могла не рассмеяться.

— Ну и удивительная же вы, мамзель! — расхохотался в свою очередь и он.

Этот смех и поведение странного существа разгневали пчелку.

— Чему вы так радуетесь? Вы, кажется, всерьез думаете, что я могу класть яйца, да еще тут, на лужайке?

Но в это мгновение раздался неожиданно какой-то треск, кузнечик воскликнул «гопля!» — и исчез. Он взвился высоко в воздух, не прибегая для этого к крыльям, и сделал безумно смелый, как показалось Майе, дугообразный скачок. А через секунду он уже опять сидел рядом с ней на листке колокольчика, и пчелка даже не успела заметить, с какой стороны он на него вскочил.

Удивительный прыгун принялся рассматривать Майю со всех сторон.

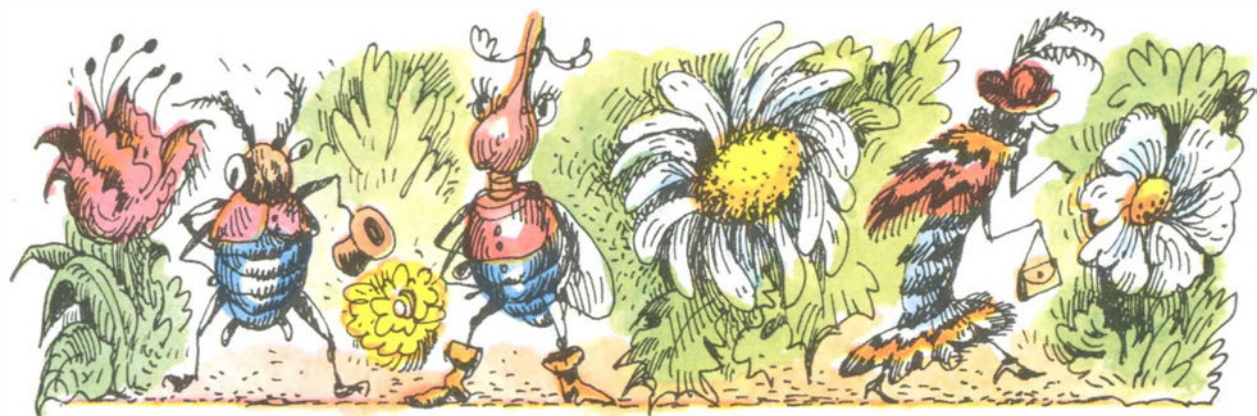
— Да, — протянул он презрительно, — вы действительно не приспособлены для кладки яиц... Не волнуйтесь, мамзель, — продолжал он, видя, что пчелка сердито повернулась к нему. — Вы, если не ошибаюсь, оса?

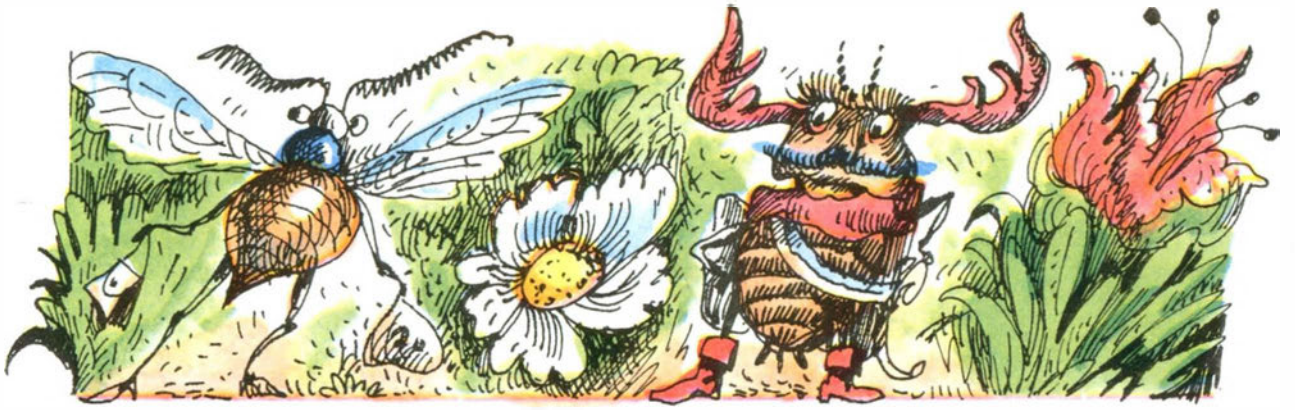
— Нахал! — сердито воскликнула оскорбленная такой дерзостью Майя.

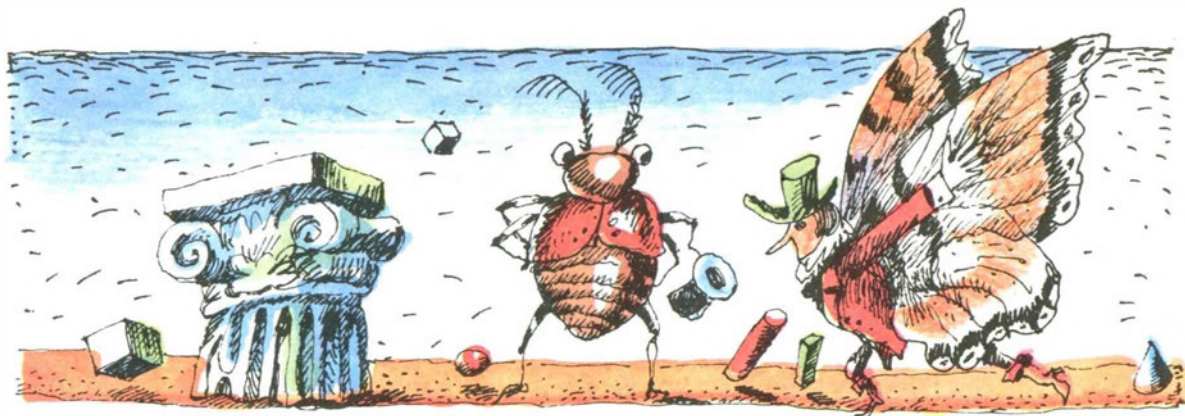
Но кузнечик опять крикнул «гопля!» — и был таков.

— Нет, этот грубиян окончательно расстроил мои нервы, — сказала себе пчелка и решила улететь.

Слыханное ли дело? Такого оскорбления ей еще никто

никогда не наносил. Принять ее за осу, за представительницу этого разбойничьего бродячего народа! Возмутительно!

Но в эту минуту кузнечик опять очутился возле Майи.

— Мамзель, — проговорил он, поворачиваясь к ней, причем его задние ноги изобразили часовые стрелки, когда они показывают половину седьмого, — мамзель, вы должны меня извинить, если я время от времени так странно и неожиданно прерываю наш разговор. Но я не виноват: это находит на меня как-то сразу, и я должен прыгнуть, должен скакнуть куда глаза глядят... А вы умеете прыгать? — вдруг спросил он ее, и его рот растянулся в широкую улыбку.

Майя невольно засмеялась.

— Кто вы такой? — спросила она. — Вы обладаете удивительным свойством раздражать.

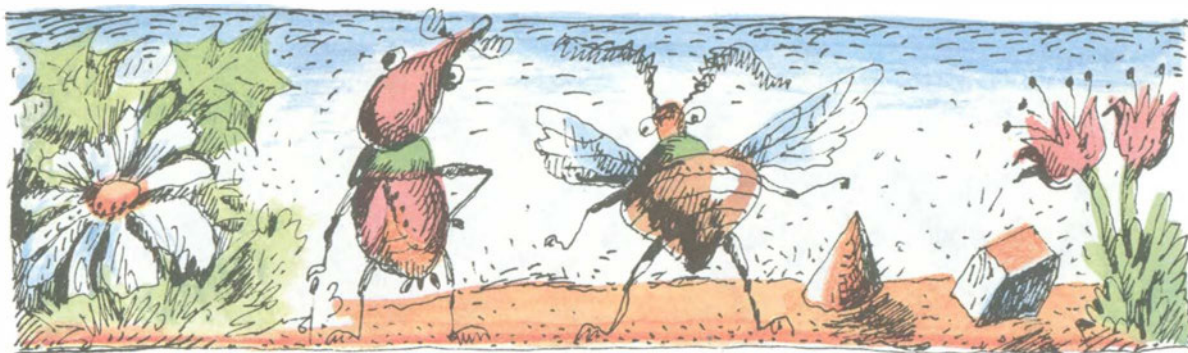
— Что делать? Все уж меня знают таким, — ответил он и соорудил при этом такую смешную гримасу, что пчелка не могла понять, говорит ли он серьезно или смеется над нею.

— Я здесь иностранка, — вежливо заметила она, — иначе я, конечно, знала бы вас. Но прошу вас запомнить раз навсегда, что я не оса, а принадлежу к семейству пчел.

— Да ведь это одно и то же! — воскликнул кузнечик.

— Вы невежда, — с трудом сдерживая негодование, сказала Майя. — Потрудитесь, при удобном случае, внимательно рассмотреть осу.

— Зачем? — небрежно ответил он. — К чему искать различия, которые существуют только в воображении? Вы летаете, жалите и не умеете прыгать. Оса — тоже. В чем же разница?.. Гопля! — и он снова исчез.

«Ну, теперь надо отсюда прочь», — подумала пчелка, но не успела она расправить крылья, как ее собеседник вновь очутился возле нее.

— Завтра будут призовые скачки в саду пастора Зюндепика, — сказал он. — Не желаете ли получить входной билет, мамзель? У моей старухи осталось еще два, и я полагаю, что она не откажет уступить вам один. Я надеюсь завтра побить рекорд.

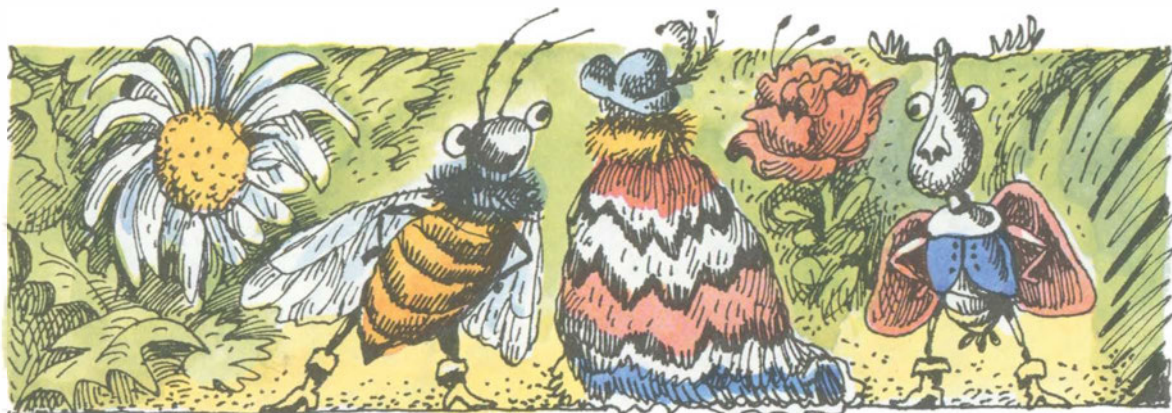
— Меня это мало занимает, — ответила еще не оправившаяся от досады Майя. — Кто умеет летать, у того интересы повыше.

Кузнечик громко расхохотался.

— Не зазнавайтесь, мамзель, — произнес он. — Летать умеют многие, а вот прыгать не всякий способен. Даже человек, и тот стремится к этому. На днях я видел, как пастор Зюндепик подпрыгнул почти на пол-аршина, желая похвастаться своим искусством перед змеей, пересекавшей ему дорогу. При этом он даже трубку выронил и не нагнулся, чтобы ее поднять. А уж без трубки — какой это пастор! Вот до чего доходит честолюбие! Я знавал одного кузнечика, который подпрыгивал на высоту в триста раз большую, чем его собственное тело... Вот видите, теперь вы удивляетесь, молчите и, конечно, раскаиваетесь в своих легкомысленных заключениях! В триста раз выше себя! Кто другой решится на такое рискованное дело? Даже величайшее в мире животное — слон, и тот не в состоянии сделать такой прыжок... Ну, что же вы молчите, сударыня?

— Да ведь вы все время болтаете и не даете мне вставить слово! — воскликнула Майя.

— Пожалуйста, говорите, — приветливо пригласил ее кузнечик, крикнул «гопля!» и снова пропал.

Пчелка, несмотря на свою досаду, опять расхохоталась. В своей жизни она не видела ничего подобного. С одной стороны, ее раздражали насмешки кузнечика, а с другой — она не могла не удивляться его опыту и большим познаниям. Правда, она расходилась с ним по вопросу о важном значении прыгания, но была в восторге от всего того, что узнала за столь короткую беседу. Жаль, что этот зеленый субъект не мог долго усидеть на одном месте: иначе она закидала бы его вопросами.

Понимает ли он язык людей? Ведь он даже их имена знает! Она очень хотела бы его об этом спросить, если только он еще раз вернется. А затем, ей было интересно, что думает он о попытке приблизиться к человеку, познакомиться с ним в его собственном жилище.

— Мамзель! — позвал ее вдруг кузнечик, и она увидела, как соседний стебелек сильно закачался.

— Господи! — вздрогнула от неожиданности Майя. — Откуда вы опять взялись?

— Да я все время тут поблизости.

— Скажите, неужели вы постоянно скачете, сами не зная куда?

— Конечно, — ответил кузнечик. — А как же иначе? Разве кому-нибудь известно будущее? Никому. Только лягушка умеет его предсказывать, но она не раскрывает своей тайны.

— Откуда вы столько знаете? — удивилась пчелка. — А язык людей вы понимаете?

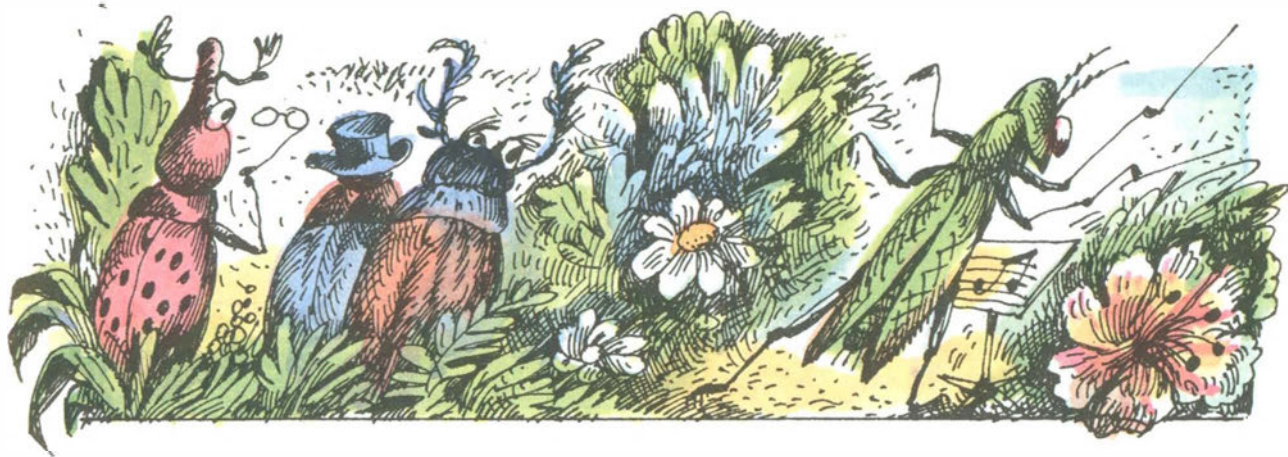
— Этот вопрос, на который очень трудно дать ответ, мамзель. Еще совершенно не доказано, есть ли вообще у людей язык, хотя они издают какие-то отвратительные, ни на что не похожие звуки, при помощи которых они объясняются друг с другом. Иногда, впрочем, и у них наблюдается стремление к

благозвучию. Я видел раз, как два мальчика, держа между пальцами соломинки, дули в них изо всех сил, получая довольно красивое жужжание, несколько напоминавшее голос стрекозы, но, конечно, далеко не такое звучное. Во всяком случае, они стараются говорить. Угодно вам еще что-нибудь узнать? Я ведь очень опытный.

И в ту же секунду он снова исчез и уже больше не возвращался. Маленькая Майя тщетно ждала его, осматривала кругом траву и цветы. Он пропал бесследно.

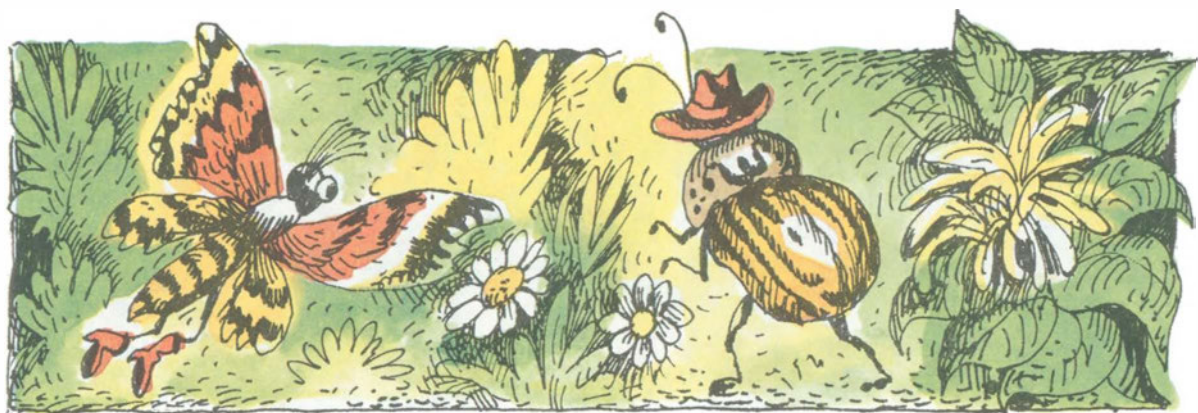

Пуха

Жаркий летний день сильно утомил маленькую Майю. Она вяло летала среди ярко-зеленых кустов в саду, пока не нашла себе прохладный уголок в ветвях огромного каштана, под сенью которого, на утоптанной траве, были расставлены столы и скамьи. Все указывало на то, что здесь готовились расположиться по-дачному. Неподалеку краснела черепичная крыша крестьянского домика, увенчанная низкой слегка дымившейся трубой.

Пчелка была уверена, что теперь-то она, без сомнения, встретит человека: ведь она пробралась почти к самому его жилью. Наверно, и это дерево, и эти странные деревянные сооружения под ним принадлежат людям.

Вдруг что-то прожужжало над самым ухом Майи, и рядом с нею, на лист, где она сидела, опустилась муха. Сначала она заметалась по его зеленым жилкам какими-то странными маленькими толчками так, что движения ее ног сливались, и можно было подумать, что она не передвигалась, а скользила назад и вперед. Затем она начала перелетать с одного края зубчатого листа на другой, да так быстро и порывисто, что казалась не летающей, а прыгающей. По-видимому, она выискивала таким образом местечко, где могла бы усесться поудобнее. Иногда она неожиданно взвивалась вверх и жужжала с такой болезненной тоской, словно страдала при виде чего-то ужасного или болела душой за бедствия мира; затем она снова опускалась и как ни в чем не бывало прыгала по листу. Наконец, тихо усевшись, она замерла.

Майя внимательно следила за мухой, а когда та утомилась, она придвинулась к ней и вежливо сказала:

— Здравствуйте! Добро пожаловать на мой лист. Насколько я могу судить, вы — муха?

— А вам-то что? — ответила та в свою очередь вопросом. — Мое имя Пуха, и я очень занята. Вы, кажется, хотите прогнать меня отсюда?

— Что вы! Что вы! — поспешила ее успокоить Майя. — Я очень рада с вами познакомиться.

— Я думаю! — самоуверенно произнесла муха и резко схватила себя за голову, словно хотела ее оторвать.

— Ради Бога! — испуганно воскликнула пчелка. — Осторожнее!..

— Не волнуйтесь по-пустому, — снисходительно проворчала муха и начала проводить лапками по крыльям с такой силой, что они совсем загнулись книзу. — Вы в этом деле ничего не понимаете. Имейте в виду, что я — комнатная муха, — с гордостью прибавила она, — и вылетела только на одну минутку, чтобы подышать свежим воздухом.

— Как это интересно! — с радостью заметила Майя. — Значит, вы знаете человека?

— Как карман своей юбки! — небрежно ответила Пуха. — Я ведь постоянно сижу на людях. Неужели вам это неизвестно? А еще говорят, что пчелы — смывленный народ. По крайней мере, вы сами не перестаете это утверждать.

— Меня зовут Майей, — робко сказала пчелка, удивляясь, откуда берется у других насекомых такая самоуверенность, такое сознание собственного достоинства и даже иногда такая наглость.

— Как бы вас там ни звали, а вы все-таки глупы, — дерзко заявила муха.

Она сидела нахохлившись и напоминала пушку, из которой собирались выстрелить. Голову и грудь она выпятила вперед, а нижней частью туловища плотно прижалась к листу, почти слившись с его поверхностью.

Майя была вне себя от нанесенного ей оскорбления. Недолго думая, она бросилась вдруг на Пуху и крепко схватила ее за шиворот.

— Я покажу вам, как грубить пчеле! — крикнула она.

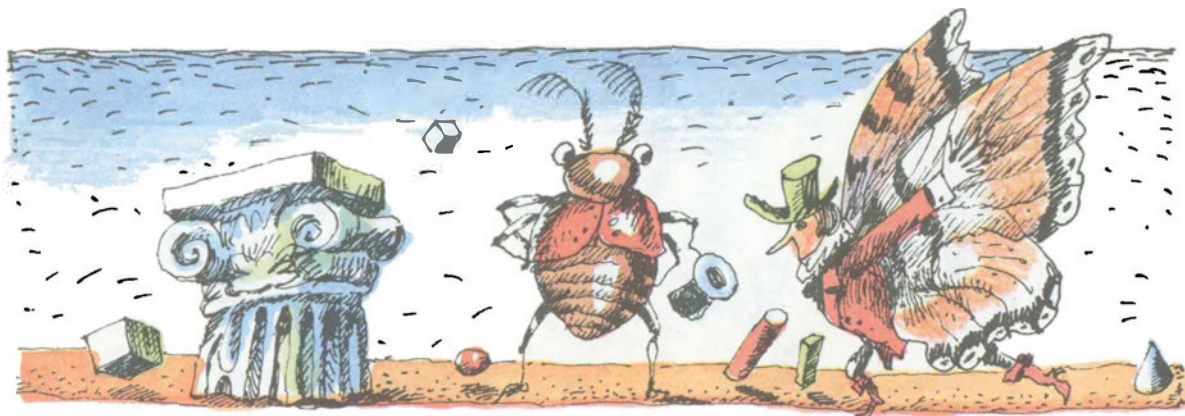
Муха жалобно застонала.

— Ради Бога, не жальте меня! — взмолилась она. — Только не жальте! Это — единственное, на что вы способны, но это очень опасно. Будьте добры, уберите подальше ту часть вашего тела, где у вас скрыто жало! Прошу вас, отпустите меня, я сделаю все, что вы хотите... Неужели вы не понимаете шуток? Я ведь пошутила... Ведь кто же не знает, что пчелы — самые уважаемые и могущественные среди насекомых! Только не убивайте меня, умоляю вас, — ведь это было бы непоправимо... Господи! И почему это никто не понимает моих шуток!..

— Ну, так и быть! — не без презрения произнесла Майя. — Я подарю вам жизнь, но при условии, что вы сообщите мне о человеке все, что вы о нем знаете.

— Да я и без того хотела вам рассказать о нем! — радостно воскликнула Пуха. — Только не трогайте меня!

Майя выпустила ее. Ей стало вдруг совершенно безразлично, расскажет ли ей что-нибудь муха или нет, так как она потеряла к ней всякое доверие и уважение. «Опыт такого жалкого

существа не может иметь серьезного значения, — подумала она. По-видимому, мне придется самой познакомиться с человеком».

Но полученный урок не прошел даром для маленькой мухи. Ворча и бранясь, она расправила свои усики и крылышки, сильно пострадавшие от тисков пчелки; затем несколько раз подряд она высунула и втянула обратно свой хоботок, чего Майе до тех пор не доводилось видеть.

— Вы мне вывихнули мой хоботок, совсем вывихнули! — сокрушенно вздыхала Пуха. — Очень уж вы неосторожны. Вот, посмотрите сами: вы мне раздавили все подушечки¹ на лапках.

— Разве у вас есть на лапках подушечки? — удивилась пчелка.

— Ну конечно есть... Итак, что вы хотите узнать о человеке? — спросила муха. — Если угодно, я расскажу вам случай из моей собственной жизни. Ведь я выросла среди людей.

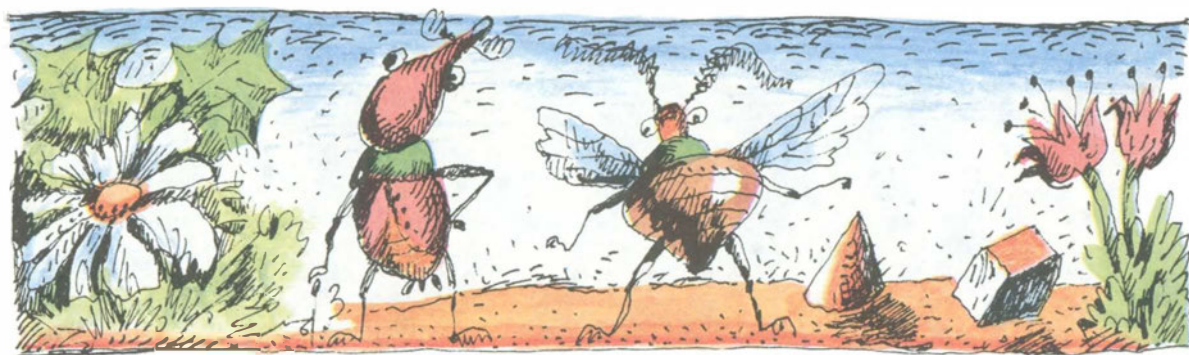
— Неужели? — сказала Майя.

— Очень просто! В уголке комнаты, где жил человек, моя мать положила яичко, из которого я потом и появилась. На оконных гардинах я делала свои первые шаги, а в пространстве между Шиллером и Гете пробовала силу своих крыльев.

— А что такое Шиллер и Гете? — любопытствовала пчелка.

Пуха объяснила ей, что это бюсты двух людей, наверняка чем-то отличившихся. Они стоят у зеркала, по правую и левую сторону от него, но никто не обращает на них внимания.

¹ Как известно, лапки мух снабжены придаточными коготками или присасывательными подушечками, вырабатывающими липкую жидкость, при помощи которой насекомое может прикрепляться к предметам. (Примеч. ред.)

Майя поинтересовалась, что такое зеркало и почему возле него находятся два бюста.

— Если вы станете на зеркало, — начала ей растолковывать муха, — то сможете увидеть свое брюшко. Это очень забавно. Когда люди подходят к зеркалу, они обыкновенно или гладят себя по волосам, или теребят свою бороду. Если же они остаются одни в комнате, то улыбаются перед зеркалом, а когда при этом есть еще кто-нибудь, то делают серьезное лицо. Какова роль зеркала, я до сих пор еще не могу понять. Мне кажется, это просто бесполезная игрушка. В первые дни моего существования зеркало причиняло мне немало страданий, так как я часто со всего размаху ударялась о него.

Но Майе этого объяснения было мало, она продолжала расспрашивать Пуху о чудесном предмете.

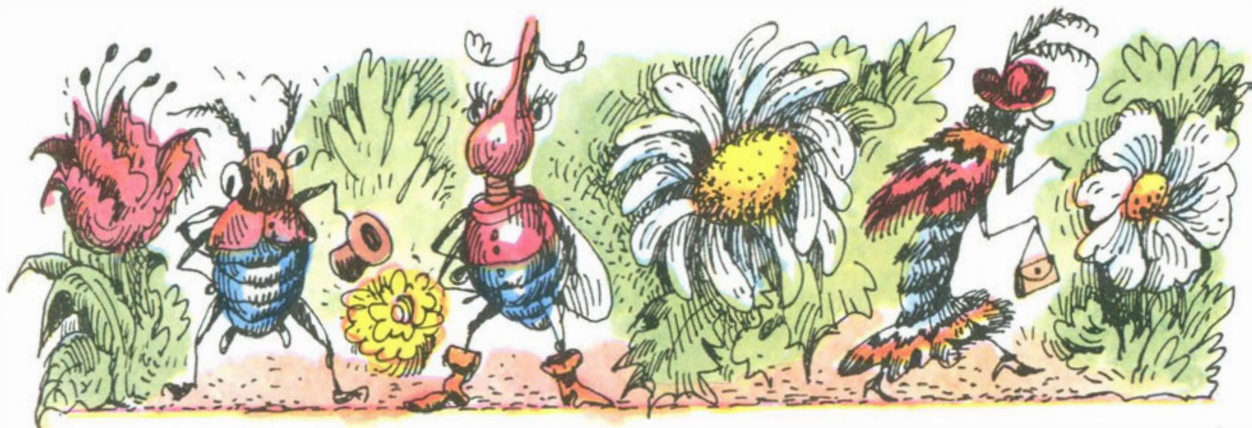
— Скажите, вы когда-нибудь летали над водою? — догадалась наконец муха привести подходящее сравнение. — Ну так вот, то же самое и зеркало, — только оно твердое и стоит.

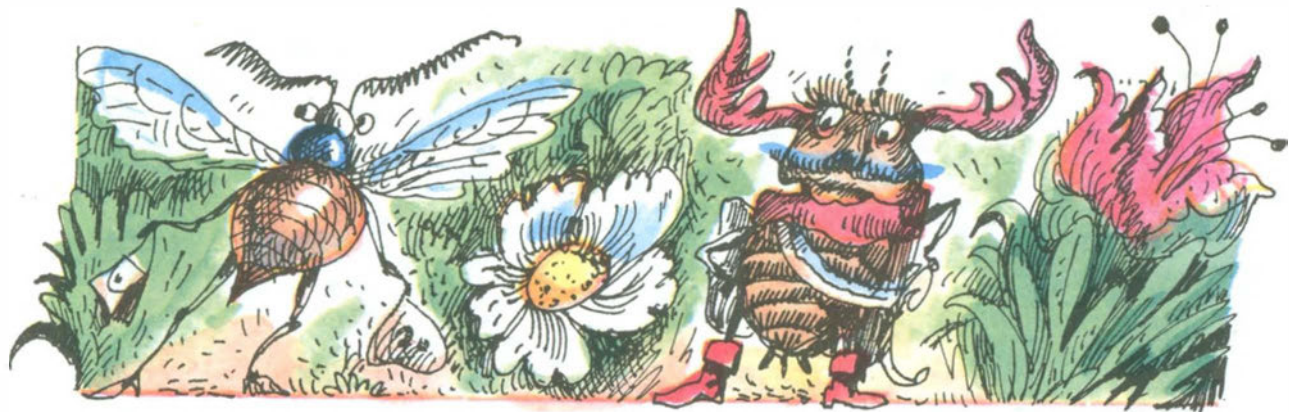
Видя, с каким вниманием Майя ее слушает, Пуха сделалась приветливее, и язык у нее постепенно развязался. Хотя пчелка верила далеко не всем рассказам мухи, она все же поняла, что недооценила Пуху.

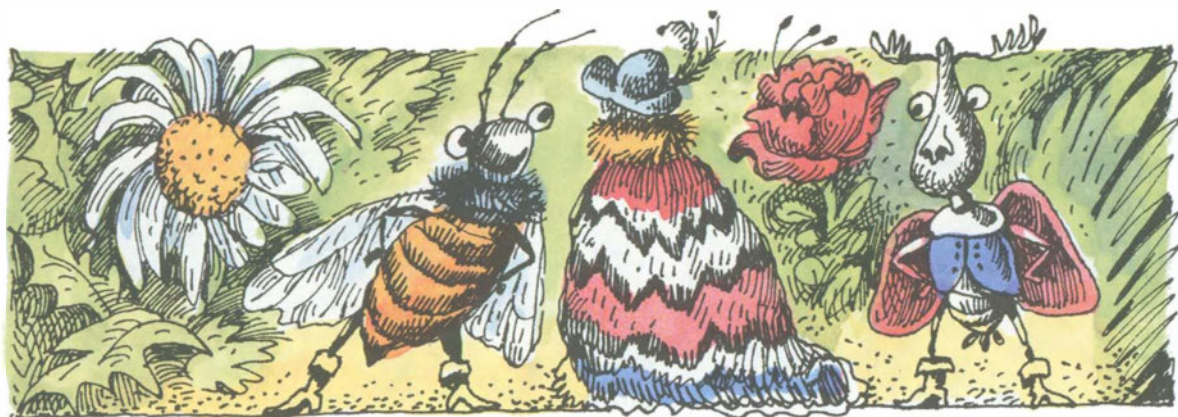
А та продолжала докладывать:

— Не скоро научилась я языку людей. Это очень трудно, если не живешь с ними рядом. Зато теперь я их понимаю хорошо. Впрочем, как правило, они каждый день повторяют одно и то же.

— Не может быть! — возразила Майя. — Ведь у человека так много интересов, столько великих мыслей и дел! Кассандра

рассказывала мне, что люди строят города, которых не облететь за целый день, и башни, выше которых не может подняться даже наша царица; она рассказывала мне, что у них есть плавающие дома и еще маленькие домики, которые быстрее птиц мчатся по земле по двум узким серебряным дорожкам...

— А кто такая Кассандра? — перебила ее муха.

— Ах, да! — ответила Майя. — Я и забыла, что вы ее не знаете. Это — моя воспитательница.

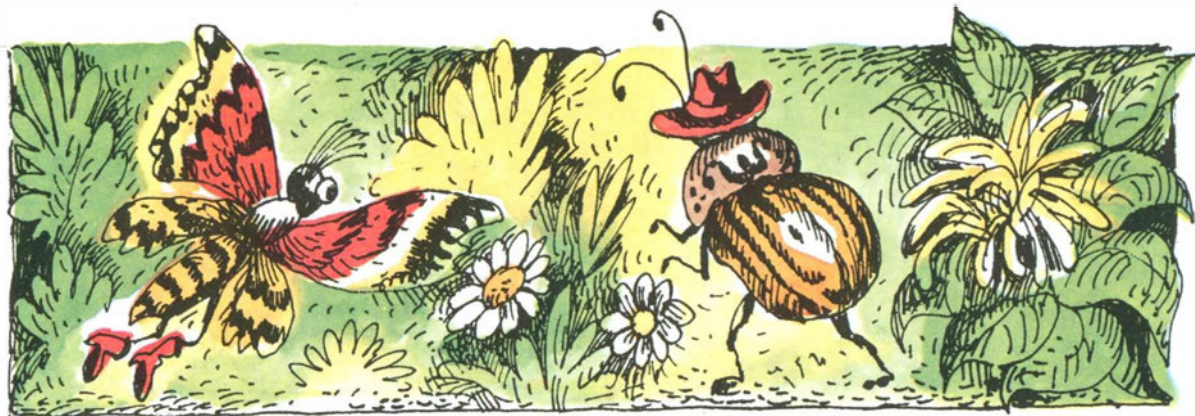
— Воспитательница... Значит, тоже пчела, — небрежно заметила Пуха. — Ну, тогда мне все ясно. Должна вам сказать, что у вашей госпожи Кассандры нет никаких исторических знаний. Все эти людские сооружения, о которых вы только что упомянули, не имеют для нас ровно никакого значения. Нельзя смотреть на мир таким непрактичным взглядом, как это делаете вы, пчелы. Кто не сознает, что вселенной владеют мухи, что они — самые многочисленные и самые важные в мире существа, тот, конечно, не может составить о нем верное представление.

С этими словами Пуха возбужденно забежала по листу и стала энергично крутить и рвать свою голову. Майе даже жутковато стало.

— Вы сами можете убедиться, что я права, — продолжала Пуха, ворочая своими лапками с такой силой, словно она хотела их вывернуть. — Попробуйте только сосчитать, сколько в комнате людей и сколько мух. Результат приведет вас в изумление.

— Может быть, — согласилась пчелка, — но ведь не в этом дело...

— А знаете ли вы, — перебила ее вдруг Пуха, — что я ведь двухлетка?

— Нет, не знаю...

— Я уже перезимовала зиму, — с гордостью прибавила она, — мой опыт доходит до ледяного периода.

— Вам нельзя отказать в смелости, — заметила Майя.

— О да! — подпрыгнув на месте, воскликнула Пуха. — Мы, мухи, самые отважные в мире существа. Вы должны знать, что если мы бежим, то только в крайнем случае, да и то почти всегда мы немедленно возвращаемся назад... Сидели ли вы когда-нибудь на человеке? — спросила она вдруг.

Майя покачала головой и недоверчиво взглянула на Пуху. Она все еще не могла понять, как следует ей относиться к этой хвастулье...

— Нет! — ответила она. — Да и какой мне интерес?

— Вы говорите так, потому что не понимаете этого, моя милая. Если бы вы хоть раз взглянули на ту веселую игру, которую я веду с человеком в его доме, вы умерли бы от зависти. Ну, так и быть, расскажу. В моей комнате живет старик, поддерживающий красный цвет своего носа каким-то странным напитком, спрятанным у него в угловом шкафу. У этой жидкости приятный опьяняющий запах. Когда старик подходит к шкафу, он радостно улыбается, и глазки у него делаются совсем маленькими. Он наливает напиток в рюмку и, когда пьет, смотрит всегда на потолок — там ли я. Я киваю ему, он проводит рукою по лбу, носу и губам, показывая мне, куда я должна потом садиться. Затем он жмурит глаза, широко раскрывает рот и опускает занавески на окнах, чтобы послеобеденное солнце не мешало нашей забаве. После этого он ложится на постель, которую называет диваном, и очень скоро начинает издавать глухие, хриплые звуки, доставляющие ему

большое удовольствие... Но об этом сонном пении людей мы поговорим подробнее в другой раз... Для меня оно — знак, что я могу слететь вниз и приступить к делу. Сначала я прикладываюсь к рюмке, где оставлено кое-что и на мою долю. Я прекрасно понимаю человека: глоток-другой этой жидкости действует удивительно возбуждающе. Хлебнув вкусного напитка, я подлетаю к спящему и сажусь ему на лоб. Эта часть его лица располагается между носом и волосами и служит для размышления, потому что длинные борозды, которые тянутся справа налево, всегда движутся, когда он думает. А если человек сердится, то эти линии бегают сверху вниз, и над носом образуется возвышение. Как только я начинаю гулять туда-сюда по этим углублениям, старик принимается ловить рукою воздух. Но так как я сижу на его мыслительном аппарате, то он не может сразу обнаружить меня и пытается схватить меня в пустоте. Наконец он догадывается, в чем дело, и с ворчанием устремляется на меня. Ну, мадемуазель Майя — или как вас там зовут, тут надо держать ухо востро! Я вижу приближающуюся руку и в решительный момент отлетаю в сторону и жду, пока он не убедится, что меня на лбу уже нет. Так играем мы с ним по крайней мере в течение получаса. Вы представить себе не можете, сколько у человека терпения! Кончается забава обычно тем, что он вскакивает и разражается потоком слов, доказывающих, какое он неблагодарное создание. Но что делать? Благородное сердце никогда не рассчитывает на признательность... Я усаживаюсь на потолке и слежу за проявлением человеческой неблагодарности.

— Не могу сказать, чтобы это мне особенно нравилось, — сказала Майя. — Ведь это совершенно бесполезное занятие.

— А по-вашему мне следовало бы построить у него на носу сотовую ячейку? — возмутилась Пуха. — У вас нет никакого чувства юмора, моя дорогая. А что такого полезного делаете вы сами?

Маленькая пчелка густо покраснела. Но она моментально овладела собою, чтобы муха не заметила ее смущения.

— Настанет время, когда и я начну делать великое и полезное дело, — быстро возразила она. — Но прежде я хочу узнать, что происходит на белом свете...

Майя пылала огнем возбуждения и надежды. А Пуха, не понимая ее переживаний, беззаботно прыгала по листу и вдруг спросила:

— Нет ли у вас немного меду, милая?

— К сожалению, нет, — ответила пчелка. — Я охотно угостила бы вас: ведь вы так дружелюбно со мною беседовали. Но у меня ничего нет... Не разрешите ли на прощанье предложить вам еще один вопрос?

— Спрашивайте. Я отвечу на все.

— Я хотела бы узнать, как попасть мне в дом человека?

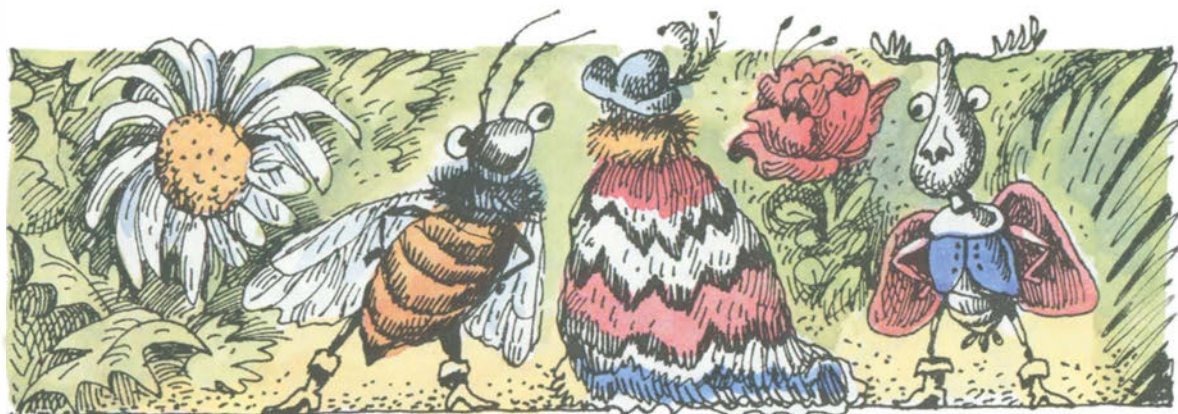
— Влетите туда, — мудро и просто посоветовала муха.

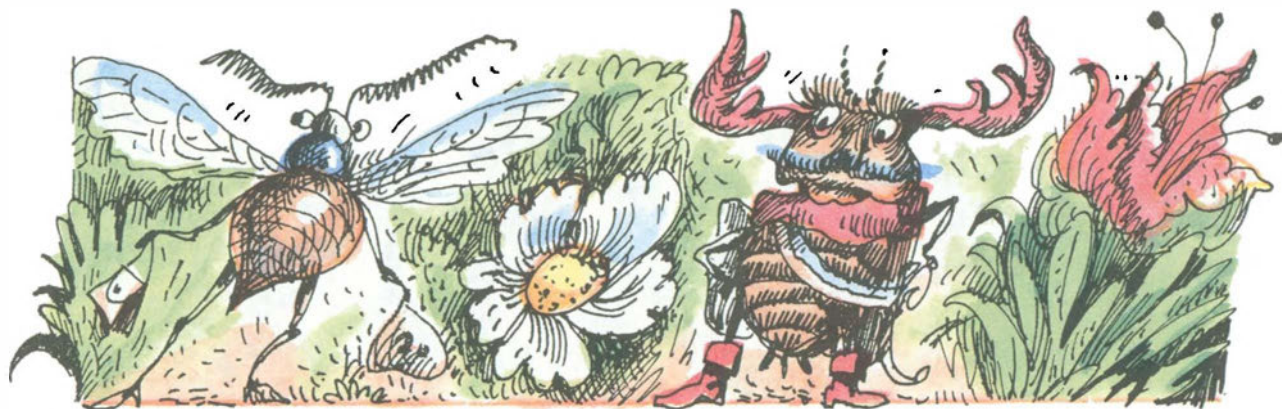
— А как это сделать безопасно? — спросила Майя.

— Ждите, пока откроется какое-нибудь окно. Но внимательно заметьте выход. Если вы его потом не найдете, то летите на свет. Окон в каждом доме хватает. Надо только посмотреть, где светит солнце. Вы хотите попасть туда сейчас же?

— Да, — ответила пчелка, пожимая руку Пухе. — Прощайте и будьте здоровы.

С тихим, беззаботным жужжанием Майя взмахнула блестящими крылышками и полетела к покрытой цветами лужайке, чтобы раздобыть себе там немного еды.

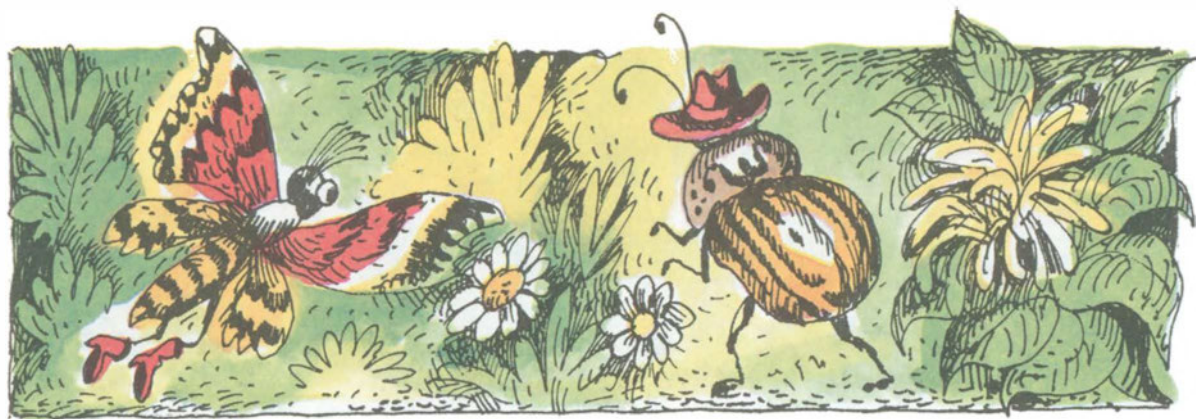

В сетях паука

Встреча с мухой произвела на Майю не очень приятное впечатление. Ей не хотелось верить, что все сказанное Пухой про людей — правда. Пчелка привыкла думать о человеке иначе: она считала его существом высшим и прекрасным и не могла представить его себе в смешном или неблагоприятном свете... Она даже не решалась, несмотря на совет мухи, приблизиться к его жилищу. Ведь еще неизвестно, будет ли это ему приятно. А быть кому-то в тягость Майя не хотела. Она вспомнила слова Кассандры: «Люди — добры и мудры. Они сильны и могущественны, но не злоупотребляют своей мощью. Всюду они создают порядок и благосостояние. Они благожелательны к пчелиному племени, и потому-то мы доверяем им и разделяем с ними наш мед. Люди оставляют его нам вполне достаточно для зимы и заботятся о том, чтобы мы не страдали от мороза и от наших врагов. Мало есть свободных живых существ, которые бы, как пчелы, дружили с человеком и добровольно ему служили. Ты наверняка услышишь среди насекомых голоса тех, кто дурно отзывается о людях. Не верь им. Бывали случаи, когда неразумные пчелиные роды переселялись в леса и пытались устроиться там без помощи человека. Но такие попытки почти всегда кончались плачевно. Наш мед любят очень многие, и нередко целые ульи со всеми их постройками и запасами погибали только оттого, что разные жадные и глупые звери стремились завладеть медом».

Так говорила Кассандра. И до тех пор, решила Майя, пока она

не убедится собственными глазами в противоположном, она твердо будет верить в истину этих слов.

Было уже далеко за полдень. Солнце освещало высокие яблони большого сада, через который пролетала пчелка. Деревья уже отцвели, и Майя вспомнила, что еще совсем недавно они сверкали множеством разноцветных венчиков, поднимающих к голубому небу свои ясные и чистые головки. Благоухание воздуха и яркое сияние летнего дня опьяняли пчелку, наполняя ее сердце блаженством, и она радовалась счастьем жить на этой великой и прекрасной земле.

В конце сада мелькали белые звездообразные кусты жасмина с их нежными желтыми личиками, окаймленными белоснежными венчиками. Тихий ветерок доносил до Майи их сладкий аромат. А как хороши были липы, стоявшие в полном цвету! Пчелка с удовольствием взглянула на эти высокие строгие деревья, в верхушках которых долго, до самого позднего вечера, золотятся лучи заходящего солнца.

Направляясь к кустам жасмина, Майя увидела под собой ряды ежевики, на которой уже появились первые зеленые ягодки. Вдруг она почувствовала у себя на лбу и на плечах что-то странное, и в то же мгновение какая-то пелена покрыла ее тело так, что ей показалось, будто ее неожиданно связали. У пчелки было ощущение, словно чья-то невидимая злая рука сразу сковала ей лапки и крылья. Ей почудилось, что она летит вниз на землю. Но этого не случилось. Несмотря на то что она почти не могла пошевелиться, она не падала: какая-то сила удивительно нежно и мягко держала ее в воздухе, то слегка приподымая, то вновь опуская, то покачивая из стороны в сторону, — так летний ветерок играет с упавшим листком.

Майей начинал овладевать страх, хотя она еще не понимала, чего ей бояться, ведь она не чувствовала никакой боли. Но она смутно сознавала, что ей грозит какая-то неприятность. «Надо поскорее прочь отсюда, — подумала Майя. — Попробую поднатужиться, и, может быть, мне удастся уйти».

Вдруг она заметила у себя на груди длинную тонкую серебристую нить и быстро схватила ее лапкой... Что такое?! Нить повисла у нее на руке, приклеилась и ни за что не хотела отставать... А вот и вторая такая же нить — она проходит через плечо... а вот еще одна — над крыльями... Вот еще... еще... везде вокруг Майи висели в воздухе блестящие клейкие нити.

Маленькая пчелка громко крикнула от ужаса, ибо поняла, наконец, что случилось: она была в сетях паука.

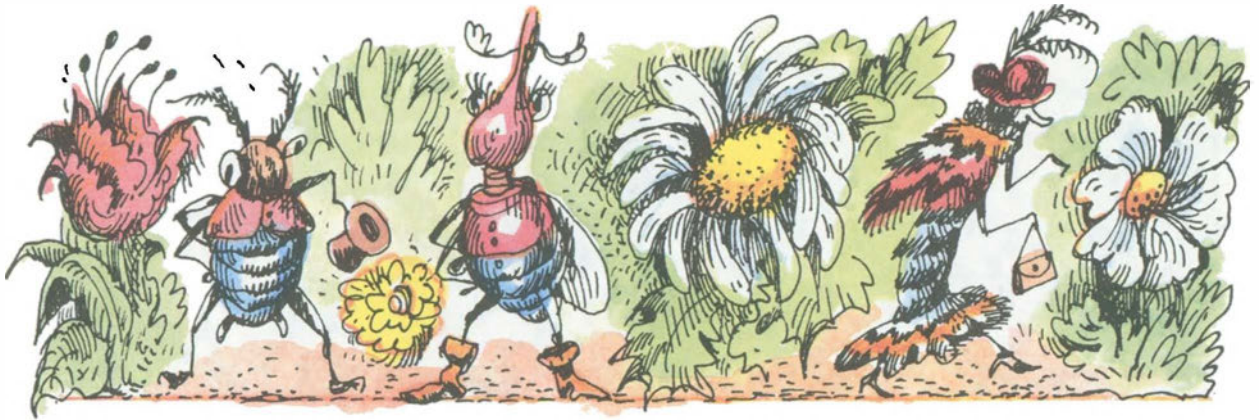
Ее громкие рыдания и вопли гулко разнеслись по залитому солнечным светом саду, где беззаботно порхали насекомые и птицы. Близко, совсем близко благоухал жасмин. Она хотела вкусить его аромата... И вдруг — конец!..

Мимо Майи пролетел крохотный синеватый мотылек, коричневые пятнышки которого блестели, как медь.

— Ах, бедняжка! — воскликнул он при виде несчастной. — Да будет вам легка смерть! Я не могу вам, к сожалению, помочь. Ведь и меня ждет такая же судьба, и, может быть, даже в эту ночь. Но пока я еще жив — и я счастлив! Прощайте! Не забывайте о солнце, когда будете спать мертвым сном...

И он упорхнул, упиваясь цветами, ярким днем и своим счастьем.

У маленькой пчелки выступили на глазах слезы, и всякое самообладание покинуло ее. Она начала отчаянно биться своими скованными крылышками и ногами, она кричала, рыдала и

громко звала на помощь сама не зная кого. Но чем больше она рвалась и металась, тем больше запутывалась в сетях. Тут-то припомнила она предостережение Кассандры: «Берегись сетей паука, где нас ждет мучительная смерть. Это — хитрое и бессердечное животное, и уйти из его лап очень трудно».

Страх Майи сменился отчаянием. Из всех сил дернула она опутавшие ее нити, и хотя ей показалось, что где-то одна из них, поддерживавшая всю сеть, как будто разорвалась, но она ясно ощущала, что с каждым движением ее тело все больше и больше застревает в паутине.

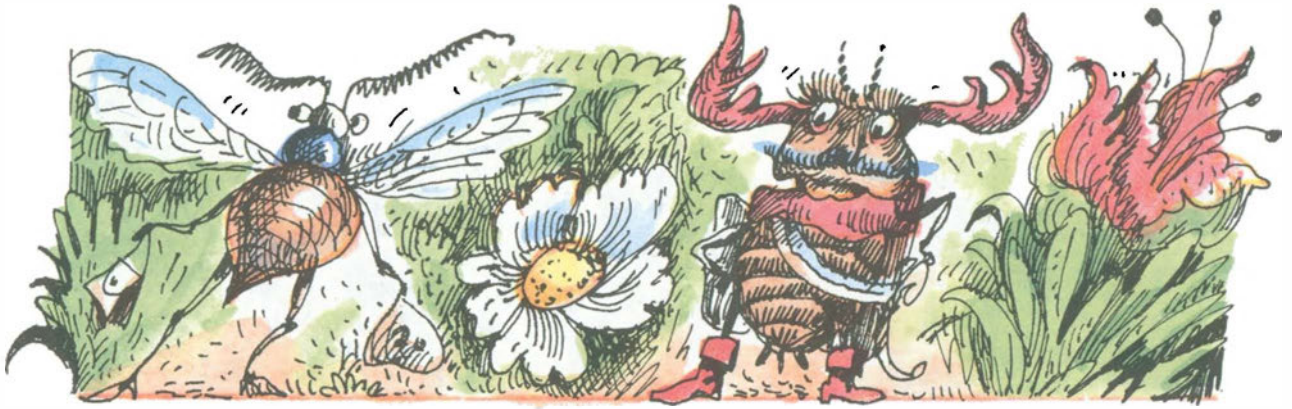
Пчелка совсем измучилась и притихла. Вдруг она заметила под большим листом ежевики, совсем близко от себя, — паука. Трудно описать ее ужас, когда она смотрела на это огромное чудовище, тихо сидевшее в своем убежище и ждущее добычи. В глазах паука застыло жестокое терпение и полное равнодушие.

Пчелка опять громко крикнула. Никогда еще в голосе ее не было столько горя и страдания. Это серое волосатое существо с его злым ртом и высокими ногами, на которых его туловище покоилось, как на подставке, было страшнее самой смерти. Вот-вот бросится оно на Майю и положит конец ее жизни!..

Внезапно пчелкой овладела такая ярость, какой она еще никогда не испытывала. Она испустила резкий боевой клич ее племени, хорошо всем знакомый и грозный, и, забыв про страх, решила бороться с врагом до последней минуты.

— Вы дорого заплатите мне за ваше коварство! — крикнула она пауку. — А ну-ка идите сюда! Вы узнаете, что такое пчела!

Но чудовище оставалось неподвижным. От него веяло такой

жутью, что даже у насекомого покрупнее Майи похолодела бы кровь.

В своем гневе бедная жертва снова рванулась и — крак! — оборвала длинную нить, поддерживавшую паутину сбоку. Последняя предназначалась, по-видимому, для небольших мух и мошек.

Но, разорвав нить, Майя запуталась еще больше.

Паук приблизился к ней почти вплотную, ухватился за паутинку, вокруг которой она билась ногами, и сердито крикнул:

— Как вы смеете портить мою сеть? Что вам тут надо? Мало вам места на свете, что ли? Чего вы лезете в обитель мирного отшельника?

Таких слов пчелка никак не ожидала!

— Я нечаянно... Я попала сюда нечаянно... — залепетала она задрожавшим от надежды голосом. — Я не заметила вашу сеть и запуталась в ней... Простите, пожалуйста...

Как ни отвратительно было чудовище, но Майе показалось, что у него не было злых намерений.

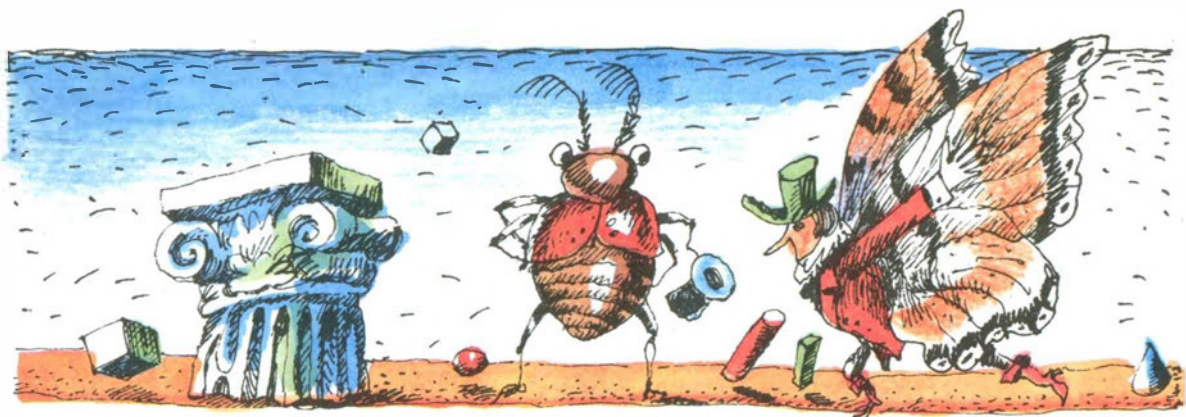
Паук подвинулся к ней еще ближе.

— Вы действительно очень сильное, хотя маленькое создание, — произнес он, выпуская от из одной, то из другой ноги какое-то вещество.

Нить заколебалась. Было удивительно, как могла тонкая паутинка выдерживать тяжесть такого большого насекомого.

— Выпустите меня! — взмолилась Майя. — Я буду вам век благодарна!

— Я затем и подошел к вам, — странно усмехаясь, произнес паук. Несмотря на то что он улыбался, вид у него был злой и хитрый. — Своим барахтаньем вы мне испортили все мое

сооружение, — продолжал он. — Посидите минутку спокойно, и я освобожу вас.

— О, спасибо, спасибо! — радостно воскликнула пчелка.

Чудовище было уже рядом с ней и быстро убедилось, как крепко запуталась Майя в его паутине.

— А где ваше жало? — спросил паук.

Боже! Какой у него злобный, какой гнусный вид! Пчелка вздрогнула от отвращения при мысли, что он может к ней прикоснуться. Но она подавила это чувство и ответила возможно спокойнее и вежливее:

— Не беспокойтесь о нем. Я втяну его внутрь, и тогда оно не может никому причинить вреда.

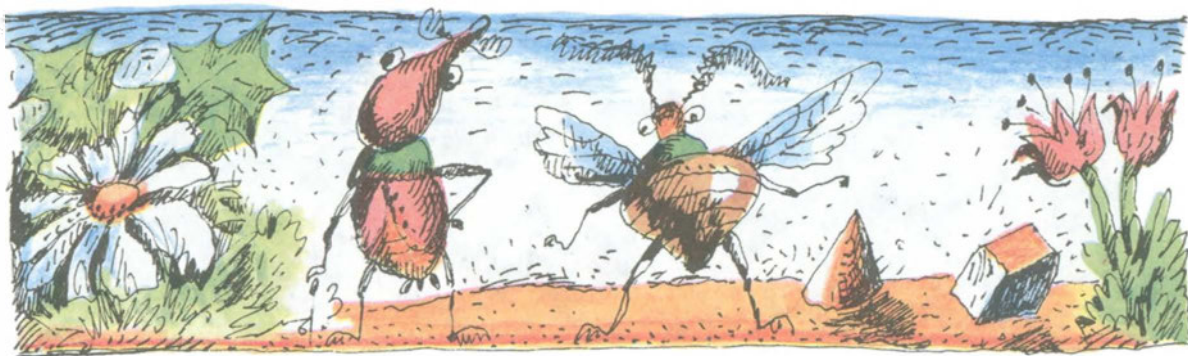
— В таком случае сделайте это, пожалуйста. А теперь сидите спокойно... Ах, какая досада! Как вы мне испортили мою сеть!..

Маленькая Майя послушно застыла на своем месте. Вдруг она почувствовала, что начинает быстро-быстро вертеться... Ей сделалось дурно, и она на минуту закрыла глаза.. Но что же это такое?.. В ужасе она осмотрелась и увидела, что все ее тело было туго обвито свежей липкой нитью, которую паук, по-видимому, только что выпустил.

— О Господи! — прошептала она дрожащим голосом.

Больше она ничего не сказала, ясно ощутив неизбежность смерти. Лишь теперь она осознала коварство чудовища, ибо сидела у него в плену прочнее, чем раньше, не видя спасения. Она не могла даже пошевелиться.

Майя не испытывала больше ни ярости, ни гнева, и бесконечная грусть наполняла ее сердце. Разве могла она знать, что на свете есть столько злого и страшного? Да, теперь — конец... «Прощай, ясное солнышко, прощайте, подруги! —

подумала она. — Ах, зачем я вас покинула? Прощайте! Я умираю!»...

Паук, сделав свое дело, отодвинулся назад. Он все еще боялся жала своей жертвы.

— Ну, как вы себя чувствуете, малютка? — насмешливо спросил он.

Пчелка даже не удостоила мучителя ответом. Чуть погодя она взмолилась:

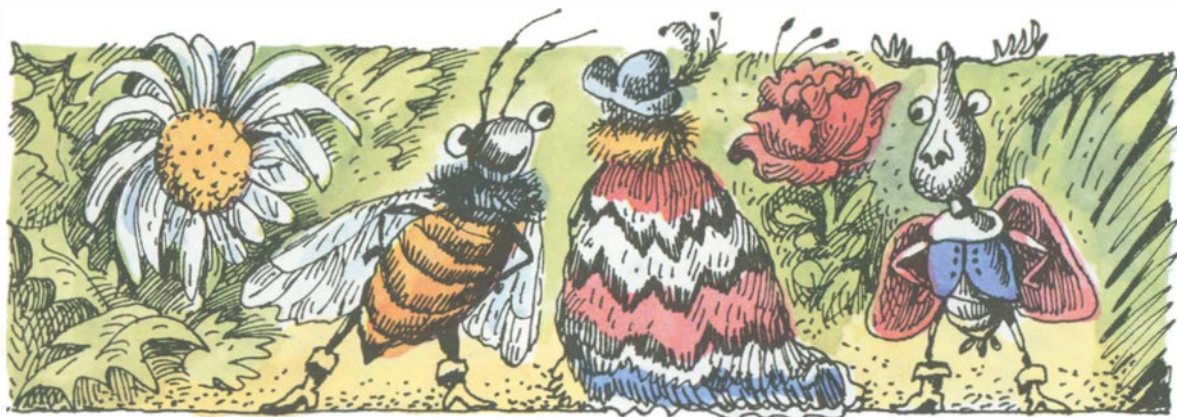
— Убейте меня поскорее, прошу вас!

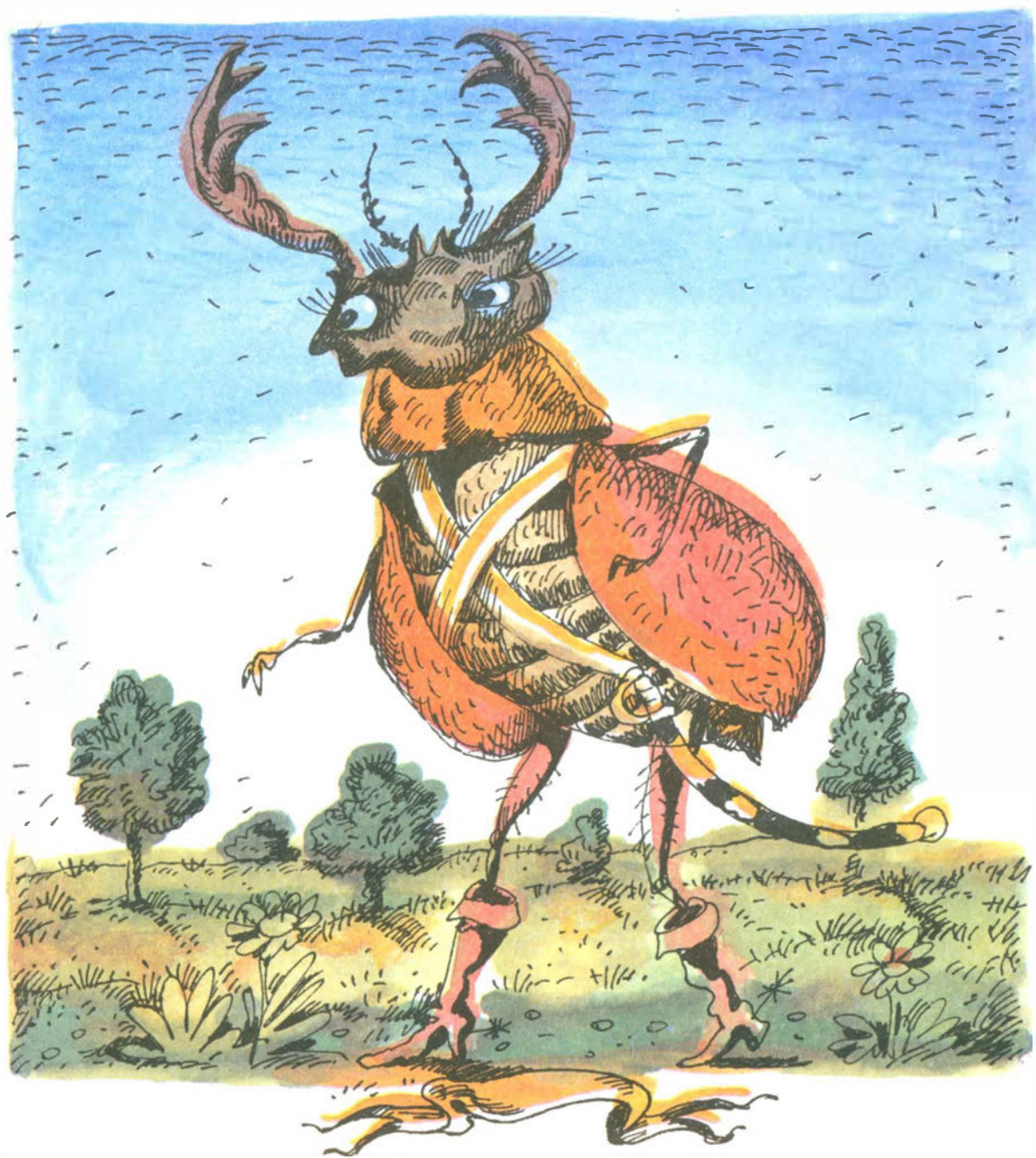
— Как бы не так! — ответил пук, связывая разорванные нити. — И не подумаю! Я не так глуп, как вы. Если оставить вас так висеть долгое время, то вы все равно умрете, и я успею высосать вашу кровь после вашей кончины, когда вы уже не сможете жалить. Жаль только, что вы не можете видеть, как испортили мою сеть: тогда вы поняли бы, что вполне заслужили смерть.

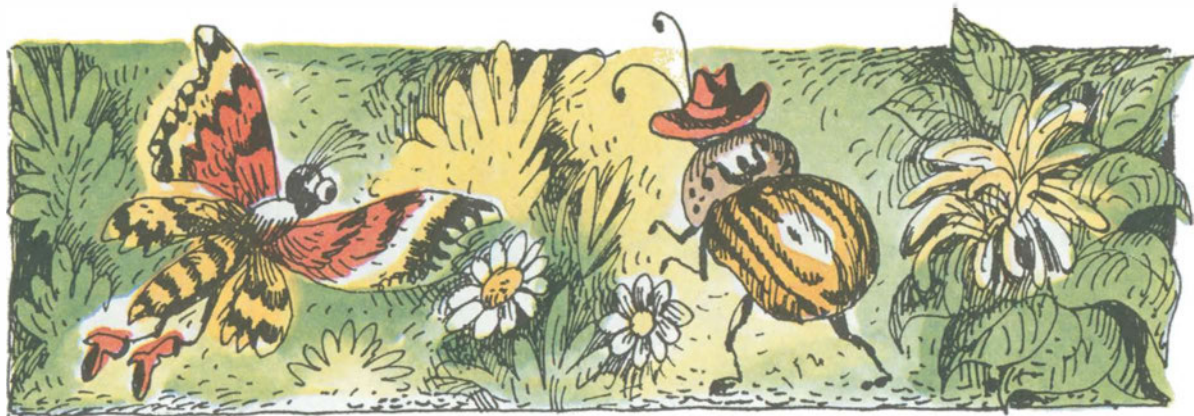
С этими словами он быстро спустился на землю, закрепил на камне конец заново сотканной им нити и туго натянул. Затем он снова поднялся наверх, схватил толстую паутинку, на которой висела запутавшаяся Майя, и медленно потащил ее в сторону вместе с пленницей.

— Перейдем-ка в тень, моя милая. А не то солнышко слишком высушит вас. Кроме того, вы отпугиваете других моих гостей, да и славкам может прийти в голову мысль опустошить мою сеть... Кстати, вам, может быть, интересно знать, с кем имеете дело, — Фома Крестовик. Как вас зовут — мне безразлично. Главное — вы безусловно лакомый кусочек...

Несчастливая Майя, связанная по рукам и ногам, осталась в тени ежевики, во власти жестокого паука, задавшегося целью

замучить ее медленной голодной смертью. Она висела головой вниз и чувствовала, что долго так не выдержит. Она звала на помощь, но ее крики звучали все слабее и слабее. Да и кто мог ей помочь? Родные — там, дома, — не знали, какое с нею приключилось несчастье и не могли ее спасти.

Вдруг где-то внизу, в траве, она услышала сердитый возглас:

— Прочь с дороги!

Измученное сердечко пчелки громко застучало. Она сразу узнала голос жука Курта, чей разговор с Ифи она недавно подслушала и которому помогла в беде.

— Курт! — крикнула она изо всех сил. — Милый Курт!

— Прочь с дороги! — продолжал хорохориться синий жук.

— Да я не стою у вас на дороге, Курт! — воскликнула Майя. — Я попала в сети паука.

— Но кто вы такая? — спросил жук. — Меня-то знают все, но сам я многих не знаю.

— Я пчелка Майя. О, умоляю вас, спасите меня!

— Майя? Майя? Ах да, припоминаю! Вы недавно со мною познакомились... Черт возьми! Надо признаться, что вы попали в довольно щекотливое положение! Тут действительно необходима моя помощь. К счастью, я сейчас не очень занят и не откажу вам в содействии.

— О, милый Курт! Не можете ли вы разорвать эти нити?

— Разорвать эти нитки? Да вы оскорбить меня хотите, что ли? — И Курт хлопнул себя по мускулам. Взгляните, малютка, на эти мышцы: ведь это чистая сталь! Такой силой, как я, обладает не всякий. Я могу сделать и кое-что потруднее, чем разорвать пару паутин...

Жук вскарабкался на лист, взял державшую пчелку нить, крепко за нее ухватился и потянул. Она оборвалась и полетела вместе с Куртом на землю.

— Это только начало, — сказал он. — Но я вижу, малютка Майя, что вы вся дрожите. Ах, как вы бледны, бедняжка! Ну разве можно так бояться смерти? Надо смело смотреть ей в глаза. Я всегда так делаю... Ну а теперь я сниму с вас путы.

Маленькая пчелка не могла вымолвить ни слова. Слезы радости текли у нее по щекам. Она будет свободна, снова будет наслаждаться солнечным светом, полетит куда захочет, будет жить!..

Вдруг она заметила, что ее враг спускается по кусту ежевики.

— Курт! — в ужасе закричала она. — Курт! Паук идет!..

Но жук только усмехнулся. Он знал, что природа создала его сильным и храбрым.

— Советую ему хорошенько подумать, — спокойно сказал он.

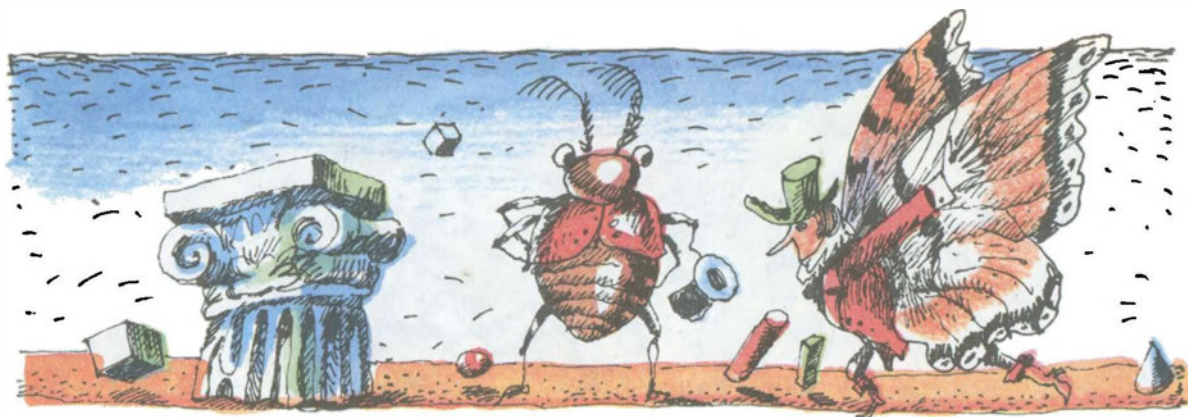
В ту же минуту над ними раздался сердитый, трескучий голос:

— Разбойник! Грабитель! Караул!.. Как смеешь ты, толстый болван, отнимать у меня мою добычу?

— Не волнуйтесь, сударь, — невозмутимо ответил Курт, — это не ваша добыча, а моя приятельница... И если вы скажете еще хоть слово, которое мне не понравится, я изорву всю вашу паутину!.. А! Вы, я вижу, вдруг умолкли... В чем дело?..

— Собственно говоря... — смущенно начал паук.

— Советую вам не разговаривать и убраться подальше! — перебил его жук.

Паук бросил на него полный ненависти взгляд, увидев свою истерзанную паутину, решительно повернул назад, ворча и ругаясь себе под нос. Ведь у этого мохнатого жука такой плотный панцирь, что его никакими зубами не прокусишь... Ничего с ним не поделаешь... И проклиная царящую в мире несправедливость, Фома Крестовик забился под увядший лист...

Тем временем Курт совсем освободил малютку Майю. Он разорвал все липкие нити, сковавшие ее крылышки и ножки, и пчелка стала радостно расправлять свои члены — правда, очень медленно, так как она сильно ослабела и все еще дрожала.

— Забудьте о том, что произошло, — посоветовал ей жук, — и тогда ваша дрожь прекратится. Попробуйте-ка, умеете ли вы еще летать...

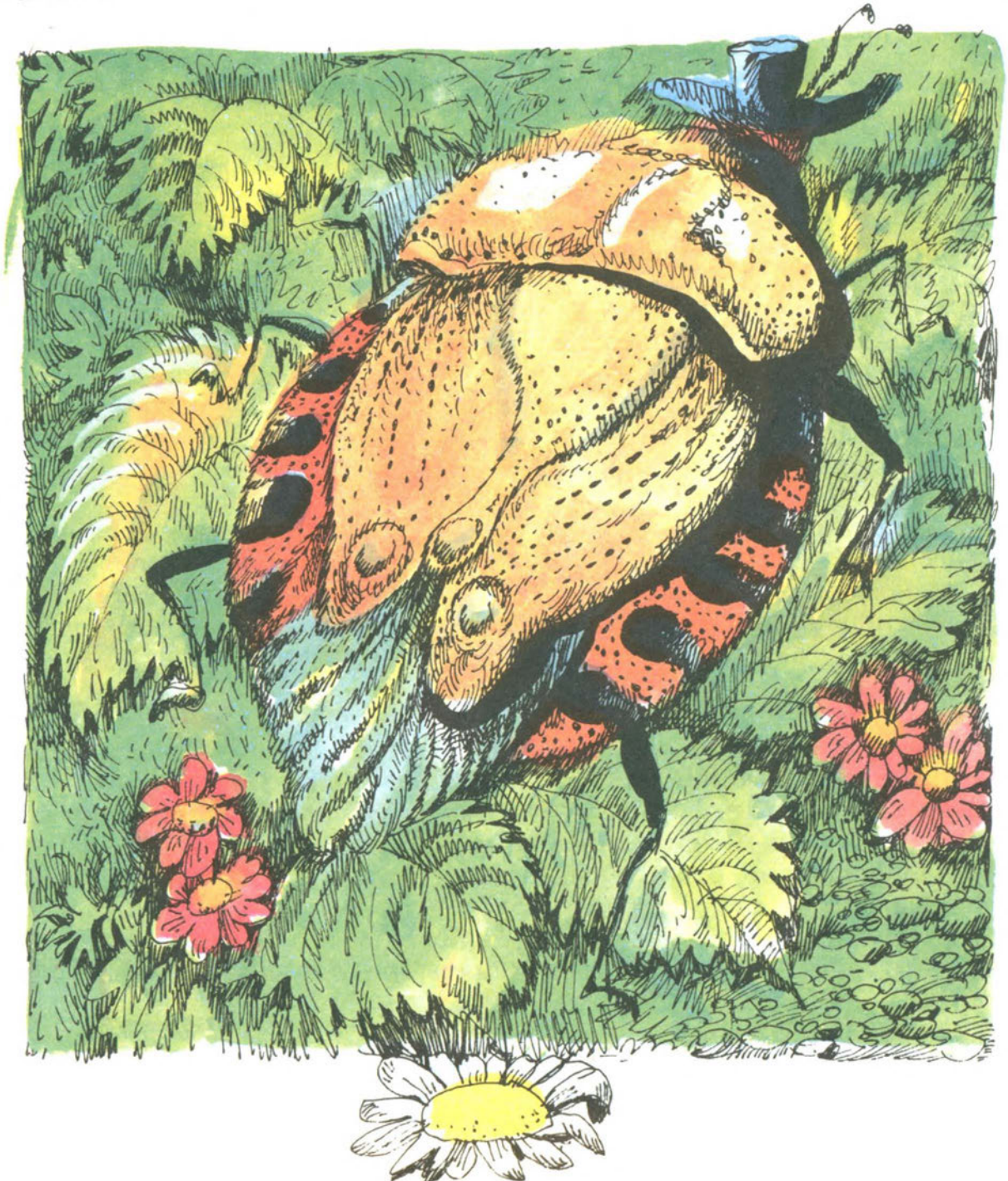
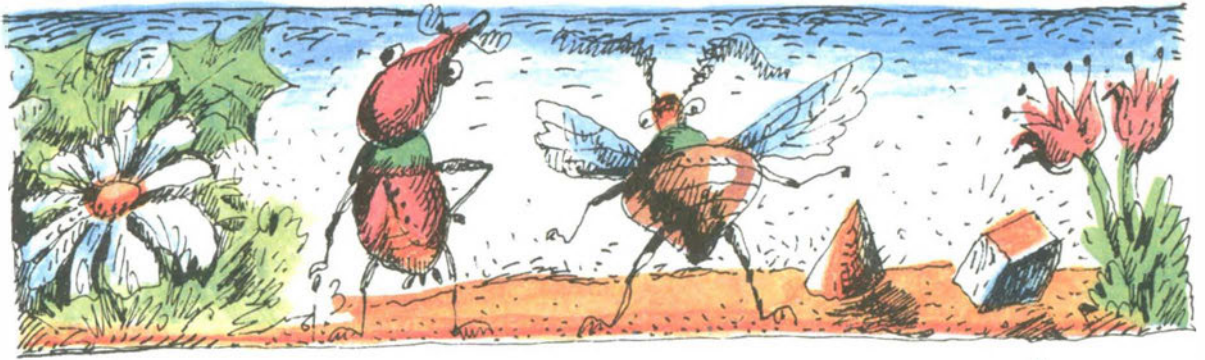
Майя взмахнула крылышками и с удовольствием убедилась, что они у нее не повреждены. Она тихо подлетела к жасмину, жадно припала к его душистой чашечке, где она нашла много медового сока, а затем вернулась к Курту, которого оставила в траве.

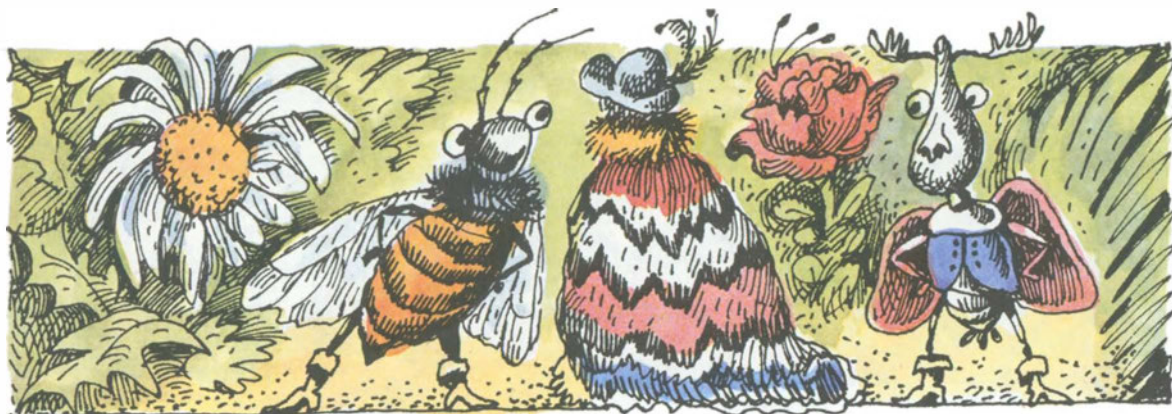
— От души благодарю вас! — горячо воскликнула она в восторге от возвращенной ей свободы.

— Принимаю вашу благодарность, — ответил с важностью жук. — Я заслужил ее... Ну, летите с Богом! Советую вам сегодня вечером лечь пораньше спать. Вам далеко до дому?

— Нет, — ответила Майя, — минуты две. Я живу в буковом лесу. Прощайте, Курт! Я никогда вас не забуду! Никогда в жизни!

Клоп и мотылек

Страшное приключение с пауком заставило Майю призадуматься. Отныне она решила быть более осторожной и летать не так стремительно. Конечно, Кассандра предупреждала ее об угрожающих пчелам опасностях, но в мире оказалось их гораздо больше, чем предполагала се воспитательница... А потому — благоразумие и внимание!

Правда, пчелка становилась рассудительной лишь по вечерам, когда сумерки окутывали землю и она чувствовала себя одинокой. Стоило наутро выглянуть солнышку, и она забывала добрую половину принятых ею накануне решений, поддаваясь непреодолимому желанию окунуться с головой в водоворот жизни.

Однажды в кустах малины она встретила какое-то странное насекомое, угловатое, очень плоское, с красивым узором на спинном щитке, похожим на сложенные крылья. Это удивительное маленькое создание тихо сидело на листе; его глаза были полузакрыты, и оно казалось погруженным в глубокую задумчивость.

Майе захотелось узнать, что это было за существо. Она подлетела к нему, уселась поблизости и поклонилась. Но загадочное насекомое не обратило на нее никакого внимания.

— Послушайте, сударь, — произнесла пчелка, слегка толкнув лист, на котором разместился незнакомец.

Тот медленно открыл один глаз, взглянул на Майю и вяло произнес:

— Пчела... Много вас тут...

Затем он снова закрыл глаз и опять погрузился в раздумье.

«Как странно!» — подумала Майя, твердо решив разгадать тайну неизвестного создания. Она попробовала соблазнить его угощением.

— Не хотите ли меду? — предложила она. — У меня его много...

Незнакомец опять раскрыл один глаз и задумчиво посмотрел на Майю.

«Ну, что скажет он теперь?» — подумала она.

Но он ничего не сказал, снова закрыл свой глаз и так плотно прижался к листу, что ноги его совсем исчезли; можно было подумать, что его кто-то сильно придавил и расплющил.

Пчелке стало неприятно, что неведомое существо не желало с ней разговаривать. Ей захотелось добиться своего.

— Кто бы вы ни были, — воскликнула она, — вы должны знать, что в мире насекомых принято отвечать на приветствие, особенно если оно исходит от пчелы!

Однако незнакомец не шелохнулся и на этот раз и даже не раскрыл глаза.

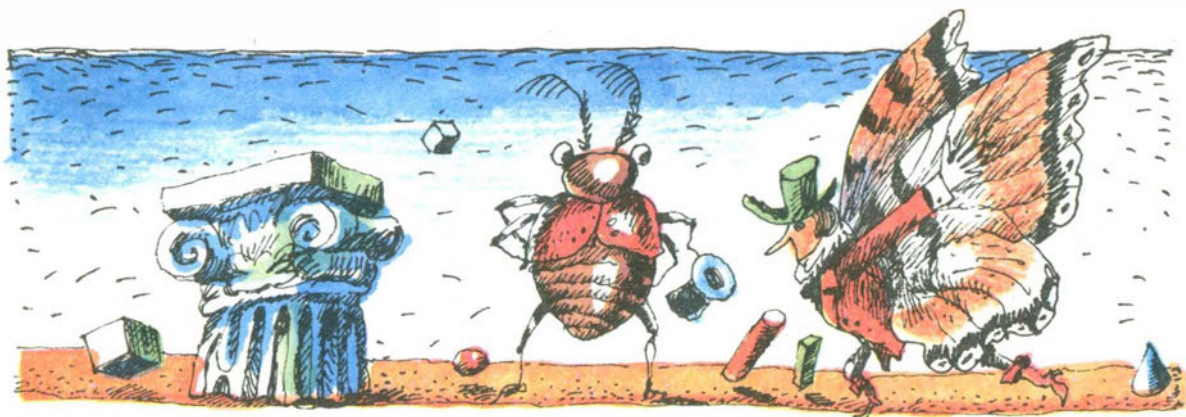
«Он, верно, болен, — решила Майя, — и потому сидит в тени. Как тяжело болеть в такой прекрасный день!» — пожалела она его и, подлетев к его листу, участливо спросила:

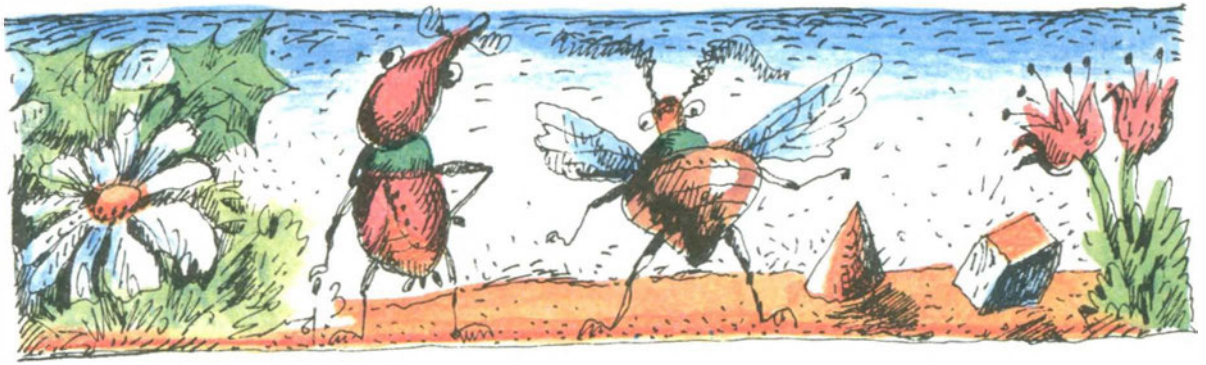
— Что у вас болит, мой милый?

Тут таинственное насекомое начало двигаться, да так странно, будто его подталкивала чья-то невидимая рука.

«У бедняги нет ног, — подумала пчелка, — вот почему он настроен так мрачно».

У основания листа незнакомец остановился, и Майя с изумлением увидела, как он оставил за собою маленькую бурую капельку, издававшую такое зловоние, что у пчелки дух

захватило. Она быстро перелетела на ягодку малины, заткнула нос и вся задрожала от возмущения и негодования.

— И охота была вам связываться с клопом! — рассмеялся кто-то возле нее.

Майя оглянулась. Над нею на тонком качавшемся стебельке сидел белый мотылек. Он беззвучно водил своими большими крыльями с черными каемками и с таким же пятном на каждом из них. Пчелке случалось видеть этих насекомых, но познакомиться ни с одним из них ей до сих пор не удавалось. Восхищенная красотой мотылька, она забыла свою досаду.

— Да, вы правы, что смеетесь надо мной, — сказала она ему. — Так это был клоп?

— Ну конечно, — улыбнулся ей мотылек. — С клопами не следует водить компанию. Вы, должно быть, еще очень молоды?

— Не совсем, — ответила Майя. — У меня уже довольно большой опыт. Но такого существа я еще не встречала. Фи! Как можно себя вести так!

Мотылек опять рассмеялся.

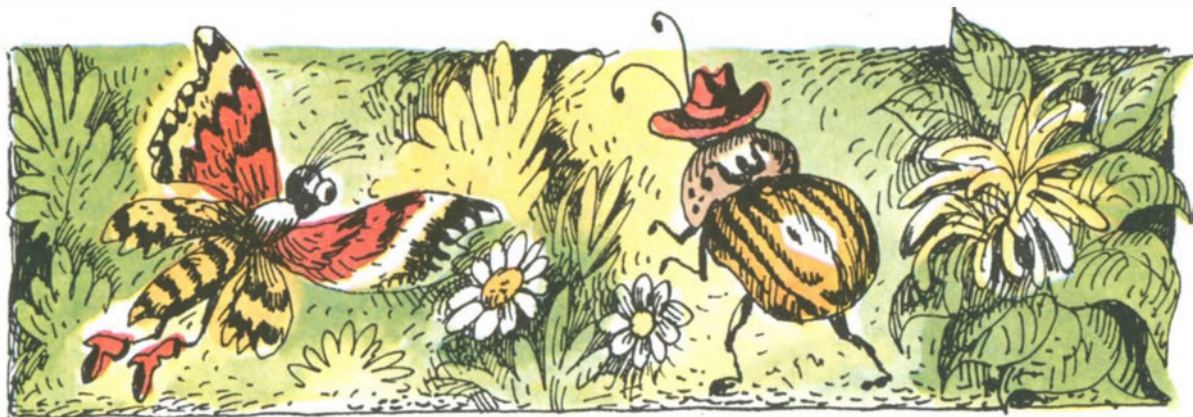
— Клопы обречены на одиночество, — сказал он. — И так как никто их не любит, то они стараются именно так обращать на себя внимание. Ведь вы, например, и не подумали бы о нем, а вот теперь вы не скоро его позабудете.

— Какие у вас прекрасные крылья! — переменяла пчелка разговор. — Какие легкие и белые!.. Позвольте представиться: я — Майя, пчела.

Мотылек сложил крылья, поклонился и произнес:

— Фритц!

Майя не могла им налюбоваться.

— А ну-ка полетайте! — попросила она.

— Вы хотите, чтобы я улетел? — удивился мотылек.

— О нет! — поспешила его успокоить пчелка. — Я хочу только посмотреть, как движутся в воздушной синеве ваши большие белые крылья... Впрочем, это можно будет увидеть и позже. Вы где живете?

— У меня нет постоянной квартиры, — ответил Фритц, — это слишком хлопотно. С тех пор как я сделался мотыльком, я наслаждаюсь жизнью на свободе. Раньше, когда я был гусеницей, я только и делал, что лежал на капустном листе, обжирался и злился.

— Что вы говорите? — изумилась Майя.

— Прежде я был гусеницей, — повторил Фритц.

— Не может быть! — воскликнула пчелка.

— Послушайте, — произнес мотылек, вытянув свои усики по направлению к Майе, — да ведь это всем известно! Даже человек это знает!

Пчелка было глубоко поражена. Она не могла себе представить ничего подобного!

— Знаете, мне трудно поверить этому, — сказала она, недоверчиво покачивая головою. — Может быть, вы объясните мне это подробнее,

Фритц пересел на ветку рядом с Майей, и свежий утренний ветерок плавно покачивал их обоих. Он обстоятельно описал пчелке свою жизнь: сначала гусеница, потом куколка.

— А через несколько недель, — закончил он свой рассказ, — я проснулся от своего глубокого сна и разорвал плотно охватывавшую меня оболочку... Я не нахожу слов для выражения восторга, какой испытываешь, когда после долгого

пребывания во мраке вдруг сразу видишь солнце! Мне показалось тогда, что я окунулся в теплое золотистое море, и я сразу так полюбил жизнь, у меня так забилося сердце.

— Я вас понимаю, — подтвердила Майя, — Я испытала то же самое, когда вылетела в первый раз из нашего темного города в напоенный благоуханием ясный простор.

На минуту пчелка умолкла, отдавшись нахлынувшим на нее воспоминаниям. Но потом ей захотелось узнать, как могли в тесной оболочке вырасти у мотылька такие большие крылья.

Фритц охотно объяснил ей и это.

— Они легко складываются, вроде того как лепестки цветка свернуты в почке. Когда делается светло и тепло, цветок раскрывается. То же самое произошло и с моими крыльями. Ничто не может противостоять благотворному влиянию солнца.

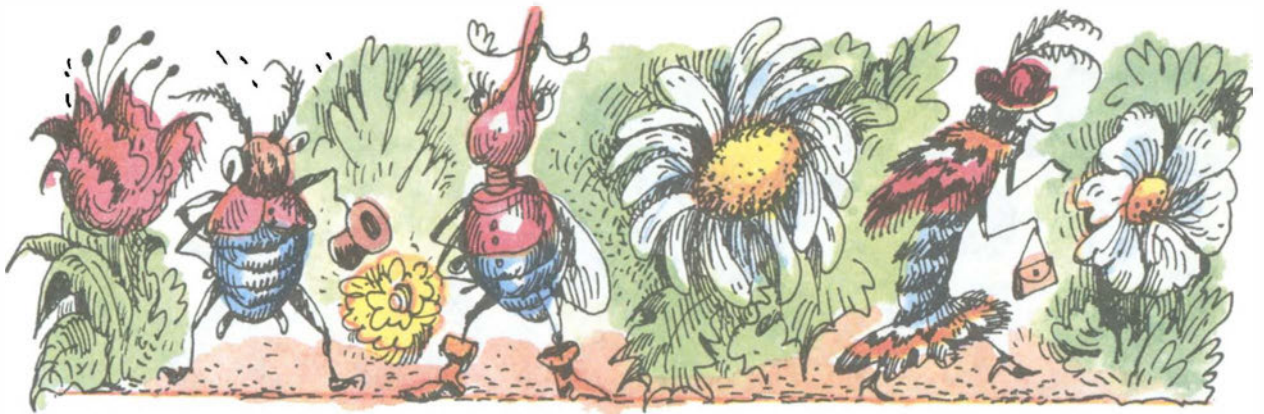
— Да, это правда, — согласилась Майя и принялась задумчиво рассматривать белого мотылька, который так красиво выделялся на фоне голубого неба.

— Про нас говорят, что мы легкомысленны, — продолжал Фритц, — но, в сущности, мы лишь бесконечно счастливы. Вы не можете себе представить, каким серьезным мыслям о жизни я иногда предаюсь.

— К какому же вы пришли заключению? — спросила пчелка.

— Я думаю о будущем, — ответил мотылек. — Оно очень меня интересует... Но мне пора лететь. Посмотрите на усыпанные колокольчиками и кашкой луга. Мне надо туда...

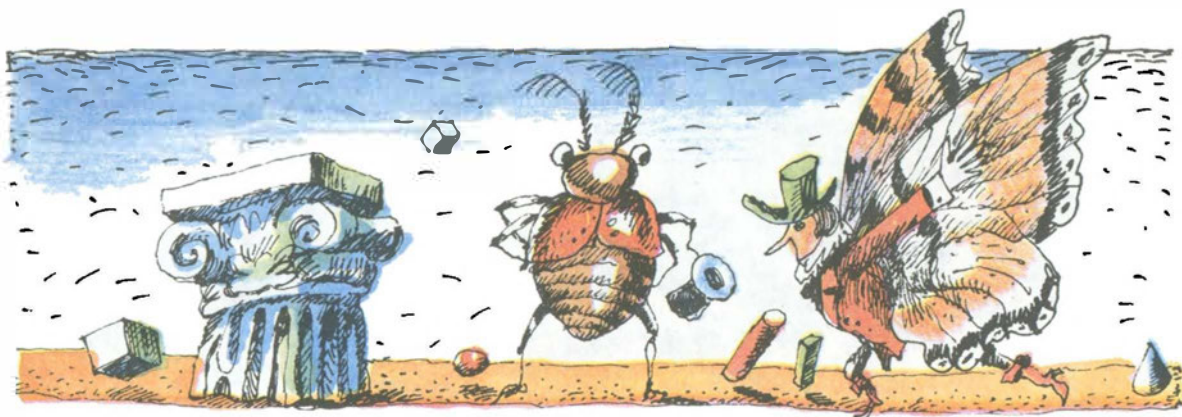
Майя вполне его понимала. Они распростились и полетели в

разные стороны: белый мотылек — беззвучно покачиваясь, словно его уносил легкий ветерок, а пчелка — наполняя воздух беззаботным жужжанием, которое мы всегда слышим в ясные солнечные дни над цветами и о котором вспоминаем, когда мечтаем о лете.

Битва Ганнибала с человеком

Вблизи пещеры, в дупле сосны, где Майя устроила себе летний домик, поселился короед Фридолин со всеми своими чадами и домочадцами. Это был честный труженик, заботившийся о благосостоянии своей семьи и добившийся в конце концов своей цели. Он с гордостью смотрел, как его пятьдесят талантливых сыновей неустанно копошатся в коре дерева. Каждый из них рыл там свой кривой канал, и все они были довольны своей работой и жизнью.

— Моя жена разместила их так, что ни один из них не пересекает путь другому, — объяснил он как-то раз пчелке. — Мои дети не знают друг друга. Они движутся по разным направлениям.

Майя была знакома с короедом уже давно. Хотя она знала, что люди не любят ни его самого, ни его потомства, она одобряла его поведение и образ мыслей. Рано утром, когда лес еще спал, а солнце не вставало, пчелка часто слышала сверлящие, тихие, как журчание ручья, звуки его работы. Казалось, будто дерево дышало во сне. Она видела также и тонкую коричневую пыль, которую он выбрасывал из прорытых им ходов.

Однажды утром Фридолин явился к Майе и поинтересовался — хорошо ли она провела ночь.

— Вы сегодня куда-нибудь полетите? — спросил он.

— Нет, — ответила пчелка, — слишком ветрено.

И действительно, густой бор глухо шумел, покачивая ветвями, и казалось, что вот-вот с них начнут опадать листья. После каждого порыва ветра в лесу делалось как-то светлее,

словно деревья, в самом деле, теряли часть своей листвы. Верхушки сосны, в которой жили Майя и Фридолин, сердито гудели.

Короед вздохнул.

— Я работал всю ночь напролет, — произнес он, — Что делать? Нелегко добиться намеченной цели. Я не совсем доволен своим жильем. Мне следовало бы поселиться в елке.

Он вытер лоб и как-то виновато улыбнулся.

— Как поживают ваши детки? — дружелюбно спросила пчелка.

Фридолин поблагодарил ее за внимание.

— У меня теперь нет возможности следить за ними, — прибавил он, — но надеюсь, что они делают успехи.

Майя взглянула на короеда. Это неуклюжее бурое существо, с его походившим на огромную голову щитком и короткими надкрыльями, показалось ей смешным. Но она знала, что это — весьма опасный жук, наносящий сильный вред лесам и рощам. Стоит толпе его сородичей напасть на дерево, и оно начинает терять свои иглы, листья, вянет и умирает. Даже могучие лесные великаны бессильны против этих крохотных разбойников, разрушающих древесную кору и каналы в ней, по которым питательные соки текут от корней к верхушке дерева. Пчелка слышала, что короеды истребляли таким образом целые леса. И она задумчиво рассматривала Фридолина, охваченная странным чувством при мысли о том, каким могуществом обладало это маленькое, ничтожное на вид насекомое.

Вдруг Фридолин тяжело вздохнул и озабоченно сказал:

— Да, жизнь была бы хороша, если бы на свете не было дятла.

— Вы правы! — согласилась Майя. — Это жадное создание пожирает все, что встречает на своем пути.

— О! Если бы он довольствовался только этим! — горестно воскликнул короед. — Полбеда, если бегающие по деревьям легкомысленные существа попадают ему на обед — в конце концов, надо и дятлу жить. Но возмутительно то, что эта птица настигает свою добычу глубоко в коре и добирается даже до наших ходов.

— Неужели? — усомнилась пчелка. — Да как же ему это удастся? Ведь дятел — птица не маленькая.

Фридолин взглянул на Майю, высоко подняв брови и покачивая головою.

— Вы говорите о его росте? — произнес он. — Да разве в этом дело? Нет, моя милая, его размеры тут ни при чем, и все наше несчастье не от них, а от его языка.

Пчелка от удивления широко раскрыла глаза, и короеду пришлось ей объяснить, что у дятла совсем особенный язык: длинный, тонкий, круглый как червяк, остроконечный и липкий.

— Он может его высовывать, — сказал Фридолин Майе, — на расстояние, превышающее в десять раз мое тело... Думаешь, вот уж его кончик, — ан нет! Он лезет все глубже и глубже... Дятел бесцеремонно сует свой язык в самые маленькие щели под корою. Он вечно думает: «А ну-ка, посмотрим, не запрятался ли там кто-нибудь?» И он врывается в наши ходы, и все, что в них находится, прилипает к его длинному языку и исчезает вместе с ним.

— Знаете, я не трусиха, далеко не трусиха, — со страхом произнесла пчелка, — но и мне жутко стало...

— Ну, вам-то с вашим жалом нечего бояться! — сказал не без зависти короед. — Дятел сто раз подумает, прежде чем пойдет на риск быть укушенным в язык. Да и вы сами это понимаете... А вот нам — что прикажете делать? Моя бедная кузина уже пострадала от этой птицы. Была она как-то у нас в гостях. Ходов наших она хорошо не знала. Разговаривая, мы с ней повздорили; она рассердилась, поднялась и ушла. Не успела она выйти за дверь, как до нас долетел стук дятла. Он, видно, начал свой обход с нашего дерева, потому что мы всегда слышим его заранее и можем спрятаться. В то же время раздался отчаянный вопль моей двоюродной сестры: «Фридолин! Спаси! Я прилипаю!» Потом — еще один дикий крик, гробовое молчание, а через секунду дятел опять начал долбить кору. А моя кузина погибла. Звали ее Агатой.

— Послушайте, как стучит у меня сердце! — тихо и взволнованно прошептала Майя. — Вам бы не следовало рассказывать такие вещи! О Господи! Чего только не бывает на свете!..

И она умолкла, вспоминая обо всем, что с нею уже приключилось, и думая не без боязни о том, что ее ждет еще впереди.

Ее размышления внезапно прервал громкий смех Фридолина.

Пчелка с изумлением взглянула на него.

— Смотрите, смотрите! — воскликнул он. — Вон он ползет! Какой молодец! Вы посмотрите только!

Майя поглядела туда, куда он показывал, и увидела, что кто-то, никогда ею не виданный, карабкается вверх по дереву. Она и не предполагала, что в мире могут быть такие существа.

В первую минуту ее испуг был даже больше ее изумления, и она шепотом спросила короеда — не благоразумнее ли спрятаться?

— С чего вы это взяли? — ответил Фридолин. — Оставайтесь спокойно на месте и вежливо с ним поздоровайтесь. Это очень образованный господин, у него глубокие и серьезные познания, а кроме того, он очень добр и скромен и, если хотите, немножко смешон... Посмотрите на его походку!

— Он, кажется, чем-то озабочен, — заметила пчелка, удивляясь все больше и больше.

Короед рассмеялся.

— Нет, это он борется с ветром, чтобы тот не перепутал ему его ноги!

— Что? Разве эти длинные нити — его ноги? — широко раскрыв глаза, воскликнула Майя. — Никогда в жизни я не видела ничего подобного.

Тем временем незнакомец подошел ближе, и пчелка могла рассмотреть его подробнее. Казалось, он не шел, а скользил по воздуху, так как его маленькое круглое тело покоилось на необыкновенно длинных, тонких, как ниточки, ногах, которые двигались во все стороны, стараясь находить необходимые точки опоры. Он шел очень медленно, осторожно нащупывая путь, причем коричневый шарик его туловища то поднимался, то опускался.

Майя всплеснула руками.

— Нет! Вы подумайте только! — воскликнула она. — Я никогда не поверила бы, что такие тонкие, как волоски, ноги могут двигаться, что ими можно пользоваться, что они умеют ходить. Да ведь это чудо, Фридолин!

— Не знаю, что это такое, — ответил короед, — но, во всяком случае, это очень смешно, и я смеюсь.

— А у меня нет никакой охоты смеяться, — возразила пчелка. — Ибо часто смеются над тем, чего не понимают.

Тут незнакомец подошел к ним совсем близко и, взглянув с высоты своих ног на Майю, сказал:

— Здравствуйте, мои друзья! Какой ветер! Какой невыносимый сквозняк! Не правда ли?

Ему приходилось делать неимоверные усилия, чтобы удержаться на месте.

Фридолин с трудом подавил смех. Но пчелка вежливо согласилась с удивительным существом и заметила, что и она по той же причине осталась сегодня дома. Затем она представилась незнакомцу.

Тот на нее покосился.

— Пчела Майя, — повторил он. — Очень приятно. Я много слышал о пчелах... Со своей стороны должен заметить, что несколько затрудняюсь, как мне представиться вам, потому что наша весьма известная семья имеет много различных имен. Во всяком случае, я принадлежу к породе пауков, а имя мое — Ганнибал.

Одно слово «паук» привело Майю в ужас, так как она тотчас же вспомнила свои недавние мучения в сетях этого страшилища. Но она успокоила себя тем, что сможет в любой момент улететь и что поймать ее не удастся, так как у него нет крыльев, а паутина его, вероятно, в другом месте.

— Да, неприятная штука, очень неприятная, — произнес Ганнибал. — Разрешите мне встать под этим большим суком, — там мне будет лучше.

— Пожалуйста! — предупредительно сказала пчелка.

Фридолин ушел, но Майе было любопытно узнать, чем был так озабочен паук. «Господи! Кто только не живет на белом свете! — подумала она. — И сколько интересного в этом великом мире!»

Ветер тем временем немного утих. Ясное небо проглянуло сквозь ветви деревьев. Где-то в кустах прозвучала звонкая песня реполова. Пчелка заметила его на ветке и видела, как двигалось при пении горлышко птички, как она поднимала головку к яркому солнцу.

— Ах! Если бы я умела петь, как она! — вздохнула Майя. — Я сидела бы целый день на цветке и пела.

— Это было бы недурно, — улыбнулся Ганнибал. — Но вы умеете только жужжать...

— Птицы кажутся такими счастливыми! — Вы фантазерка, — перебил ее паук. — Если бы все стремились делать то, чего они не умеют, мир перевернулся бы вверх дном. Вы подумайте только. Реполов вдруг пожелал бы иметь жало, а коза летать и собирать мед? Или же лягушка возмечтала бы о таких ногах, как у меня?

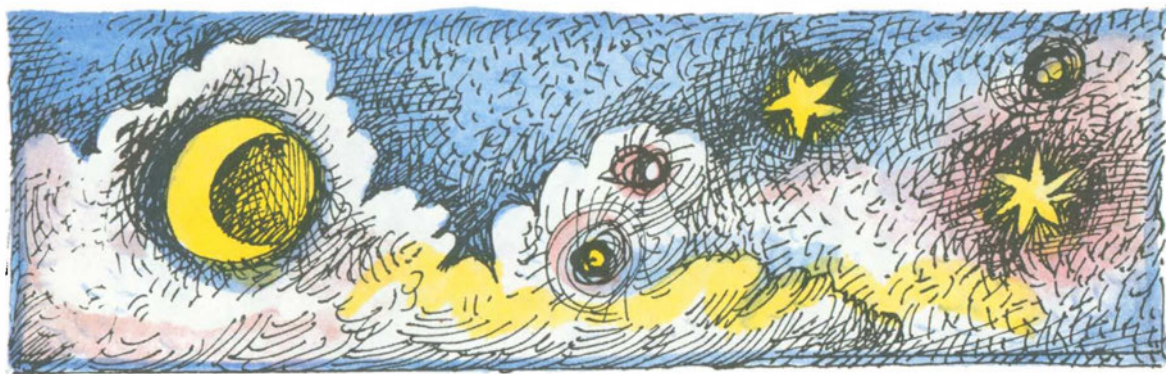
— Ну нет! Только не это! — рассмеялась пчелка. — Но я хотела бы доставлять всем такую же радость, какую дает эта птичка своим пением... Но... что это? — с ужасом проговорила она вдруг. — У вас одна лишняя нога... У вас их семь!

Паук нахмурился.

— А! Наконец-то вы заметили, — произнес он. — Нет, у меня не лишняя нога, а напротив — одной не хватает.

— Значит, у вас должно быть восемь ног? — удивилась Майя.

— С вашего позволения, — вежливо ответил Ганнибал, — у

нас, пауков, восемь ног. Они нам, во-первых, необходимы, а во-вторых, придают нам важный вид... Я потерял одну ногу. Оно, конечно, жалко, но что делать? Надо как-нибудь обходиться.

— Должно быть, очень неприятно потерять ногу, — сочувственно заметила пчелка.

Ганнибал подпер подбородок и, приведя в некоторый порядок свои нижние конечности, сказал:

— Я расскажу вам, как это случилось. Ясно, что такие истории не обходятся без вмешательства человека. Мы сами очень осторожны и действуем с оглядкой, но люди неосмотрительны и хватают все, будто перед ними не живые существа, а щепки. Хотите послушать, как произошло это злосчастное происшествие?

— Пожалуйста, — попросила Майя. — Мне очень интересно. Я думаю, что вы много пережили при этом?

— Верно, — ответил Ганнибал, — Ну так вот... Прежде всего я должен вам сказать, что мы принадлежим к породе ночных пауков. Я жил тогда в садовой беседке, обросшей со всех сторон зеленью. В ней были разбиты оконные стекла, так что мне было удобно во всякое время входить и выходить. Когда на землю спускалась ночь, в сад приходил человек. В одной руке у него было искусственное солнце, которое люди называют лампой, а в другой — бутылка и связка бумаг. В кармане у него находилась еще другая бутылка, поменьше. Он входил в беседку, ставил все принесенное с собою на стол, начинал думать, а затем излагал свои мысли на бумаге. Такие клочки бумаги валяются иногда и в лесу, а черные пятнышки на них — это то, что придумал человек.

— Поразительно! — воскликнула восхищенная пчелка.

— Для того чтобы делать черные пятнышки, — продолжал Ганнибал, — мой человек употреблял обе бутылки: в меньшую он беспрестанно совал деревянную палочку, а из большей пил. И чем больше он пил, тем лучше шло у него дело. Я узнал впоследствии, что он писал о нас, но толку от этого мало, потому что до сих пор люди знают еще очень мало о насекомых. О нашей духовной жизни им почти ничего не известно, и они совершенно не обращают внимания на наши переживания.

— Вы дурного мнения о человеке? — спросила Майя.

— Нет, — ответил паук, задумчиво разглядывая свои ноги, но когда по его вине имеешь только семь ног, нельзя не испытывать некоторого чувства горечи.

— Да, вы правы, — согласилась пчелка.

— Однажды, — продолжал Ганнибал, — я притаился в углу оконной рамы, выжидая добычу, а человек, со своими двумя бутылками, сидел за своим столом и работал. Я был недоволен. Мошки и комары, столь необходимые для поддержания моей жизни, летели без конца к искусственному солнцу человека и пучили на него свои глаза.

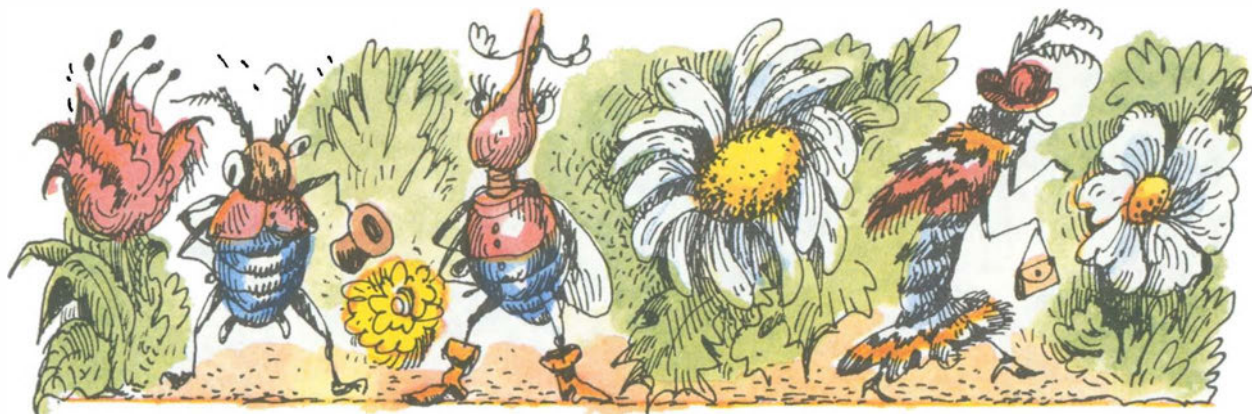
— И я была бы не прочь посмотреть на него хоть разок, — задумчиво заметила Майя.

— Посмотреть — это одно, а пучить глаза — другое. Если бы вы только видели, как глуп этот сброд! Ведь эти комары и мошки по двадцать раз ударялись головою в стекло солнца и все-таки продолжали таращить на него свои буркалы, пока не сжигали себе крылья.

— Бедняжки! — сказала с сожалением пчелка.

— Сидели бы они лучше на окнах или в кустах, — продолжал паук. — Там они были бы в полной безопасности от лампы, и мне легче было бы их ловить. В ту памятную ночь я видел из своего угла немало мошек, лежавших при последнем издыхании вокруг лампы. Заметив, что человек не обращал на них внимания, я решил овладеть ими. Ведь это вполне разумно и понятно?

— Вполне! — согласилась Майя.

— И все-таки это навлекло на меня несчастье. Тихо и осторожно пополз я по ножке стола, достиг его края и выглянул. Человек показался мне оттуда необыкновенно большим. Я незаметно просунул вверх сначала одну ногу, потом другую, третью и бесшумно приблизился к лампе. Пока я был в ее тени, все шло хорошо, но как только я оттуда вышел, человек поднял глаза и моментально схватил меня. Он взял меня за одну из лапок, поднес к своим огромным глазам и произнес: «Скажите пожалуйста!» При этом он широко и нахально осклабился, как будто испытывал, глядя на меня, огромное удовольствие.

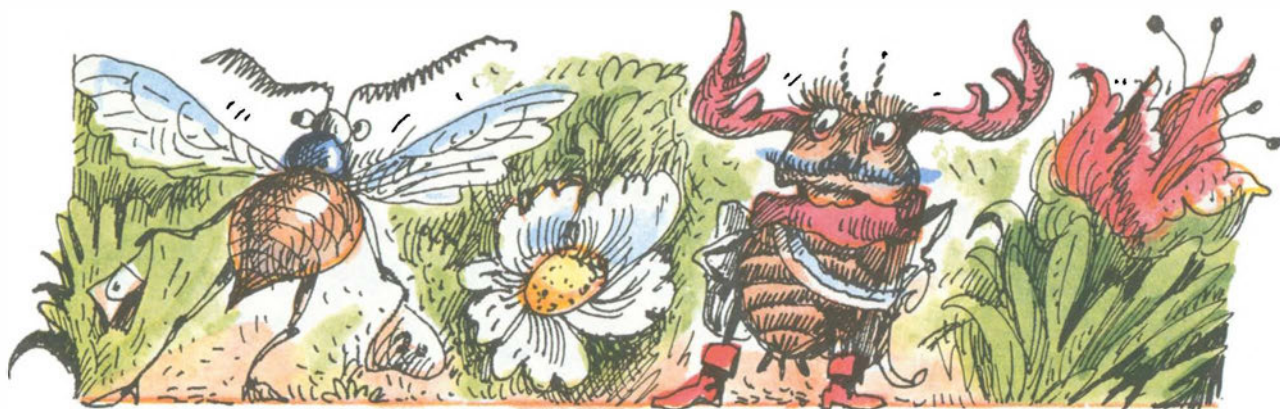
Ганнибал тяжело вздохнул. Майя напряженно молчала. Наконец, прервав молчание, она робко спросила:

— Разве у человека такие большие глаза?

— Вы представьте себе только мое положение, — не отвечая на ее вопрос, взволнованно продолжал паук. — Кому приятно было бы висеть на одной ноге перед глазом, который раз в двадцать больше тебя самого? Каждый из блесевших во рту у человека зубов был вдвое больше меня... Что вы на это скажете?

— Ужасно! — содрогнулась пчелка.

— К счастью, в эту минуту моя нога оторвалась. Страшно подумать, какая меня постигла бы участь, если бы этого не

случилось. Я упал и со всех оставшихся ног бросился бежать по столу. Скрывшись за бутылкой, я стал грозить оттуда человеку, и он побоялся преследовать меня. Я видел, как он положил мою лапку на лист белой бамаги и смотрел, как она пыталась убежать, но без меня она сделать этого, конечно, не могла.

— Разве она еще двигалась? — удивилась Майя.

— Да, — объяснил Ганнибал. — Наши ноги, после того как их оторвут, всегда находятся еще некоторое время в движении... Моя лапка конвульсивно билась на одном месте, а человек, уткнувшись в нее носом, бессердечно смеялся над тем, как она пыталась честно исполнить свой долг.

— Но это невозможно! — сказала недоверчиво пчелка. — Ведь рваная нога не может двигаться...

— Что такое рваная нога? — спросил паук.

Майя посмотрела на него с изумлением.

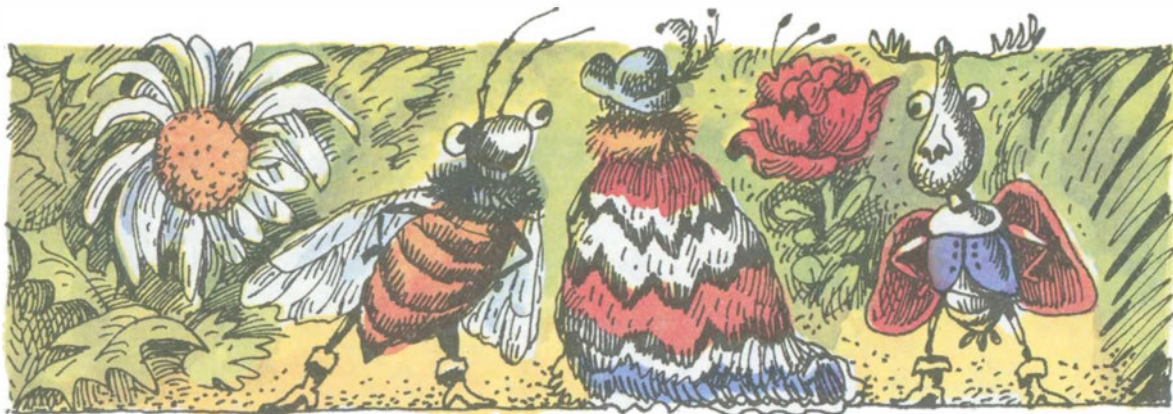
— Это такая нога, которую отделили от туловища, — объяснила она. — У нас всегда так говорят...

— Пора вам отвыкнуть от ваших детских выражений, — строго заметил Ганнибал. — Вы возвращаетесь теперь в свете и бываете среди образованных насекомых. Говорят: оторванная нога, а не рваная... Но, как бы то ни было, я сказал вам правду: наши оторванные ноги движутся еще довольно долго после того, как их отделяют от тела.

— Ну, знаете, без доказательств мне трудно в это поверить, — продолжала сомневаться пчелка.

— Уж не хотите ли вы, чтобы я для этого оторвал себе еще одну ногу?! — сердито воскликнул паук. — Я вижу, что с вами не стоит разговаривать! В первый раз слышу такие слова.

Майя смутилась. Почему так рассердился Ганнибал и в чем

была ее вина? «Как трудно иногда ладить с другими! Они часто не понимают того, что им говорят», — подумала пчелка. Ей сделалось грустно, и она печально взглянула на большого паука с его семью ногами и сердитой физиономией.

— В сущности, отчего бы мне вас не скушать? — сказал вдруг Ганнибал, принявший добродушие Майи за слабость.

Но тут с пчелкой произошла удивительная перемена. Ее грусть мгновенно исчезла, а страх уступил место спокойному мужеству. Она приняла боевую позу и с горящими от гнева глазами, слегка приподняв свои красивые прозрачные крылышки и издав громкое жужжание, гордо воскликнула:

— Я пчела, сударь!

— Пардон, — пробормотал сразу осевший паук, повернулся и, даже не поклонившись, со всех ног бросился вниз по стволу дерева.

Майя не могла удержаться от смеха. А Ганнибал, опустившись на землю, стал браниться.

— У вас отвратительный характер! — возбужденно кричал он. — Вы используете свое жало против тех, кого злая судьба лишила этого оружия. Но погодите, милая, придет и ваш час, и вы попадете когда-нибудь в беду. Помните мои слова!

И он исчез в листьях мать-и-мачехи.

Но пчелка не только его не слушала, но даже не думала о нем. Она пришла в отличное настроение, потому что ветер утих и день обещал разгуляться. Высоко-высоко, в ясной синеве глубокого неба плыли белые облака, у которых был такой спокойный, такой счастливый вид! И Майю потянуло на лесные лужайки, к залитым солнцем холмам, на ту сторону озера, — туда, где, должно быть, уже давно кипела веселая жизнь. Она видела, как качались стройные стебельки травы, как желтели на

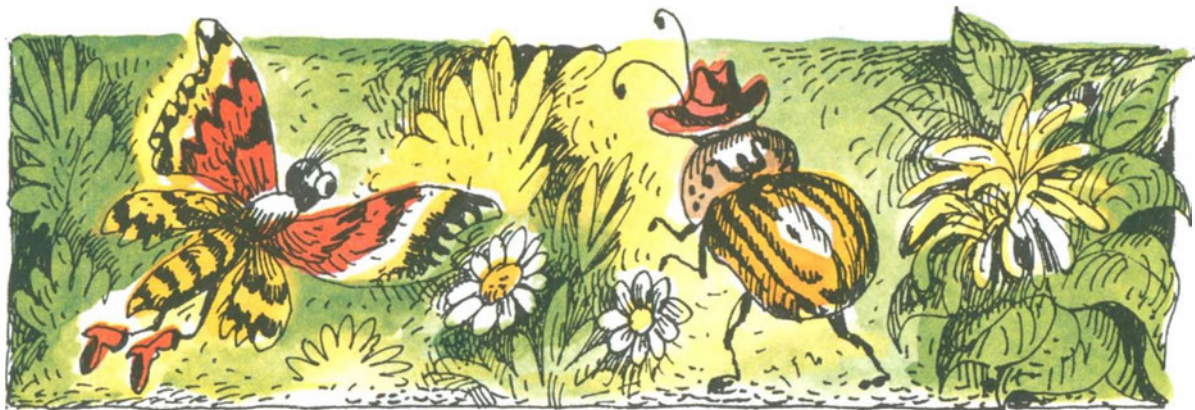

лесной опушке, в узких рвах, высокие касатики. С чашечек этих цветов можно было разглядеть таинственный, полный мрака еловый бор, откуда веяло прохладой и печалью. Майя знала, что в его угрюмой тишине, обращающей солнечный свет в красноватое мерцание, находится никому неведомое сказочное царство.

И пчелка понеслась по воздуху, почти не сознавая, куда она летела. Ее манили к себе лесные лужайки, полевые цветы, простор лугов.

— О Господи! — думала она. — Как хороша жизнь!

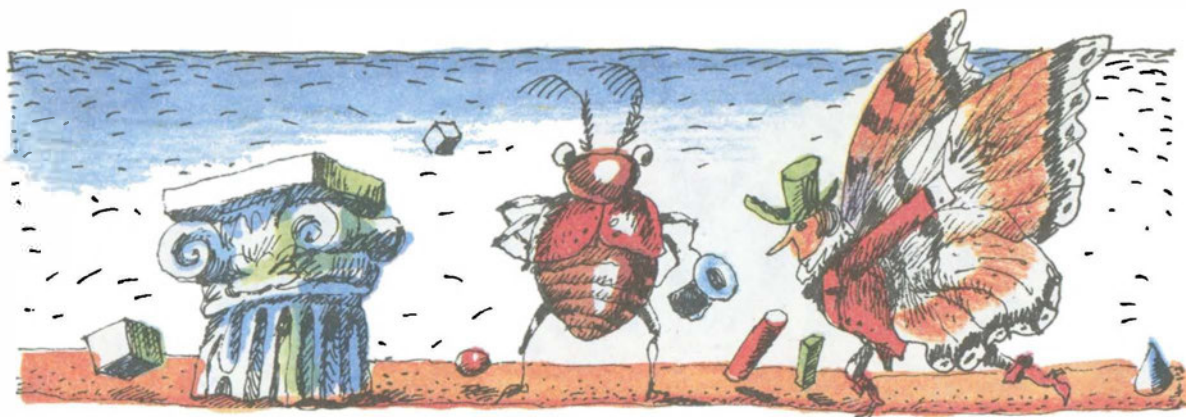

Чудеса ночи

Так проходили для маленькой Майи дни и недели ее юной жизни. Правда, среди радостей и опасностей ее странствований тоска по подругам детства, по родине, по покинутому ею родимому улью не раз проникала в ее сердце. Бывали минуты, когда ее мучила бездеятельность, когда ее тянуло к сородичам. Но она со своей беспокойной натурой едва ли долго ужилась бы среди соотечественниц. Среди всех живых существ встречаются натуры, которые ни за что не могут примириться с привычками большинства; к таким исключительным характерам надо относиться серьезно и осторожно, не осуждая их сразу. Ведь почти всегда в них таятся не леность и упрямство, а стремление к чему-то высшему и лучшему, чем окружающая их обыденность, и такие мятущиеся создания впоследствии своим опытом, умом и добротой завоевывают авторитет у своих ближних...

У малютки Майи было доброе и впечатлительное сердце, а ее отношение к окружающему миру вытекало из ее страстной жажды знаний и глубокого понимания красоты природы.

Но одиночество тяжело переносить и в минуты счастья. Чем опытнее становилась пчелка, тем сильнее чувствовала она потребность в обществе и любви. Она была теперь уже не наивной, ничего не знавшей малышкой Майей, когда-то покинувшей родной город. Теперь это была красивая сильная пчела с крепкими крыльями, острым жалом и с ясным пониманием опасностей и радостей жизни. Если бы она возвратилась в свой улей, бросилась бы к ногам царицы и испросила бы себе прощение, ее приняли бы на родине с

радостью, но ее удерживало от этого одно непреодолимое стремление: узнать человека. Она слышала о нем столько противоречивого, что не только не получила о нем точного представления, но все ее сведения еще больше спутались. Как бы то ни было, в глубине души она не могла отрешиться от убеждения, что человек — могущественнейшее, разумнейшее и лучшее существо в мире.

С высоты своего полета Майя часто видела людей, одетых в черное, белое, красное и пестрое платье. Но она ни разу не осмелилась к ним приблизиться. Однажды, на берегу ручья, что-то розовое бросилось ей в глаза. Она решила, что это цветок, и устремилась туда. Но это был человек — с белокурыми волосами, нежным цветом лица, в розовом платье. Он спал среди цветов, и несмотря на то, что рост его показался пчелке гигантским, вид у него был такой милый и добрый, что от восхищения и умиления у пчелки выступили на глазах слезы. Позабыв все, она жадно вглядывалась в спящего человека. В эту минуту ей показалось особенно невероятным все то дурное, что она слышала о людях.

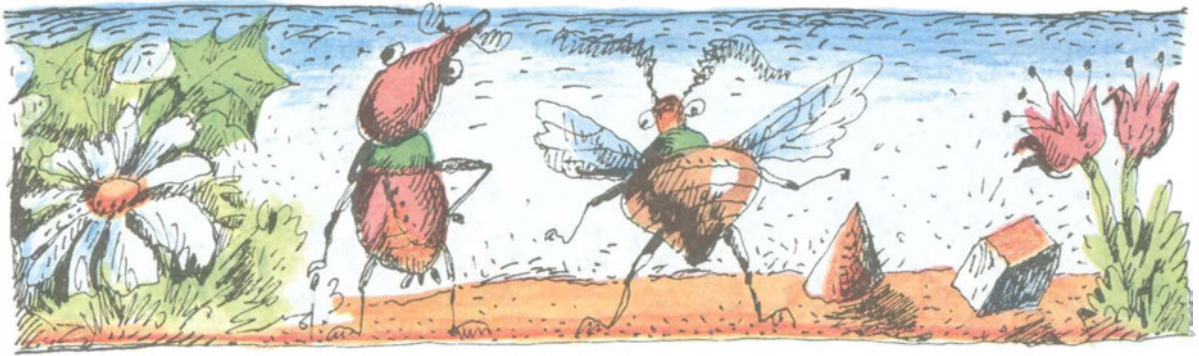
Пока Майя размышляла, к ней подлетела мушка и поклонилась ей.

— Видите вы там человека? — воскликнула взволнованно пчелка, ответив на приветствие. — Как он прекрасен! Как он добр!

Мушка с изумлением взглянула на Майю, потом медленно обернулась к предмету ее восторгов и произнесла:

— Да, он недурен. Я только что укусила его и пообедала. Смотрите — все мое тело налито его кровью.

Пчелка даже за сердце схватилась — так испугала ее дерзость этого крохотного насекомого.

— И он умрет от этого?! — в ужасе воскликнула она. — Куда вы укусили его? Как хватило у вас духу на такой недостойный поступок? Вы — хищник!

Мушка рассмеялась и пропищала в ответ:

— Да ведь это совсем маленький человечек! Люди такой величины, если ноги их наполовину покрыты широким цветным панцирем, называются девочками. Вы обнаруживаете поразительное невежество! Вы думаете, люди очень добры? Я не знаю ни одного среди них, кто добровольно уступил бы мне хоть каплю своей крови.

— Правда, о человеке мне известно очень мало, — тихо согласилась Майя.

— Странно, а между тем из всех насекомых вы, пчелы, стоите к нему ближе всех. Это знают все.

— Я рано покинула наше царство, — робко призналась Майя. — Мне захотелось познакомиться с миром.

— А, вот что! — сказала мушка и подошла к ней поближе. — Ну, как вам нравится ваша свободная жизнь? Сказать по правде, я одобряю ваше стремление к независимости. Что касается меня, я никогда не согласилась бы служить человеку.

— Но ведь и он служит нам, — возразила пчелка, не допуская, чтобы кто-нибудь мог осуждать ее народ.

— Может быть, — небрежно ответила мушка. — К какому вы принадлежите роду?

— Я происхожу из племени пчел, живущих в замковом парке. Наша царица — Елена VIII.

— Так, так! — произнесла мушка, покачивая головой. — Происхождения вы знатного. Кланяюсь! У вас, кажется, была недавно революция? Не правда ли? Я слышала об этом от

гонцов, которых разослали по всему миру восставшие. Верно это?

— Да! — с гордостью сказала Майя.

Ей льстило, что ее народ пользуется такой широкой известностью, и сердце ее защемило от тоски по родине. Ей захотелось вдруг совершить какой-нибудь подвиг, сделать что-нибудь великое для царицы, для блага своей страны. Охваченная этой мыслью, она позабыла и о человеке. А может быть, она больше не расспрашивала мушку еще и потому, что не ожидала услышать от нее ничего хорошего. Это насекомое показалось ей нахальным и дерзким, а такие особы только и делают, что злословят.

— Пойду-ка глотну еще человеческой крови, — произнесла мушка. — А потом пойду танцевать вместе с подружками в вечерних лучах солнца, чтобы завтра была хорошая погода.

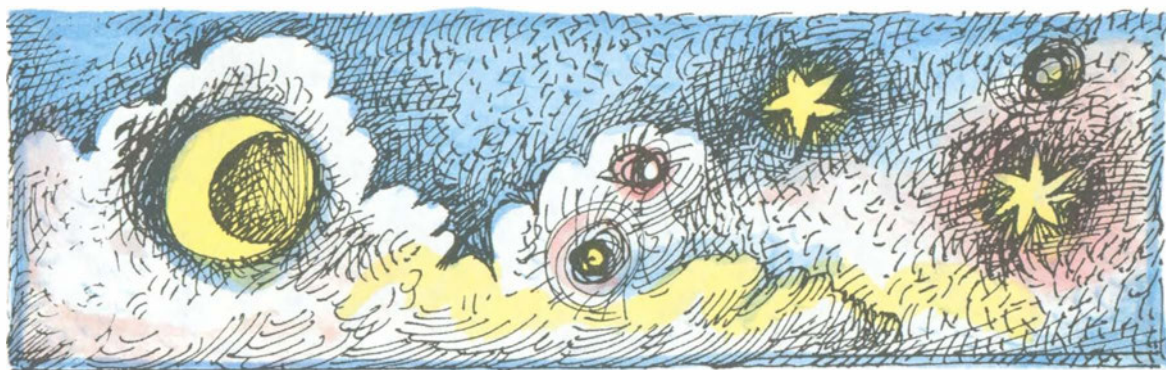
Майя улетела, чтобы не видеть, как мушка причинит зло спавшему ребенку. Она удивлялась, как это хищница при этом не погибает. Ведь Кассандра говорила ей: «Если ты ужалишь человека, ты погибнешь».

Майя твердо помнила это наставление. Но ее жажда узнать людей поближе оставалась не удовлетворенной, и она решила быть смелее и не щадить усилий для достижения этой цели.

* * *

Желание Майи исполнилось самым удивительным образом, и так, как она этого совсем не ожидала.

Однажды в теплый летний вечер пчелка отправилась спать

раньше обычного. Среди ночи она внезапно проснулась, чего с нею раньше никогда не случалось. Открыв глаза, она не могла прийти в себя от изумления. Все ее жилище было наполнено мягким голубоватым светом, проникавшим через сиявшее, как серебряный занавес, входное отверстие. Майя замерла, боясь пошевелиться, но она не испытывала никакого страха — так умиротворяюще действовал этот чудесный свет. Снаружи до нее доносились нежные звуки, такие гармоничные и сладкие, каких она еще никогда не слыхала.

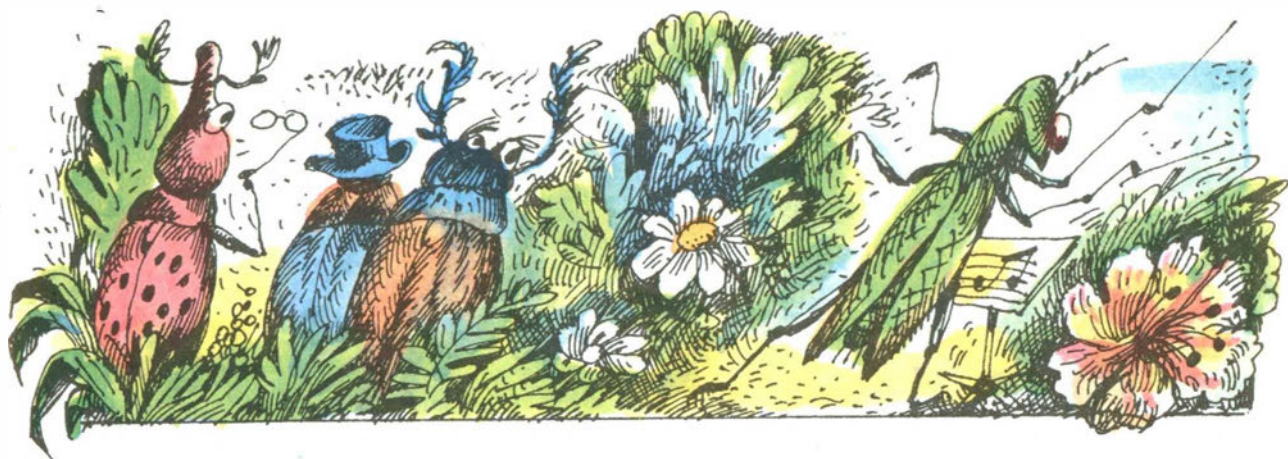
Тогда она решилась высунуть голову из своего убежища. Взглянула — и замерла в восторге: весь мир показался ей зачарованным. Все кругом сверкало и блестело серебром, в траве искрились тысячи светлых жемчужин, трава была точно подернута вуалью, а стволы берез и спящие листья казались разрисованными белыми узорами.

— Это ночь, — прошептала пчелка, молитвенно сложив руки. — Только ночь может быть такой чудесной...

Тонкое голубоватое сияние лилось сверху на эту картину, и Майя, подняв глаза, увидела высоко на небе слегка скрытый листьями бука полный серебряный круг луны, лучи которой так волшебным образом преобразили всю землю. А вокруг лунного лика горело бесчисленное множество прекрасных звезд, таких ярких, приветливых и спокойных!..

Пчелка была вне себя от счастья, что ей удалось увидеть ночь, луну и звезды и взглянуть на дивное зрелище. Она уже слышала о нем, но не предполагала, что это так красиво...

Вдруг совсем близко от Майи раздалось пение, которое, по-видимому, и разбудило ее. Звуки его напоминали чириканье воробья, быстрое, очень звонкое и гармоничное. Казалось, что

они лились на землю вместе с лунным сиянием. Пчелка оглядывалась по сторонам, стараясь отыскать невидимого певца, но в причудливой игре света и тени она не могла ясно рассмотреть окружающее: все было окутано какой-то сказочно-прекрасной дымкой таинственности.

Майя почувствовала, что не в силах усидеть в своем убежище. Ей захотелось увидеть мир в его новой красоте.

«Господь будет моим хранителем, — подумала она. — Ведь я не замышляю ничего дурного».

Пчелка уже готовилась вылететь на залитый голубыми лучами луг, как вдруг заметила совсем близко от себя, на ветке бука, маленькое крылатое существо, какого она до тех пор не встречала. Это странное создание, повернувшись лицом к ночному светилу, поводило ножкой по одному из своих узких крыльев, высоко подняв его кверху. Издали казалось, что оно играет на скрипке...

— Как хорошо! Какая прелесть! — прошептала Майя и быстро подлетела к музыканту.

Тихая ночь дышала теплом, и пчелка не чувствовала, что воздух был холоднее, чем днем. Она уселась рядом с незнакомцем. Тот сразу прекратил игру. Моментально воцарилась такая глубокая тишина, что Майе даже стало жутко.

— Доброй ночи! — вежливо произнесла она, уверенная, что после захода солнца надо здороваться именно так. — Простите, что я мешаю вам. Но в вашей игре столько очарования, что невольно летишь на ее звуки.

Незнакомец с изумлением уставился на пчелку.

— Что вы за насекомое? — спросил он. — Я вижу вас впервые.

— Я пчела Майя.

— Ах, вы пчела... Так, так!.. Но ведь вы, кажется, дневное насекомое? Я слышал о вашем племени от ежа. Он говорил мне, что пожирает по вечерам мертвецов, которых вы выбрасываете из ваших ульев.

— Да, — робко сказала Майя, — это правда. Кассандра рассказывала мне об этом. Еж приходит в сумерки подбирать наших покойников. Наши дозорные тоже говорили мне об этом. Но разве вы знакомы с ежом? Это ведь ужасное чудовище!

— Ну, этого я не нахожу! Мы, ночные кузнечики, находимся с ежами в хороших отношениях. Правда, иногда они пытаются нас изловить, но это им никогда не удастся. Мы только играем с ними и дразним их. Мы называем их дядюшками. Всякому ведь надо жить, не правда ли? И пока они не посягают на нашу жизнь, нам все равно.

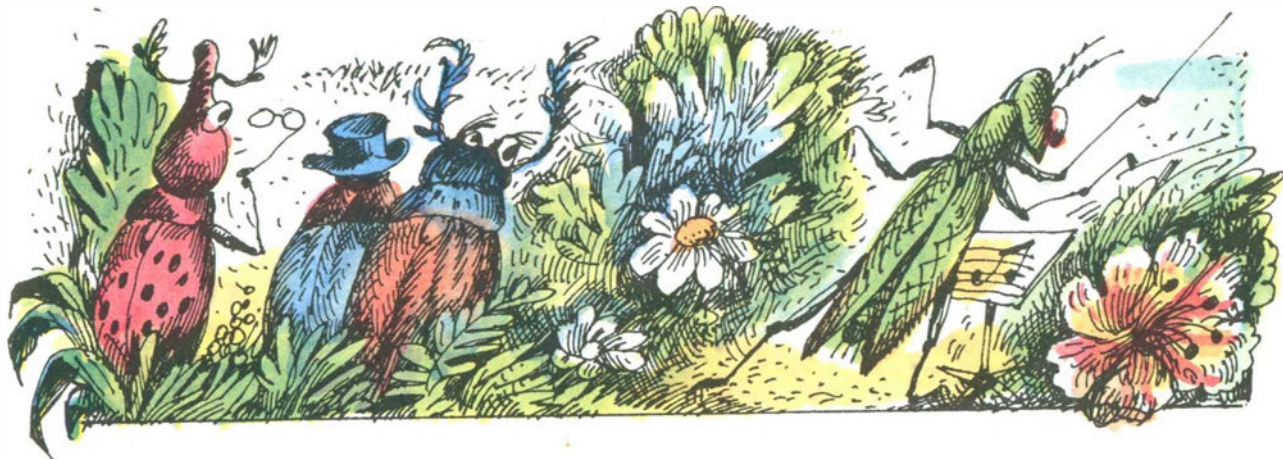
Пчелка покачала головой. Она была другого мнения, но не хотела противоречить незнакомцу.

— Значит, вы кузнечик? — дружелюбно спросила она.

— Да, ночной кузнечик.. Но, пожалуйста, не мешайте мне. Я должен продолжать свою игру. Теперь как раз полнолуние, и ночь на диво хороша...

— Будьте добры, расскажите мне что-нибудь про ночь, — попросила Майя.

— Нет на свете ничего прекраснее летней ночи, — сказал кузнечик. — Она наполняет душу блаженством. Если вы этого не почувствовали, слушая мою игру, то мои объяснения будут бесполезны... И зачем стремитесь вы все узнать? Мы, жалкие существа, можем познать лишь ничтожную частицу мира, но красоту его мы можем ощущать во всей ее полноте.

И кузнечик возобновил свой полный ликующих трелей гимн, звучавший для сидевшей рядом с музыкантом пчелки с особенной силой и выразительностью. Она внимательно его слушала, глубоко задумавшись о смысле жизни.

Неожиданно музыка умолкла. Майя оглянулась. Раздался треск — и кузнечик ускорился.

«Ночь навеивает печаль», — подумала пчелка.

Ей захотелось посидеть на покрытой цветами лужайке. На берегу ручья, в его быстром течении, увлекавшем за собою лунное сияние, она заметила отражение стройных водяных лилий. Вода журчала и сверкала, а нарядные цветы спали в ней, спокойным сном. «Они заснули от избытка счастья», — подумала Майя, опустившись на один из белых лепестков и не отрывая зачарованного взора от бежавшего, как живое существо, ручья. На берегу серебрились, словно усыпанные звездочками, березки...

«Куда течет вода? — думала пчелка. — Кузнечик прав: мы знаем о мире так мало...»

Мысли ее прервало нежное и чистое пение. В нем было что-то неземное. У Майи даже дух захватило от восторга.

«Что-то я еще увижу?» — мелькнуло у нее в голове.

Одна из лилий слегка заколебалась, и пчелка заметила вдруг маленькую и белую, как снег, человеческую ручку, державшуюся за края лепестка своими крохотными пальчиками. Вслед за тем оттуда выглянула белокурая головка, а за ней показалось легкое, нежное тельце, одетое в белое платье. Из цветка вылез человек и, протянув к луне свои тонкие ручки, смотрел со счастливой улыбкой на ясную ночь, окутавшую со всех сторон землю. Вдруг тельце крошки затрепетало, и на спине у него

развернулись два светлых, как лунное сияние, крылышка, которые то поднимались над его головой, то ниспадали к его ногам. Прозрачный крохотный человечек протянул руки к небу и запел.

Каждое слово его песни отчетливо доносилось до Майи.

Небо, звезды, свет ночной —
Вот страна моя родная.
Смерть приходит, жизнь сменяя, —
Только дух бессмертен мой.
Ведь душа моя — дыханье
Мира вечной красоты.
Дивны Божии черты.
Дивно каждое создание!

Пчела разрыдалась. Она не могла понять, что навяло на нее такую печаль и в то же время такую радость.

Маленький человечек повернулся к ней и участливо спросил:

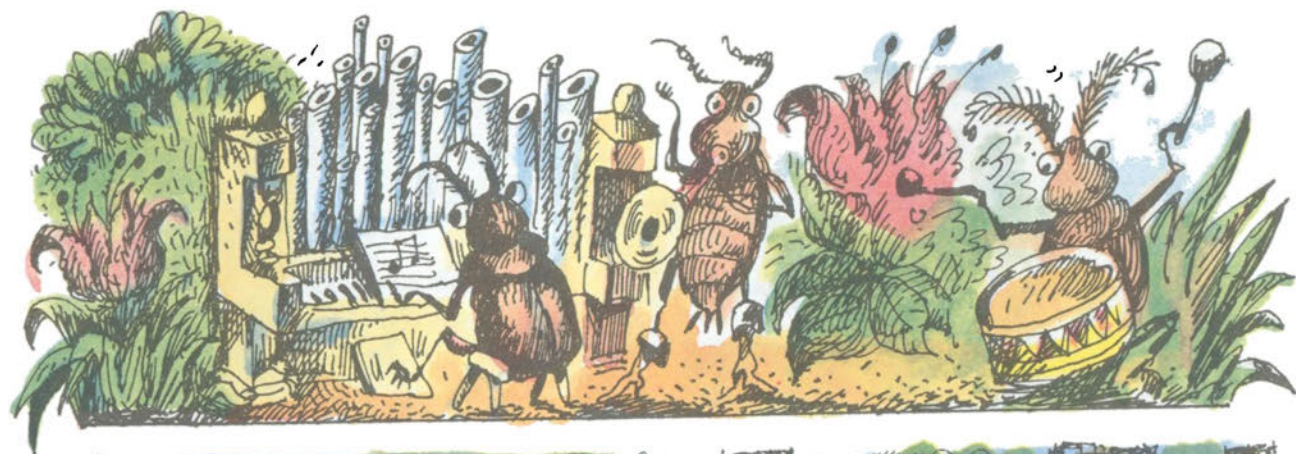
— Кто тут плачет?

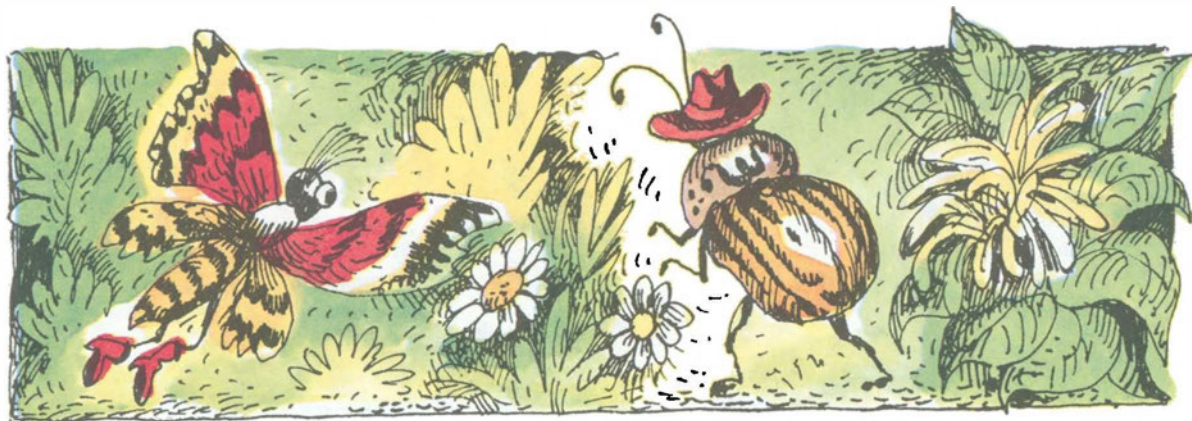
— Ах! Это я! — ответила, всхлипывая Майя. — Простите, что я помешала вам...

— Почему же ты плачешь?

— Не знаю, — ответила пчелка. — Может быть, потому, что вы так прекрасны. Кто вы? Скажите мне, кто вы? Вы, наверно, ангел?

— О нет! — серьезно возразил ей крошка. — Я эльф, живущий среди цветов... Но прошу тебя: говори мне «ты». Что ты тут делаешь так поздно ночью, маленькая пчелка?

Он подлетел к Майе, сел на лепесток и ласково посмотрел на пчелку. И пока она рассказывала ему все, что знала, все, к чему стремилась и что пережила, он не сводил с нее своих больших темных глаз.

Когда она умолкла, эльф погладил ее по голове и посмотрел на нее с такою любовью, что она от счастья чуть не лишилась чувств.

— Мы, эльфы, — начал он, — живем лишь семь ночей и должны оставаться в том цветке, где родились. Если мы его покидаем, то умираем на утренней заре.

— О, лети скорее, лети скорее назад к твоему цветку! — испуганно воскликнула Майя.

Эльф печально покачал головою.

— Поздно! — произнес он. — Но слушай дальше. Большинство из нас покидает свой родной цветок, потому что с этим для нас связано большое счастье. Всякий такой эльф, хотя он и умирает ранней смертью, переживает чудную ночь. В его власти исполнить заветное желание всякого существа, которое он встретит первым в эту ночь на своем пути. И если он серьезно решает покинуть свой цветок, чтобы кому-нибудь принести счастье, у него мгновенно вырастают крылья.

— О! Если бы и я могла так! — воскликнула Майя. — Какое наслаждение — исполнить чье-либо заветное желание!

Пчелка и не догадывалась, что она-то именно и была тем первым существом, которое встретил эльф, покинув свой цветок.

— Неужели, — спросила Майя, — ты должен сегодня умереть?

Эльф кивнул головою, но скорее радостно, чем печально.

— Прежде чем умереть, мы еще увидим утреннюю зарю, — сказал он. — Но когда роса начинает спадать, нас всасывает в себя та нежная пелена, что ложится на луга и поля. Разве ты не замечала, что она совсем белая и мерцает бесчисленными огоньками? Это сияние производим мы, эльфы. Это — наши крылья и платье. С восходом солнца мы превращаемся в капельки росы, растения нас пьют, и, таким образом, мы участвуем в их росте, пока снова не воскресаем в цветах.

— Значит, ты уже был когда-то эльфом? — спросила пчелка.

— Да, — ответил он. — Но я этого не помню, потому что во время нашего сна под сенью лепестков мы забываем все, что переживали раньше.

— О, как я завидую твоей судьбе! — воскликнула Майя.

— Если правильно рассуждать, — сказал эльф, — то это удел всех земных существ, хотя не все они и не всегда пробуждаются к жизни в цветах... Но не будем говорить об этом сегодня...

— Как я счастлива, — тихо произнесла пчелка.

— Неужели у тебя нет никакого желания? — спросил эльф. — Ведь я могу его исполнить, ибо ты — первое существо, которое я встретил.

— Я?! — воскликнула пораженная Майя. — Но ведь я ничтожная маленькая пчелка... Нет! Это слишком! Я ничем не заслужила такой радости...

— Никто не может заслужить доброе и прекрасное, —

возразил эльф, — и то и другое приходит к нам, как солнечный свет.

Сердечко Майи усиленно забилося... О! У нее давно уже было горячее желание, но она не смела его высказать. Однако эльф угадал ее мысль, потому что лицо его озарилось такой улыбкой, что пчелка уже не могла ничего от него скрыть.

— Ну? — спросил он, проведя рукою по своему лбу и золотистым волосам.

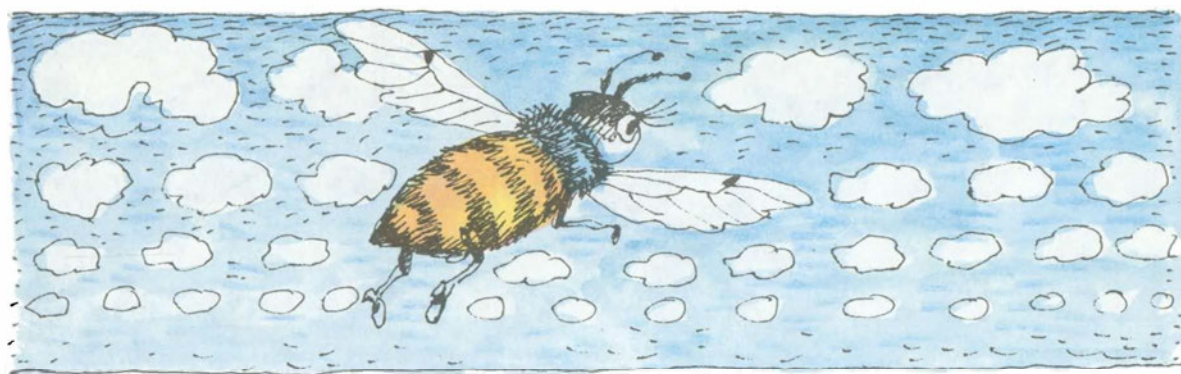
— Я хотела бы увидеть людей, узнать их и убедиться, что они действительно прекрасны, — быстро произнесла Майя и сама испугалась. Ей показалось, что эльф откажет ей и что такое великое желание исполнить невозможно.

Но эльф поднялся, взял спокойно и серьезно за руку дрожавшую от волнения пчелку и сказал:

— Полетим вместе. Твое желание будет исполнено.

Полет

В тишине летней ночи эльф и Майя понеслись над цветущими лугами. Когда они летели над зеркальной поверхностью ручья, отражение эльфа казалось бежавшей по воде звездочкой.

С какой безграничной радостью доверилась пчелка этому кроткому существу! Ей хотелось расспросить его о многом, но она не смела. Она чувствовала, что эльф сам все устроит как надо и как лучше.

Когда они очутились в аллее стройных тополей, им попался навстречу большой, темного цвета мотылек. Эльф крикнул ему:

— Постой, пожалуйста!

Майя удивилась, как охотно мотылек повиновался этому призыву. Они опустились втроем на сук высокого дерева. Мотылек уселся как раз против пчелки. Он медленно подымал и мягко опускал свои распростертые крылья, похожие на два опахала. Пчелка заметила на них широкие светло-голубые полосы. Голова у него была точно из черного бархата, а на лице, напоминавшем таинственную маску, сверкала пара темных глаз...

«Как странно выглядят живые существа ночью!» — подумала Майя. Ее слегка знобило, и ей казалось, что она спит и видит странный сон.

— Вы очень красивы, — не удержалась она.

— Кто это с тобою? — спросил ночной мотылек эльфа.

— Пчела, — ответил тот, — я встретил ее, когда покинул чашечку цветка.

Мотылек, по-видимому, знал, что это значило, потому что он не без зависти взглянул на Майю и поклонился ей.

— Счастливица! — тихо произнес он.

— А разве вы несчастны? — участливо спросила пчелка.

— О нет! — приветливо ответил он, тронутый ее участием, и посмотрел на нее с такой благодарностью, что она готова была немедленно с ним подружиться. Ее останавливал лишь его гигантский рост.

Эльф поинтересовался у мотылька, отправилась ли уже на покой летучая мышь.

— Да! — ответил тот. — Уже давно. Ты спрашиваешь об этом, чтобы не опоздать с исполнением ее желания? — спросил он, показывая на Майю.

Эльф кивнул головой. Пчелке очень хотелось узнать, что такое летучая мышь, но ее спутник, кажется, очень торопился.

— Ночь коротка, — сказал он, беспокойно откидывая свои блестящие волосы. — Полетим, Майя, нам надо спешить.

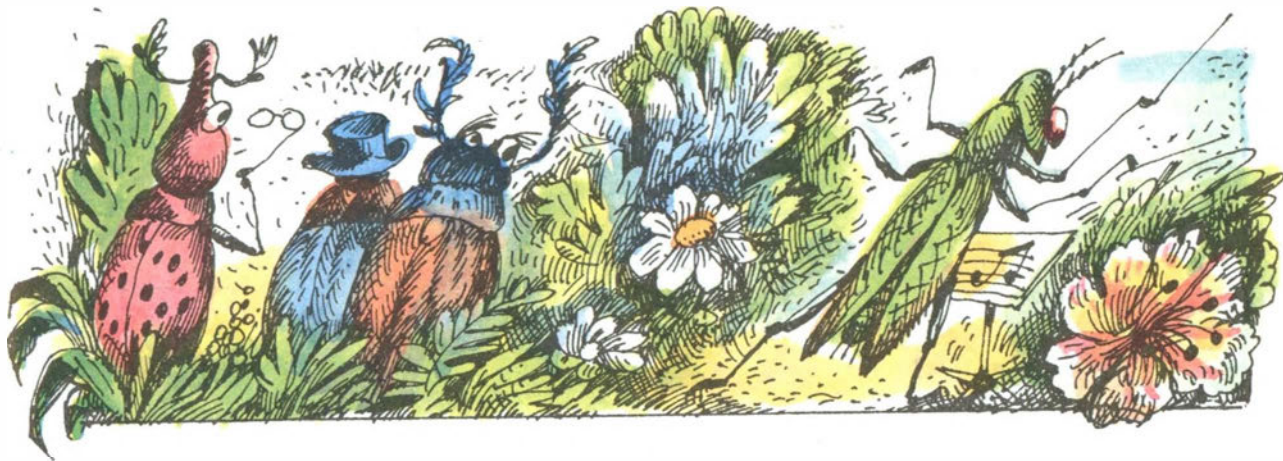
— Не подвезти ли тебя немного? — предложил мотылек.

— Спасибо! В другой раз! — поблагодарил его эльф.

«Значит, никогда! — печально подумала пчелка. — Ведь на заре он умрет...»

Мотылек остался на месте и долго следил глазами, как блестящее платье эльфа отдалялось все больше и больше и наконец исчезло в ночной дали. Тогда, медленно повернув назад голову, он начал рассматривать свои темные с голубыми полосками крылья. Затем он погрузился в размышления.

«Мне всегда говорили, — думал он, — что я бесцветное и безобразное насекомое, что мое одеяние не может сравниться с

прекрасным нарядом дневных бабочек... А маленькая пчела сумела увидеть во мне только красивое...»

Потом он вспомнил, как Майя спросила его, не несчастен ли он.

— Нет, — тихо произнес он, — теперь я уже не грущу...

Тем временем Майя с эльфом летели над густым садом. Опыняющее благоухание прохладной росы и дремавших цветов зачаровывали их, говоря им о великих и благотворных чудесах природы. Лиловые гроздья акаций дышали свежестью, а розовый куст казался миниатюрным блестящим небом, усеянным красными звездочками. Белые лепестки жасмина лили вокруг себя божественный аромат, отдавая в этот час все, что могли.

В волнении пчелка пожала руку эльфа, глаза которого сверкнули небесным огнем.

— Я никогда не представляла себе ничего подобного, — прошептала она.

И в то же мгновенье летевшая вниз звезда наполнила ее сердце печалью.

— О, смотри! — воскликнула она, — она упала! Теперь несчастная будет вечно блуждать и не обретет своего места.

— Нет, — серьезно ответил ей эльф, — это не звезда, а светлячок.

Только в эту минуту Майя заметила, почему ей было так легко и приятно с ее спутником: он не смеялся над ее невежеством, охотно поправлял ошибки и объяснял все непонятное.

— Эти светлячки — удивительные создания, — продолжал он. — Они бродят ночью со своим собственным светом, оживляя им темные уголки под кустами, куда сияние луны не может

проникнуть. Так они легко находят друг друга. Позже, когда мы прилетим к человеку, ты познакомишься с ними поближе.

Майя удивилась.

— А вот увидишь! — ответил эльф.

В это мгновение они приблизились к заросшей жасмином и жимолостью беседке, откуда доносился тихий шепот. Они опустились на землю, и эльф кивнул ближайшему светлячку.

— Будь так добр, — попросил он, — посвети нам немного. Нам надо пробраться через темную гущу листьев, чтобы попасть внутрь беседки.

— Но ведь твое сияние ярче моего, — заметил светлячок.

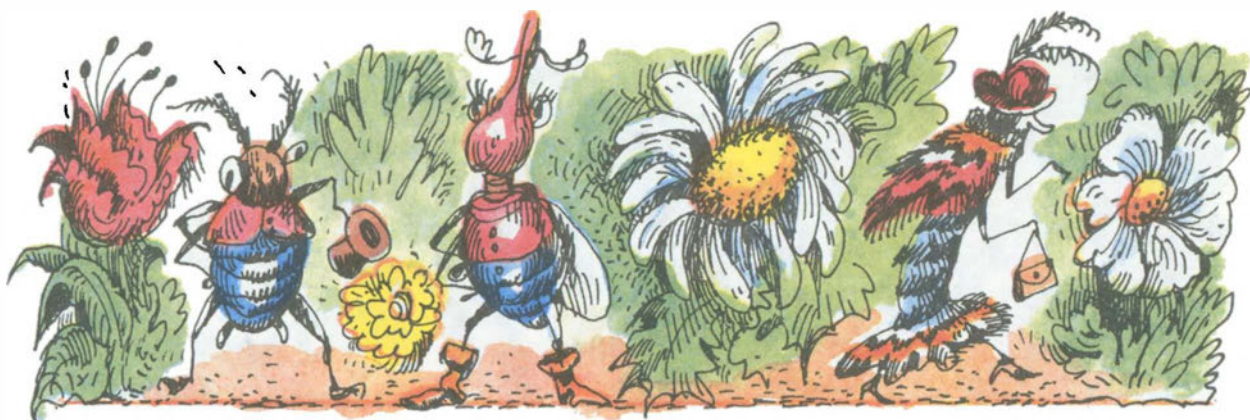
— Мне тоже так кажется, — поддержала его пчелка.

— Я должен завернуться в листок, — объяснил эльф, — иначе люди увидят меня и испугаются. Мы можем являться человеку только во сне.

— Ах, это дело другое! — сказал светлячок. — Я готов тебе служить и исполню все, что ты прикажешь. А это большое насекомое, которое с тобою, не причинит мне зла?

Эльф отрицательно покачал головою, и светлячок сразу успокоился.

Крохотный человечек тщательно завернулся в зеленый листок, совершенно скрыв под ним свое белое платье; затем он сорвал в траве маленький голубой колокольчик и как шлемом накрыл им свою белокурую головку, оставив открытым только бледное личико, которое было, однако, таким маленьким, что вряд ли кто-нибудь мог бы его заметить. Он предложил светлячку сесть к нему на плечо и, заслонив слегка крылом свет, чтобы он не слепил ему глаза, взял Майю за руку и сказал:

— А теперь — в путь! Попробуем-ка пробраться вот тут.

Пчелка, не перестававшая думать о том, что сказал эльф, спросила его:

— Люди видят сны, когда они спят?

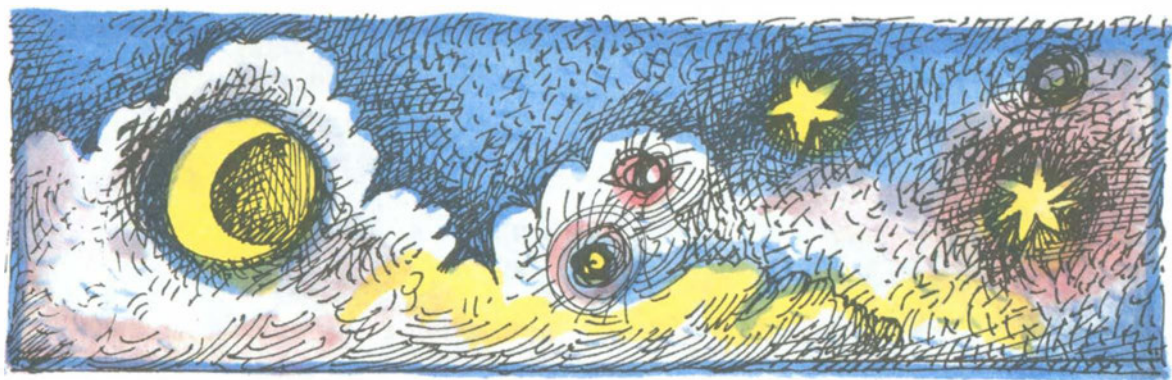
— Не только когда спят, — ответил он. — Иногда это бывает с ними и наяву. В таких случаях они обычно сидят, низко опустив голову, и задумчиво глядят вдаль, словно пытаются проникнуть своим взором по ту сторону неба. Человеческие сны всегда прекраснее жизни, и потому-то мы являемся людям только когда они спят...

Вдруг он быстро приложил пальчик к губам и умолк. Отодвинув цветущую ветку жасмина и подтолкнув слегка пчелку вперед, он прошептал:

— Смотри... Вот те, кого ты искала.

И Майя увидела в тени двух людей, сидевших на скамье, — молодую девушку и юношу. Она склонила голову к нему на плечо, а он обнимал ее рукою за талию, словно защищая от невидимой опасности. Они молчали, устремив глаза в ночной полумрак. Оба, казалось, спали. Все вокруг было тихо. Лишь вдали раздавалось стрекотание кузнечиков, да лунный свет трепетно скользил по листьям деревьев.

Маленькая пчелка любовалась лицом девушки. Несмотря на бледность и лежавшую на нем дымку печали, оно сияло счастьем. Белокурые, как у эльфа, волосы блестели в сиянии луны. Ее полуоткрытый розовый ротик дышал нежной грустью и блаженством. Видно было, что всю себя, всю свою жизнь она была готова отдать сидевшему рядом с нею юноше... Вдруг она повернула к нему свое лицо, притянула к себе его голову и что-то ему шепнула. Он радостно улыбнулся, и Майя с трудом

поверила, что земное существо могло иметь такую божественную улыбку. Его взор засверкал силою, будто ему принадлежал весь огромный мир, словно для него не существовало ни горя, ни страдания.

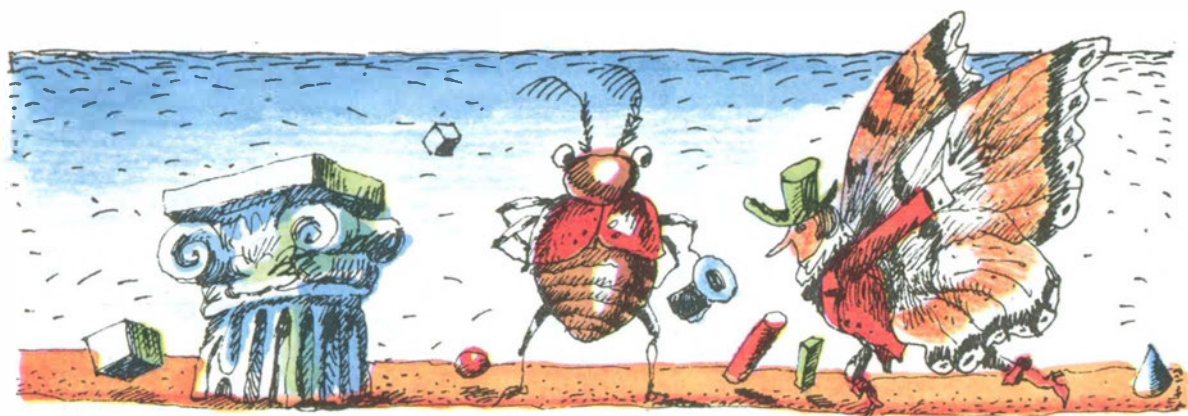
Пчелке было все равно, что юноша ответил девушке. Она вся дрожала — охватившее этих двух людей блаженство передалось и ей.

— Теперь я видела самое лучшее на земле, — прошептала она. — Я знаю, что люди бывают прекраснее всего тогда, когда любят друг друга.

Майя не помнила, сколько времени просидела она, погружившись в созерцание. Когда она очнулась, огонек светлячка уже погас и эльф исчез.

Она заметила на горизонте узкую светлую полосу. Занималась заря.

Поэт Алоизий Семиточечный

Солнце стояло уже высоко над верхушками буков, когда Майя проснулась. Сначала она подумала, что все пережитое ею прошлой ночью было лишь красивым сном, но затем она вспомнила, что возвратилась в свое жилище на рассвете, а теперь уже полдень. «Нет, все это было наяву, я провела ночь с эльфом и видела в жасминной беседке, в лунном сиянии нежно обнимавшихся людей».

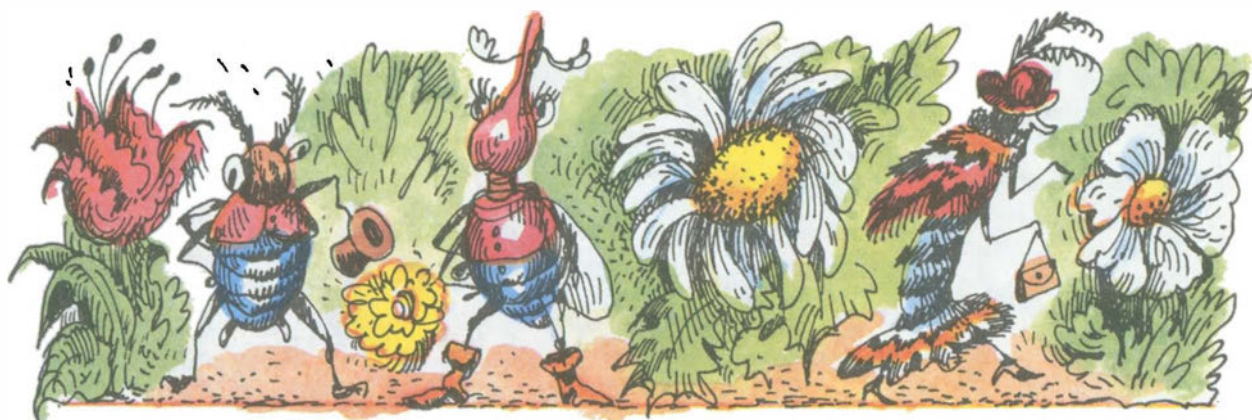
Солнце жгло своими лучами листья деревьев, дул ветерок, со всех сторон несло шумное жужжание. Никто не знал того, что знала теперь Майя. Она гордилась своим ночным приключением. Ей не хотелось выходить из своего убежища. «Каждый по одному только моему виду поймет, что со мною произошло».

Но скоро пчелка убедилась, что жизнь идет своим чередом и ни с чем не считается. Ничто не изменилось в мире, ничто не напоминало о минувшей голубой ночи. На лугу, среди пестрых летних цветов, и в лесу царил большое оживление: насекомые летали, порхали, суетились и, раскланиваясь друг с другом, уносились на крыльях или бежали дальше.

Пчелке сделалось вдруг грустно. Никто, никто на свете не интересуется ни ее счастьем, ни ее горестями. А она сама не решалась с кем-нибудь ими поделиться.

«Полечу-ка я лучше в лес, — подумала она. — Там все так торжественно и серьезно... Он больше подходит для моего настроения».

Ни один человек даже и не подозревает, когда он быстро идет по лесным тропинкам, сколько вокруг него чудесного и неведомого. Тот, кого привлекают тайны зеленых дубрав,

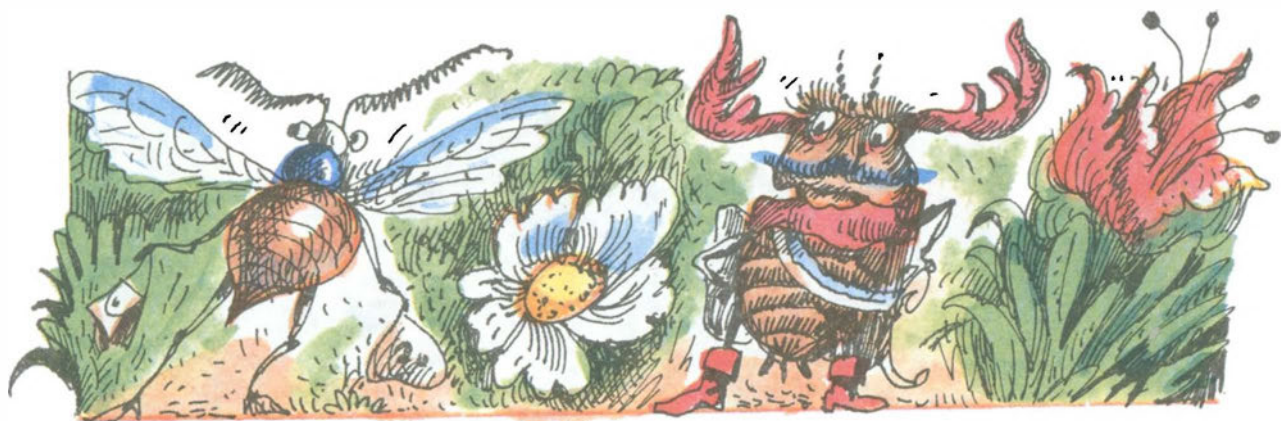
должен раздвинуть ветви кустарников, проникнуть взглядом в чашу ежевики, всмотреться в густой мох. Под тенистыми деревьями, в земляных норках, в дуплах полусгнивших стволов и в змеевидных выступающих над поверхностью земли корнях — повсюду день и ночь кипит пестрая, многообразная жизнь, полная радостей и опасностей, борьбы и страданий, горя и наслаждения.

Майя ничего этого не знала, когда углубилась в темно-бурую чашу. Взглянув вниз, она заметила под собою, в траве, узкую тропинку и направила по ней свой полет. Иногда ей казалось, что солнце вдруг скрывалось за облаками: так темно было под могучими высокими буками. Иногда пред нею расстилась залитая светом зелень, и она видела под собою непроходимые дебри широколистных папоротников и цветущих кустов ежевики.

Но вот лес кончился, и перед пчелкой заколыхалось золотистое море ржи, среди которого пестрели тут и там васильки и яркие чашечки мака.

Майя опустилась на ветку березы на краю поля и залюбовалась расстилавшимся перед ней необозримым океаном колосьев. Его мягкие волны тихо бежали одна за другой под нежным дуновением летнего ветерка, не нарушая покой прекрасного мира.

Несколько маленьких коричневых бабочек затеяли над полем игру «от мака к маку», любимую забаву этих насекомых. Для этого каждое из них садится на цветок, которых должно быть на один меньше, чем участников. Одна бабочка вылетает на середину круга и кричит: «От мака к маку!» И в тот же момент все сидящие на цветах участницы игры должны

подняться на воздух и поменяться местами. Кто вовремя не успеет сесть на цветок, остается в кругу. Игра бабочек забавляла Майю, и она с удовольствием следила за нею.

«Можно будет завести ее и в нашем улье, — подумала пчелка. — Но мы будем кричать: «От ячейки к ячейке!». Боюсь только, что строгая Кассандра не разрешит».

Каждый раз, когда Майя вспоминала о родном улье, ей становилось грустно, и она впадала в глубокую задумчивость.

— Здравствуйте! — услышала она вдруг чей-то голос. — Вы, как мне кажется, прехитрая штучка!

Пчелка вздрогнула от неожиданности.

— О нет! Неправда! — крикнула она в ответ и оглянулась вокруг.

Возле нее сидело маленькое светло-бурое существо, имевшее вид полушарика с семью черными пятнышками на поверхности. Из-под блестящего щитка высывались крохотная головка с двумя ярко блестящими глазами и тонкие, как ниточки, ножки. Несмотря на такую странную наружность, насекомое, так неожиданно заговорившее с Майей, ей очень понравилось, потому что в нем было что-то очень симпатичное.

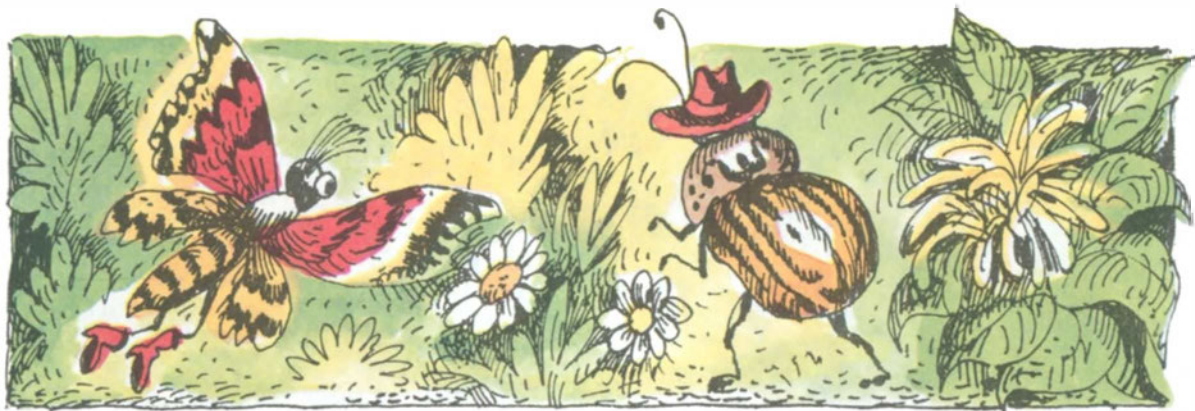
— Кто вы такой? — спросила она и прибавила: — Я пчела Майя.

— Зачем вы меня обижаете? — ответил вопросом толстяк. — На каком основании? Неужели вы меня не знаете?

— Почему обижаю? — поспешила успокоить его пчелка. — Я и в самом деле вас не знаю.

— Но меня всякий знает! — возразил полушарик. — Ну хорошо, я помогу вам. Считайте!

И он медленно повернулся к ней спиной.

— Что считать? — спросила Майя. — Точки на вашей спине?

— Ну да!

— Семь, — сказала пчелка.

— Ну? Значит?.. Вы все еще не знаете? Ну хорошо, я помогу вам. Моя фамилия — Семиточечный, мое имя — Алоизий, а по роду занятий я поэт. Люди называют меня еще божьей коровкой. Но это их дело... Этот факт, я надеюсь, вам известен?

Чтобы не обидеть его, Майя не решилась ответить отрицательно.

— Да! — воскликнул Алоизий. — Я живу лишь солнечным светом, дневным покоем и людской любовью.

— Неужели вы ничего больше не кушаете? — удивилась пчелка.

— Конечно — травяных вшей. А вы их едите?

— Нет, — ответила Майя. — Они такие...

— Какие? Что вы хотите сказать?

— Это у нас не принято, — робко поправилась пчелка.

— Еще бы! — воскликнул Алоизий. Он хотел было пожать плечами, но его твердый щиток не дал ему возможности это сделать. — Еще бы! Вы — мещанка и делаете только то, что принято. Мы, поэты, с этим не считаемся... Есть у вас время? — спросил он вдруг.

— Конечно, есть, — ответила Майя.

— Тогда я прочту вам мое стихотворение. Только сидите смирно и закройте глаза, чтобы окружающие предметы вас не отвлекали. Мое произведение называется «Палец человека». Оно описывает мои личные переживания... Вы слушаете?

— Да, — кивнула головой пчелка. — Я слушаю каждое ваше слово. — Итак, — начал Алоизий, — «Палец человека».

День был солнечный и ясный.
Ты нашел меня в куртинке.
Весь ты кругленький и красный,
Наверху блестит пластинка
С гладкой ровной серединкой.
Ею всюду двигать можно,
Сам внизу сидишь надежно.

— Каково? — спросил поэт после короткой паузы. В глазах у него стояли слезы, а голос дрожал.

— Ваш «Палец человека» произвел на меня глубокое впечатление, — сказала Майя, несмотря на то, что она знала стихи и лучше.

— А как вы находите форму? — осведомился Алоизий с грустной улыбкой. Он был сильно тронут похвалой пчелки.

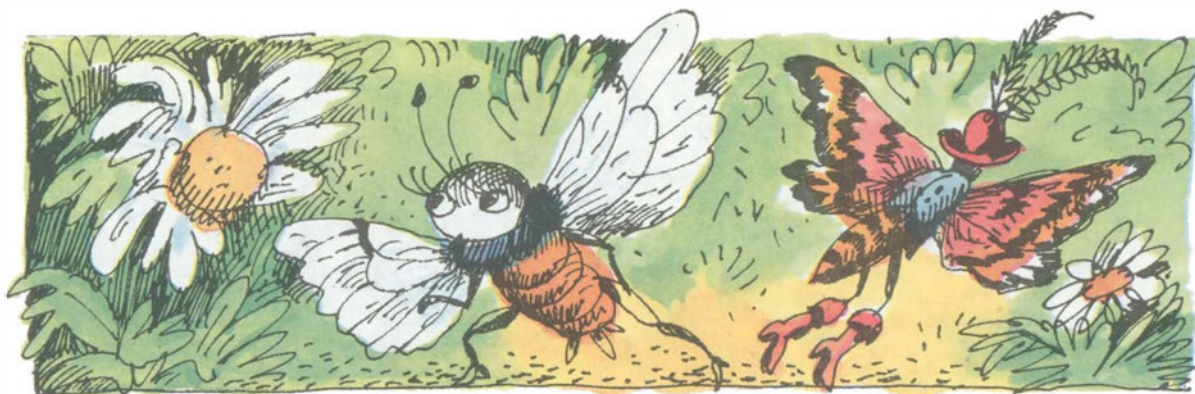
— Круглой и немного продолговатой...

— Я говорю о художественной форме моего стихотворения! — перебил ее Алоизий.

— О! — поспешила поправиться ничего не понявшая Майя. — Она превосходна.

— Не правда ли? — воскликнул толстяк. — Вы хотите сказать, что мое произведение превосходит все, что вы до сих пор слышали, и что вообще такую вещь можно услышать нечасто? В искусстве всегда должно быть что-нибудь новое. А поэты часто забывают об этом... А как вам нравится размер?

— О! — пробормотала пчелка. — Мне кажется...

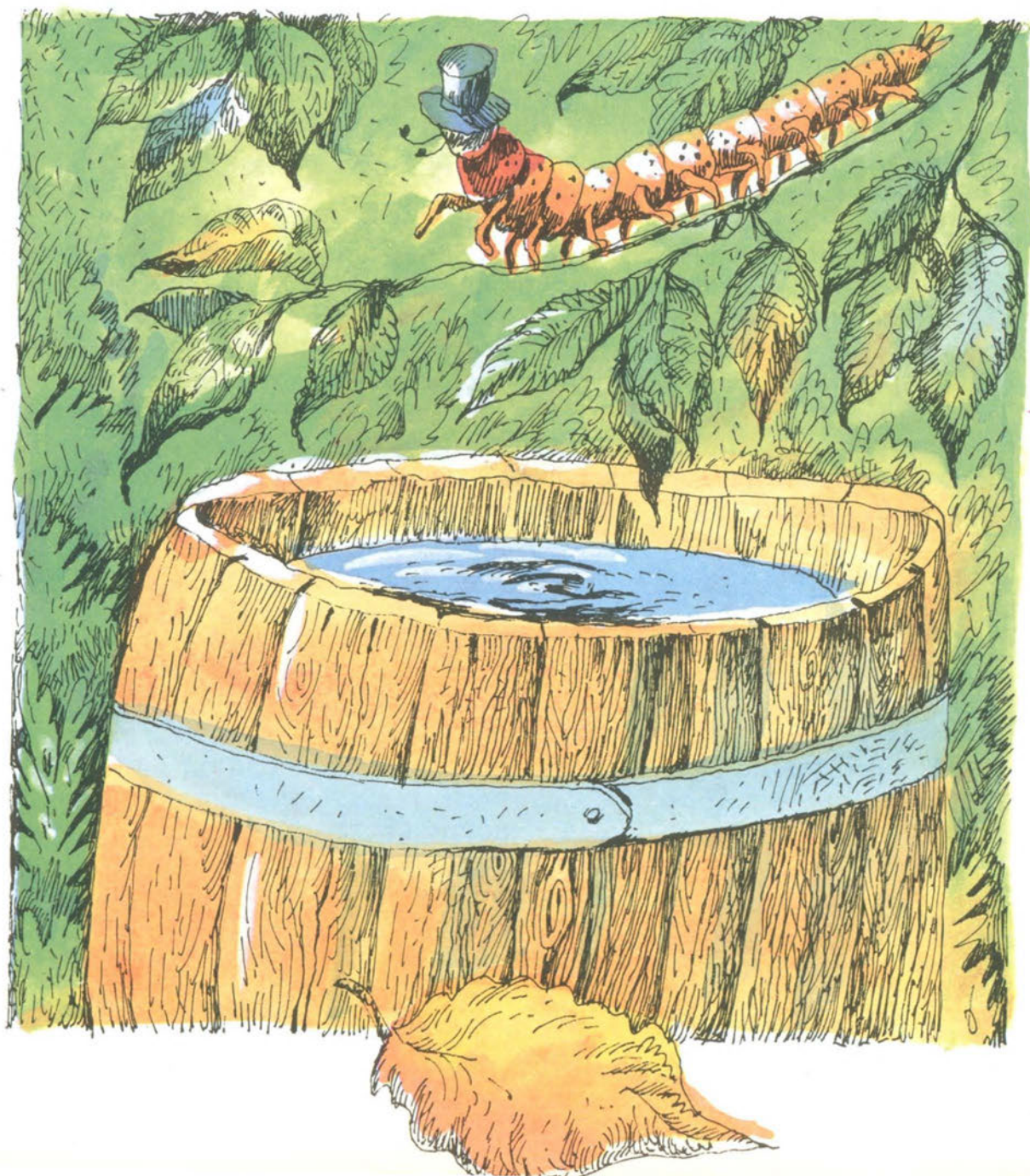
— Ваше признание моего таланта смущает меня, — произнес Алоизий. — Благодарю вас. Но мне необходимо удалиться, ибо уединение — отрада всякого истинного художника... Прощайте!

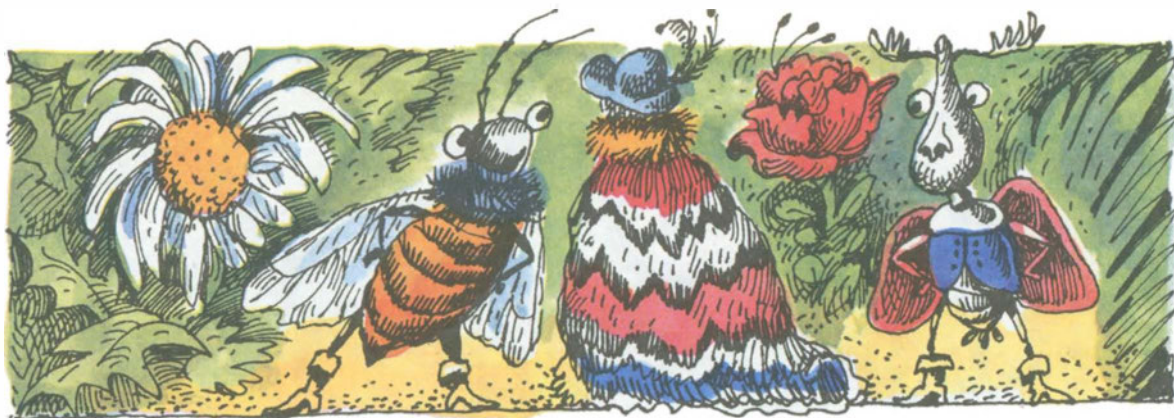
— Прощайте, — ответила Майя, которая не могла понять, чего, в сущности, хотел толстяк.

Она вспомнила его вопрос о размере и подумала: «Конечно, он не очень-то велик, но, может быть, он еще подрастет». И она задумчиво смотрела ему вслед, пока он усердно карабкался вверх по ветке. Его ножки были чуть заметны, и издали казалось, что он не ходит, а катится.

Пчелка перевела свой взор на ржаное поле, где бабочки продолжали свою игру, и оно понравилось ей гораздо больше стихов Алоизия Семиточечного.

Во власти разбойников

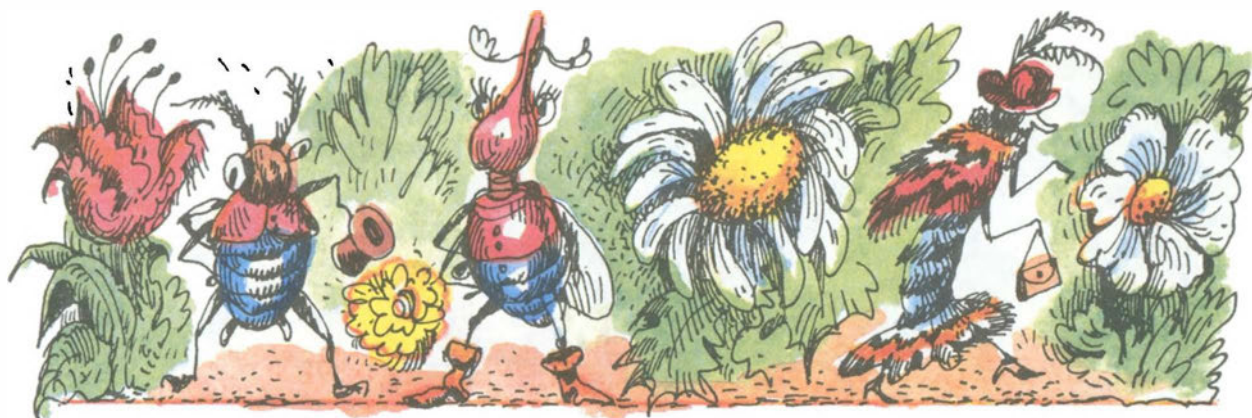
Ах, как весело, как радостно начался этот день и как печально он кончился!

После полудня Майя завела очень интересное знакомство. Она села отдохнуть на душистом кусте бузины, цветы которого отражались в большой старой бочке с водой. Над нею распевал реполов, и песнь его была так приятна, так хороша, что пчелка от души пожалела о том, что ее племя не может поддерживать дружбу с птицами. Слишком уж они велики, да и норовят тотчас тебя скушать... Во избежание такой неприятности, Майя спряталась в белом зонтике бузинного цветка и внимательно слушала, когда возле нее неожиданно раздался чей-то вздох. Она обернулась и увидела удивительное насекомое. В первую минуту ей показалось, что у него по крайней мере по семь ног с каждой стороны его узкого и плоского туловища. Это странное существо было раза в три длиннее пчелки и не имело крыльев.

— Господи Боже мой! — воскликнула Майя. — Воображаю, как быстро вы бегаєте!

— Ну, — задумчиво произнес незнакомец, — я бы этого не сказал. Слишком уж много у меня конечностей. Пока переставишь все их одну за другой, проходит немало времени. В детстве, когда я еще не понимал этого, я часто думал: «Хорошо бы иметь еще парочку ног...». Но на все воля Господня... Кто вы такая? — спросил он.

Майя назвала себя.

Незнакомец поклонился и шаркнул десятком своих нижних конечностей.

— Я Иероним, по прозвищу многоножка, — представился он, в свою очередь. — Наш род — очень старинный, и мы повсюду вызываем удивление. Нет ни одного живого существа в мире, которое имело бы столько ног, как у нас. Насколько мне известно, больше восьми ни у кого не бывает.

— Да, вы очень интересны, — сказала пчелка. — К тому же у вас своеобразный цвет. Есть у вас родные?

— Никаких. Да и зачем они? Как только мы вылупливаемся из яйца — баста! С этой минуты всякие семейные связи у нас прекращаются. Кому, как не нашему брату, уметь вставать на свои собственные ноги?

— Правда! — задумчиво произнесла Майя. — Но неужели у вас нет никакого занятия?

— Нет, моя милая! Я ем и сомневаюсь...

— Вы сомневаетесь? — удивилась пчелка. — В чем?

— Во всем... Это у меня от рождения, — ответил Иероним. — Я не могу не сомневаться.

Майя смотрела на него, широко раскрыв от удивления глаза. Она не понимала его, но не хотела надоедать ему дальнейшими расспросами.

— Я сомневаюсь, например, — продолжал ее собеседник, — чтобы тут было подходящее место для вашего отдыха. Знаете ли вы, что находится вон там, на высокой иве?

— Нет.

— Вот видите, я сразу усомнился в том, что вы об этом знаете. Там — шершневое гнездо.

Пчелка чуть не свалилась наземь от испуга.

Она побледнела и дрожащим голосом попросила указать ей точно — где.

— Видите ли вы старую скворечницу почти на самой верхушке дерева? Когда ее построили, я сразу засомневался, что скворцы согласятся в ней поселиться. Если входная дверь не обращена на восток, то всякая благоразумная птица крепко задумается, стоит ли в нем жить. Словом, он остался пустым, и вот шершни взяли да и превратили его в свой замок. Теперь это величайшая во всей нашей округе шершневая крепость. Вам не мешает это знать, потому что, насколько мне известно, эти насекомые охотятся на пчел.

Майя почти не слышала его слов. Она уже явственно различала среди зелени серые стены грозной цитадели, и у нее помутилось в глазах.

«Надо как можно быстрее улетать отсюда», — заторопилась она.

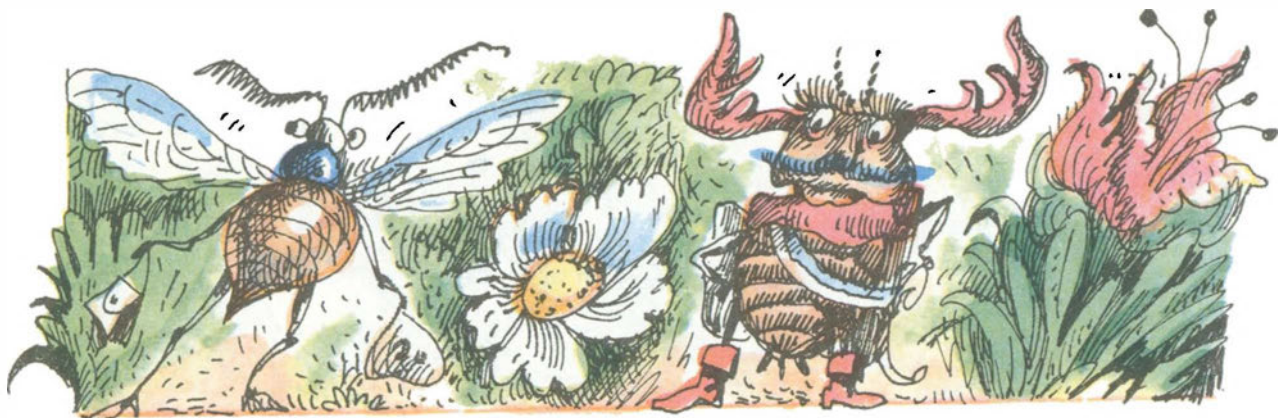
И в то же мгновение позади нее раздался громкий злой смех, и пчелка почувствовала, что кто-то с силой схватил ее за шиворот, чуть не свернув ей шею. Этот дьявольский хохот остался у нее в памяти на всю жизнь. Грубый и язвительный, он сопровождался дребезжанием панциря шершня.

Иероним, пустив в ход все свои бесчисленные ноги, обратился в бегство и спрятался в бочке с водой.

— Сомневаюсь, чтобы это кончилось добром! — воскликнул он, удирая.

Но Майя уже не слышала его.

Она не могла даже повернуть голову, которую кто-то держал, как в железных тисках. Она видела только покрытую золотой броней лапу, и лишь через минуту над нею показалась огромная

голова, вооруженная грозными челюстями. Пчелка подумала, что это просто большая оса, но вскоре поняла, что находится в когтях у шершня. Это чудовище, покрытое черными и желтыми полосками, было раза в четыре больше Майи.

Пчелка закричала во весь голос, призывая на помощь.

— Не старайся попусту, малютка, — сказал шершень с издевательским добродушием и ехидной улыбкой. — Тебе придется терпеть недолго — скоро придет твой конец.

— Пустите меня! — вопила Майя. — Пустите... или я проколю вам сердце!

— Ну? Самое сердце?! — захохотал разбойник. — Ишь ты, какая храбрая! Для этого, малютка, тебе придется малость подождать.

Пчелка пришла в ярость. Собрав все свои силы, она обернулась и с громким боевым кличем направила жало в грудь шершня. Но жало, наткнувшись на непроницаемый панцирь разбойника, только согнулось, не причинив ему ни малейшего вреда.

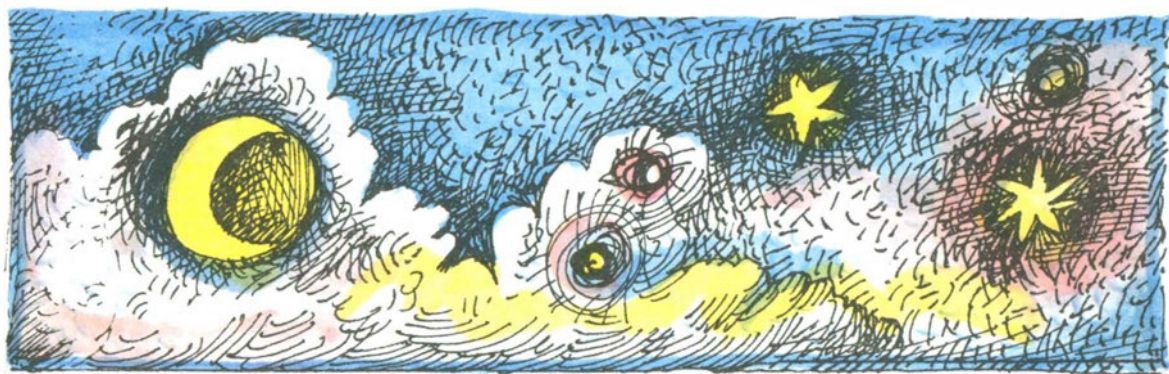
Глаза шершня сверкнули гневом.

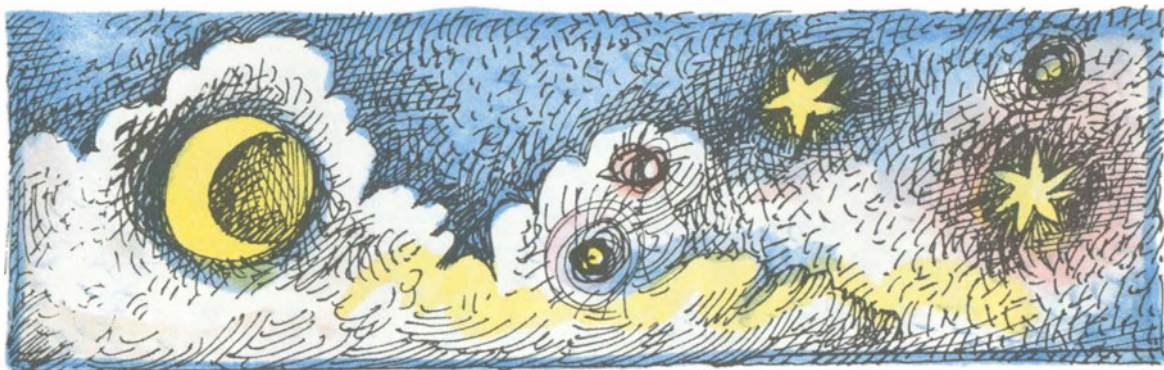
— Я мог бы сразу откусить тебе голову за такую дерзость, — сердито сказал он, — и я сделал бы это, если бы наша царица не предпочитала живых пчел мертвым. Такой лакомый кусочек, как ты, всякий верный солдат обязан преподнести своей государыне в наилучшем виде.

Еще крепче зажав Майю в своих когтях, шершень полетел с нею к разбойничьему замку.

Пчелка потеряла сознание.

* * *

Было уже темно, когда Майя пришла в себя. Она вздрогнула от холода, почувствовав резкий, удушливый запах. Пчелка припомнила все, что с нею случилось. Ее охватила безысходная тоска. Она даже не могла плакать.

«Меня еще не убили, — подумала она, — но это может случиться каждую минуту».

Через стены темницы до Майи доносились голоса. Она заметила, что сквозь щелку проникала снаружи узкая полоска света. Шершни строят свои жилища не из воска, как пчелы, а из сухой массы, похожей на мятую серую бумагу. Когда глаза пленницы немного привыкли к царившему полумраку, она осмотрела место своего заключения. Она взглянула направо, налево — и кровь застыла у нее в жилах: пол вокруг нее был устлан трупами. Как раз у ног Майи лежала на спине маленькая бронзовка, а в стороне от нее она узнала останки большой жужелицы. В разных местах валялись останки убитых пчел.

— Вот моя судьба! — простонала несчастная узница.

Она не смела ни кричать, ни шевелиться. Дрожа от ужаса, она забилась в уголок своей тюрьмы.

Вдруг до Майи снова долетел шум голосов. Подгоняемая страхом, она подползла к скважине в стене и припала к ней.

Перед нею открылся огромный зал, битком набитый шершнями. Вместо ламп его освещали пленные светлячки. Посреди зала на высоком троне сидела царица. Шершни совещались, по-видимому, о каком-то важном деле. Пчелка стала прислушиваться.

Если бы не смертельный трепет, который внушали ей эти разбойники, пчелка пришла бы в восторг от развернувшейся перед ней картины. С удивлением она должна была бы признать, что золотые панцири шершней великолепны, а блестящие черные полосы на их металлических телах производят такое же ошеломляющее впечатление, как на ребенка вид тигра, которого он видит впервые.

По залу ходил страж и понукал светлячков, дабы они усерднее светили. Он подталкивал их длинным шестом, делая это грозно, но тихо, чтобы не мешать совещанию.

— Свети, или я тебя съем! — шептал он то одному, то другому.

Страшно и жутко было в этом шершневом гнезде!

Вдруг Майя услышала речь царицы:

— Итак, все будет сделано, как мы условились, — сказала она. — Завтра, за час до восхода солнца, соберется войско и произведет нападение на пчелиный город в замковом парке. Оно должно разграбить улей и захватить как можно больше пленных. Тот, кто захватит царицу пчел Елену VIII и доставит ее ко мне живою, будет посвящен в рыцари. Будьте храбры и добудьте мне много хороших пчел... А теперь я закрываю собрание. Ступайте все на покой.

С этими словами царица поднялась с трона и в сопровождении свиты покинула зал.

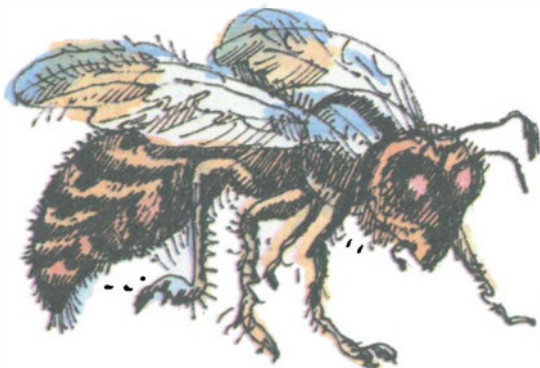
Майя с трудом сдерживала рыдания.

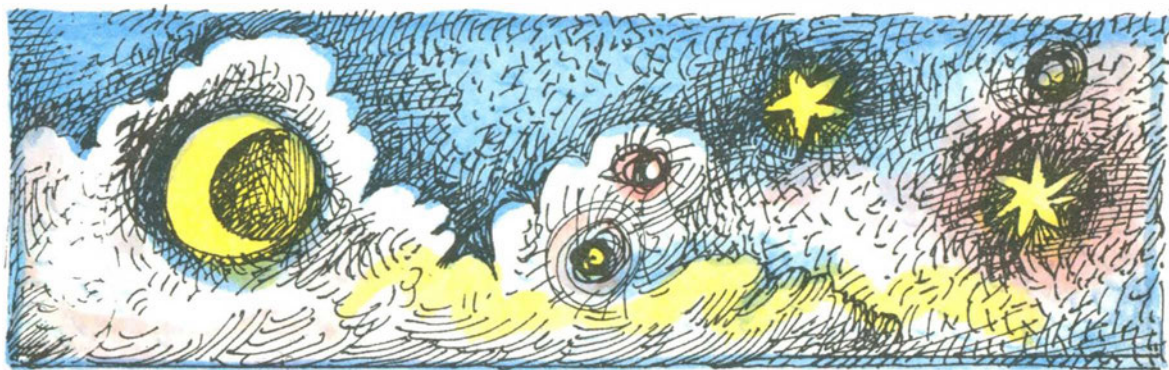
— Мой народ! — ломала она в отчаянии руки. — Страна моя родная! — Она закрыла рот руками, чтобы не слышали ее стонов. — О! Лучше бы мне умереть раньше, чем я это узнала!.. Никто, никто не может их предупредить!.. На них нападут во

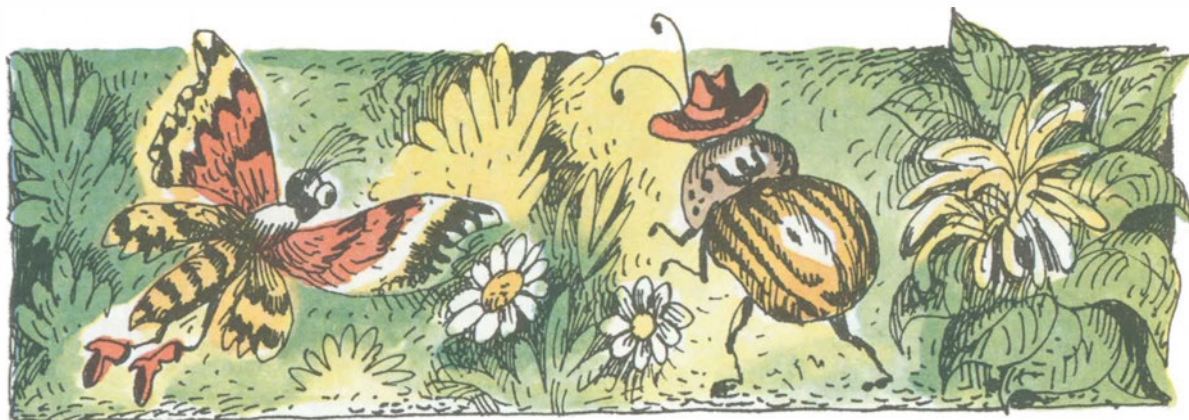

время сна, их перебьют!.. О Господи, сверши чудо! Помоги мне, помоги моему народу в такой страшной беде!..

В зале между тем погасли огоньки светлячков, которых тотчас же после совещания съели. Крепость погрузилась в сон. Никто, конечно, и не вспомнил о пчелке. В тюрьму по-прежнему проникал слабый полусвет. Издали доносились ночные песни стрекоз. Никогда и нигде не испытывала Майя такого ужаса, как теперь, в этой крепостной темнице, густо усеянной трупами.

Бегство

Через некоторое время к Майе вернулось свойственное ей присутствие духа. Она немедленно взяла себя в руки и напомнила себе, что она — пчела!

«Сию тут, плачу, терзаюсь горем, будто у меня нет ни сил, ни рассудка. Таким поведением я делаю мало чести и нашей царице, и моему народу, которому грозит опасность. Если уж приходится умирать, то надо по крайней мере погибнуть смело и отважно. Надо испробовать все возможное для спасения своих близких».

Пчелка, позабыв о своей долгой разлуке с родиной и с соотечественниками, ощутила вдруг, что принадлежит им телом и душою, осознала великую ответственность перед своим народом, узнав о плане шершней, и к ней окончательно вернулось мужество.

«Если мой народ должен погибнуть, то и я хочу умереть, но сначала я испробую все средства для его спасения», — твердо решила Майя и невольно воскликнула:

— Да здравствует царица!

— Эй, ты там, потише! — осадил ее снаружи грубый голос.

«Это, верно, часовой делает обход, — пронеслось в голове у пчелки. — Должно быть, уже глубокая ночь».

Когда шаги снаружи затихли, Майя начала энергично расширять щель в стене. Ей удалось прогрызть хрупкую перегородку, хотя на это ушло немало времени. Вскоре образовалась довольно широкая дыра, сквозь которую она и протиснулась. Очень осторожно, с сильно бьющимся сердцем,

она поползла вперед. Если ее побег заметят, она заплатит за это жизнью. В этом она была уверена.

Из глубины крепости доносился громкий храп.

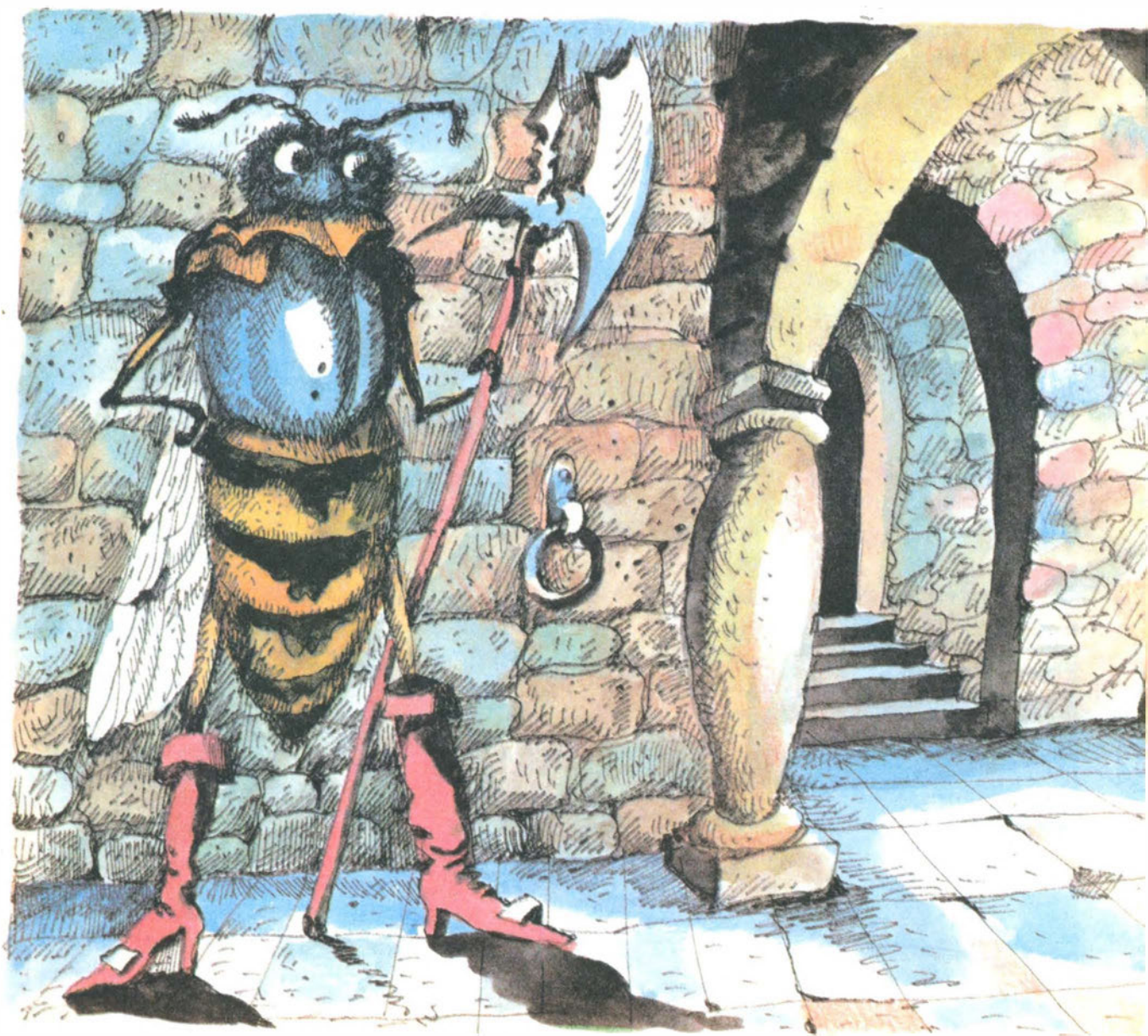
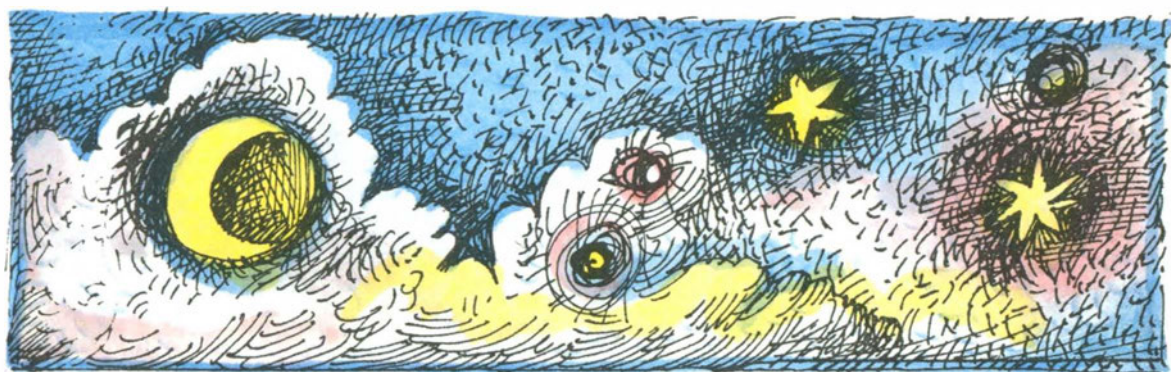
Зал, где оказалась пчелка, был слабо освещен проникавшим извне голубоватым сиянием. Майя уже знала, что это лунный свет. Она пошла на него, держась теневой стороны; через несколько минут она вступила в узкий и высокий коридор, в конце которого было светло. Пчелка глубоко вздохнула, заметив в небе яркую звезду. Неужели это свобода?

Тихо, шаг за шагом, пробиралась вперед Майя. Выход все ближе и ближе. Еще немного — и она очутится снаружи, взмахнет крылышками... Сердце ее бешено колотилось в груди...

Вдруг в тени колонны, находившейся у самого выхода, она заметила часового.

Пчелка остановилась как вкопанная. Погибли все ее надежды! Пробраться незаметно мимо стража было практически невозможно. «Что делать? Лучше всего вернуться назад в свою темницу», — затосковала Майя, но не совсем обычный вид стоявшего у ворот великана остановил ее. Казалось, он был погружен в глубокую задумчивость, подперев рукою подбородок и низко склонив голову. Как ярко блестел в лунном свете его золотой панцирь! Во всей его фигуре было нечто такое, что тронуло пчелку. «Он выглядит таким печальным, — подумала она. — И какое у него благородное лицо! Как сверкает его оружие! Он не расстанется с ним ни днем, ни ночью и во всякий момент готов сражаться и умереть...».

Майя почти забыла, что перед нею лютый враг. Увы! Как

часто ее слабое сердце, склонное восхищаться всем прекрасным, подвергало ее опасности!

Вдруг на шлеме часового сверкнула полоса света. Он повернул голову.

— Господи! — прошептала пчелка. — Настал мой последний час!..

К великому ее изумлению, разбойник спокойно произнес:

— Подойди поближе, малютка!

— Что? Что вы говорите? — пробормотала Майя. — Разве вы меня видели?

— Да, дитя мое, и уже давно. Ты прогрызла дыру в стене и кралась по теневой стороне зала. Потом ты заметила меня, и все твоё мужество пропало. Верно?

— Да, — уныло ответила пчелка. — Это правда.

Она вся дрожала от страха... Значит, все это время часовой следил за нею... Она вспомнила рассказы о невероятной остроте чувств этих умных разбойников.

— Что тебе здесь надо? — добродушно спросил ее шершень.

Майе показалось, что он был все еще грустен и думал о другом; она почти не сомневалась, глядя на него, что и она сама, и ее побег мало его интересовали.

— Я хочу уйти отсюда, — сказала она. — Мужества я не потеряла, но просто испугалась, когда увидела вас, такого сильного и такого красивого в вашем прекрасном золотом снаряжении. Теперь, если хотите, я готова с вами сразиться.

Часовой изумленно слегка наклонился вперед, посмотрел на пчелку и усмехнулся. Но в его улыбке не было злорадства.

— Нет, малютка! — ласково произнес он. — Сражаться с тобой я не буду. Вы — могучее племя, но мы сильнее вас.

Никогда еще шершень не вступал в поединок с пчелой. Если хочешь, оставайся тут, поболтаем. Но недолго, я скоро пойду будить солдат, и тогда тебе придется вернуться в свою каморку.

Майя чувствовала себя очень странно — дружелюбный тон шершня обезоруживал ее гораздо больше, чем то могли бы сделать его гнев и крики. Она смотрела на своего врага большими затуманенными грустью глазами и наконец сказала:

— Я всегда слышала о шершнях одно только дурное. Но вы не злой. Я не могу поверить, чтобы у вас не было сердца.

— Везде в мире есть добрые и злые, — спокойно ответил часовой. — Но не забывай, что мы — ваши враги. Так было и так будет всегда.

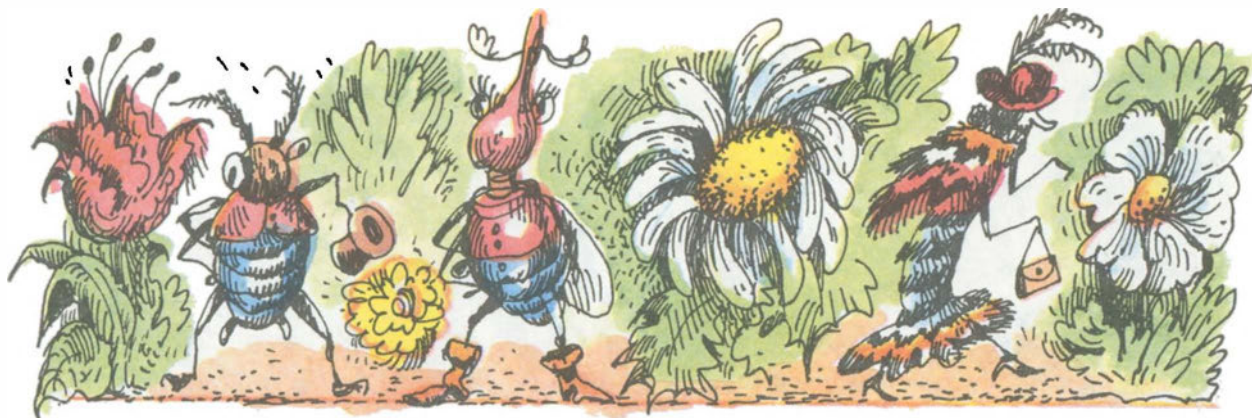
— А разве враг должен быть непременно злым? — спросила пчелка. — Давеча, когда вы стояли, задумавшись, я совсем позабыла, что вы мой недруг. Мне казалось, что вы чем-то огорчены, а я убеждена, что всякий, кто испытывает печаль, не может быть злым.

Шершень молчал. Майя уже немного расхрабрилась и продолжала:

— Вы могущественны. Если вы захотите, вы можете бросить меня обратно в тюрьму, и я умру. А можете подарить мне свободу...

Часовой неожиданно выпрямился. Его панцирь затрещал, а поднятая рука осветилась уже побледневшим лунным светом. «Неужели близок день?» — подумала пленница.

— Ты права, — ответил шершень. — Такою властью я обладаю. Но я получил ее от моего народа и от моей царицы. Наш закон гласит: ни одна пчела не может живую выйти за пределы

нашей крепости, раз она в нее попала. Я должен остаться верным своему долгу.

После минутного молчания он добавил:

— На собственном опыте, когда Шнука меня покинула, я испытал, какую боль причиняет измена.

Майя была потрясена и не могла ничего ответить. Ведь и ею владело то же чувство — любовь и преданность своему народу. Она поняла, что сможет победить только силою или хитростью. Каждый исполняет свой долг...

«Но чье имя произнес часовой? — подумала она. — Он говорил о чьей-то измене? Ведь я знаю Шнуку: это — прекрасная стрекоза, живущая среди водяных лилий на берегу озера... Может быть, здесь кроется мое спасение... Но как?...».

— Разрешите спросить: кто такая Шнука? — робко осведомилась она.

— Ах! Это тебя не касается, — ответил шершень. — Она потеряна для меня навсегда; я никогда не смогу ее найти.

— Я знаю Шнуку, — уже более смело сказала Майя. — Это — стрекоза, и самая красивая из всех, каких я встречала.

Пчелку поразила происшедшая с часовым перемена. Он, казалось, позабыл все окружающее.

— Как? — воскликнул он. — Ты знаешь Шнуку? Скажи скорее, где она!

— Нет, не скажу, — твердо произнесла Майя.

В душе она ликовала.

— Если ты не скажешь, я откушу тебе голову! — пригрозил шершень, приближаясь к ней.

— Ее мне все равно откусят... Пожалуйста, приступайте к

делу. Но я не предаю милую стрекозу, ведь мы с ней подруги. Вы, кажется, и ее хотите взять в плен?

Часовой тяжело дышал. Майя видела, как он побледнел. Сколько страха и беспокойства появилось в его глазах!

— Боже! — прошептал он. — Пора уже будить воинов... Нет, нет, малютка, я не желаю зла Шнуке. Я люблю ее больше жизни. Скажи мне, где ее можно найти?

— Я тоже люблю свою жизнь, — уклончиво ответила пчелка.

— Если ты мне покажешь, где Шнука, — медленно, с дрожью в голосе, произнес шершень, — я подарю тебе свободу.

— И вы не обманете?

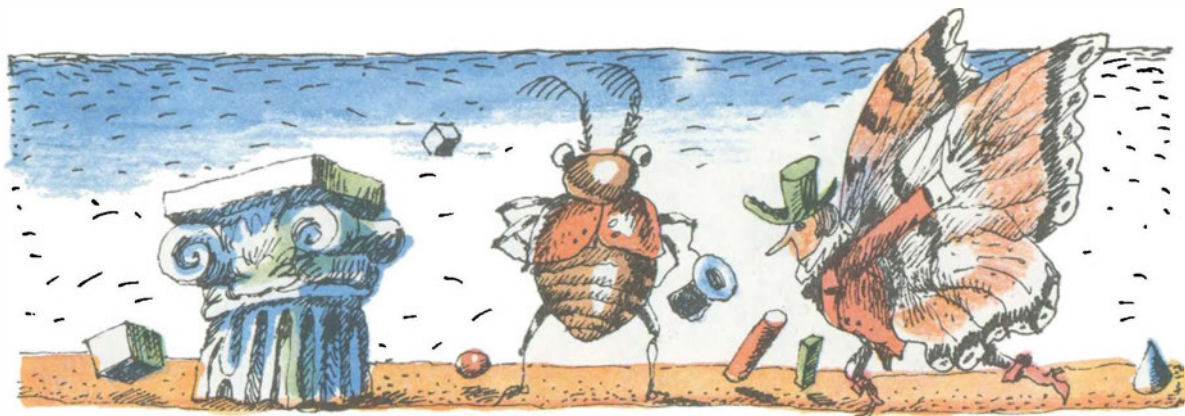
— Честное слово разбойника! — с гордостью произнес часовой.

У Майи дух захватило. Ей трудно было говорить. Но каждая минута была дорога, если она хотела спасти свой народ. Сердце ее радостно билось. Она наклонилась к уху шершня.

— Хорошо, я верю вам... Вы знаете старые липы у замка? За ними тянутся покрытые цветами луга, а еще дальше лежит большое озеро. В южном углу его, куда вливается ручей, возвышаются над водой водяные лилии. Там, в тростнике, живет Шнука. Вы найдете ее в полдень, когда солнце стоит высоко в небе.

Часовой прижал обе руки ко лбу. Он переживал мучительные минуты борьбы с самим собой.

— Ты сказала правду, — тихо произнес он и застонал не то от горя, не то от счастья. — Она действительно говорила мне, что стремится к белым водяным цветам. Это, верно, те самые и есть... Ну, лети! Спасибо тебе! — С этими словами он отступил назад и

открыл выход. — Разбойник никогда не нарушает своего слова, — прибавил он.

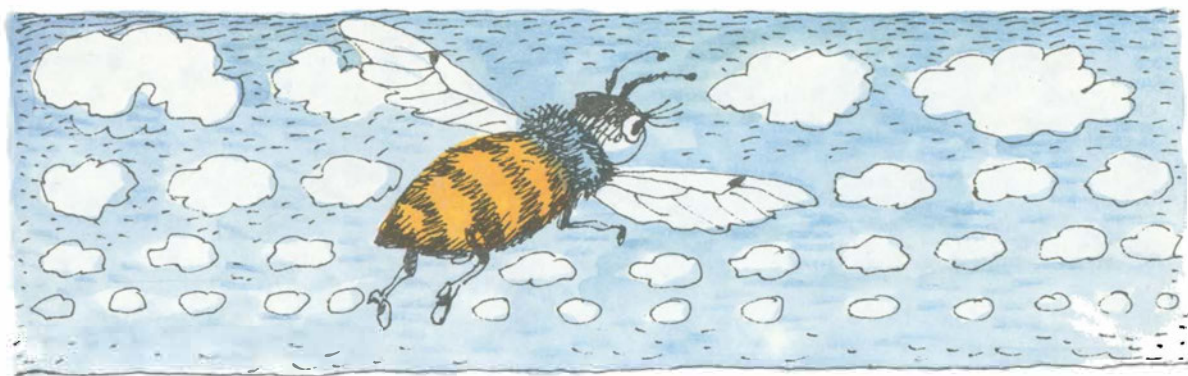
Он не знал о том, что Майя слышала в эту ночь, и думал: одной пчелкой больше или меньше... какое это имеет значение?

— Прощайте! — воскликнула Майя, забыв даже поблагодарить его.

Надо было спешить. Уже занималась заря.

Возвращение домой

Майя собрала все свои силы, напрягла всю свою волю. Как выпущенная из ружья пуля — пчелы умеют летать быстрее многих насекомых, — мчалась она по голубоватому утреннему воздуху — прямо к лесу. Только там она сможет скрыться, только там она будет в безопасности, если шершень вдруг передумает и решит ее преследовать.

Тяжелые капли росы падали с деревьев на поблекшие листья, уже устилавшие землю. От холода у Майи одеревенели крылья. Все кругом было покрыто дымкой тумана. На всем лежала темная тяжелая тишина, словно солнце вдруг покинуло мир, а все живые существа уснули мертвым сном. Чтобы лучше был обзор, пчелка взвилась очень высоко, насколько это было для нее возможно. Она думала лишь об одном: добраться как можно скорее до родного улья, до своего народа, до своей родины, которой угрожала страшная опасность. Она должна предупредить своих, чтобы они успели подготовиться к нападению грозных разбойников. О! Пчелы — могучее племя и в состоянии выдержать борьбу даже с более сильным, чем шершни, противником, если только они смогут вовремя подготовиться! Совсем другое дело, если их застигнут врасплох. Если царица и солдаты еще будут спать, тогда успех шершней неизбежен: они учинят кровавое побоище и захватят в плен множество пчелиного народа... Майя думала о силе и стойкости своих соотечественников, об их преданности своей государыне; и она горела ненавистью к врагам, готовая принести себя в жертву ради спасения близких.

Ей было нелегко отыскать путь к своему улью. Она не

привыкла замечать дорогу, как это постоянно делают пчелы, отправляясь за медом.

Майе казалось, что она никогда еще не забиралась так высоко. Ей было холодно. Она едва различала внизу отдельные предметы, над которыми пролетала.

«Как отыскать дорогу? Нет, мне не суждено помочь своим... — думала она. А какой прекрасный случай загладить свою вину!» — вздохнула она.

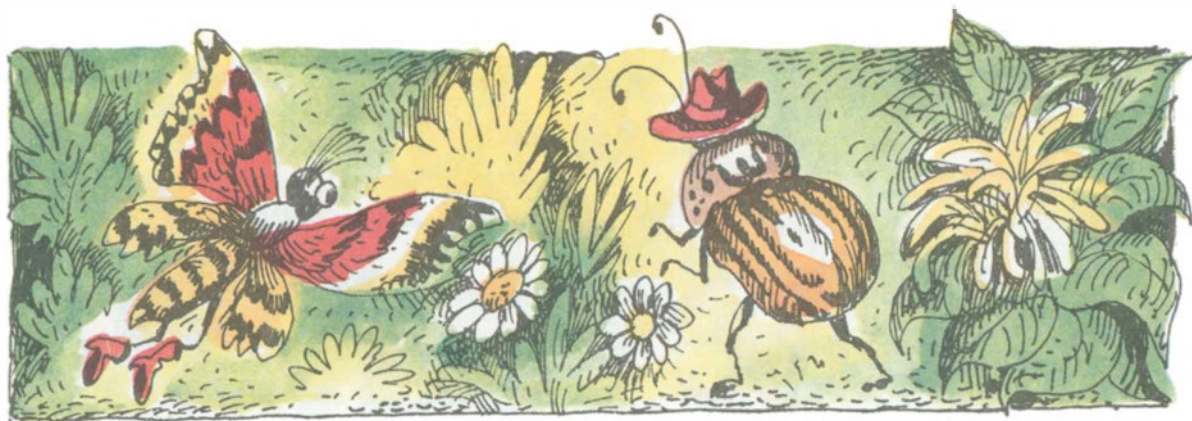
Но какая-то непреодолимая сила толкала ее вперед.

«Меня направляет чувство родины», — размышляла Майя и все летела вперед, повинаясь гнавшему ее инстинкту.

Вдали, в утреннем сумраке, показались огромные купола, — это верхушки больших лип замкового парка. Она испустила громкий крик радости. Ну, теперь-то она найдет дорогу! И пчелка спикировала вниз, почти к самой земле и влетела в покрывавший луга светлый туман. Тут она вспомнила об эльфах, которые на рассвете находят блаженную смерть, и это воспоминание придало ей силы. Пусть ее выгонят из родного города, пусть царица жестоко покарает ее за бегство — но лишь бы спасти свой народ от угрожающей ему опасности!

Вон там, у длинной каменной стены, уже видна стройная елка, защищающая их улей от западного ветра. Вон летки¹ — красные, голубые и зеленые ворота родного города... Сердце Майи безумно колотилось, но она подавила волнение и стремительно подлетела к главному входу в улей. Наконец-то она увидит свой народ, свою царицу!..

¹ Отверстия в улье для влета и вылета пчел.

Когда пчелка опустилась на дощечку летки, ей преградили дорогу два стража. Майя тяжело дышала и сначала не могла произнести ни слова. Часовые грозно преградили ей дорогу, ибо пчелам, под страхом смертной казни, запрещен вход в чужой город без разрешения его царицы.

— Назад! — грубо крикнул один из сторожей. — Ишь ты, что вздумала! Если ты сию же секунду не уберешься прочь, мы с тобой не станем церемониться! Как ты могла осмелиться? Да еще на рассвете! — с возмущением добавил он, обращаясь к товарищу.

В эту минуту Майя вспомнила пароль, по которому пчелы узнают своих. Часовые сразу отступили.

— Вот как! — воскликнули они. — Да ты из наших! Но почему же мы тебя не знаем?

— Пустите меня к царице! — крикнула пчелка. — Сейчас же! Немедленно! Нам грозит страшная опасность!

Но сторожа колебались.

— Нельзя будить ее величество, — произнес один из них.

— Безумцы! — закричала Майя так страстно и так громко, как никогда еще не кричала ни одна пчела в мире. — Безумцы! Малейшее промедление — и царица не проснется больше... Смерть несется по моим следам... Пустите меня, пустите меня скорее к моей царице!

Голос ее неожиданно обрел властность — испуганные часовые повиновались.

Втроем они поспешили по знакомым пчелке дорожкам и ходам внутрь улья.

— Я дома! Я дома! — взволнованно шептала Майя.

В приемном зале она чуть не потеряла сознание. Один из сторожей поддержал ее, в то время как другой отправился с докладом в покои царицы. Часовые поняли наконец, что произошло что-то серьезное.

Несколько работников, занятых приготовлением воска, уже были за работой. Они с любопытством просовывали в зал свои головки: весть о необычайном происшествии распространялась по улью.

Из придворных комнат вышли два офицера. Майя сразу их узнала. Серьезно и молча они заняли места у двери и, не обращая внимания на пчелку, застыли в ожидании. Через несколько секунд появилась и царица.

Она вошла без свиты, в сопровождении лишь двух фрейлин и адъютанта. Увидев Майю, она сделала к ней несколько быстрых шагов, но, увидев ее ужасное состояние и волнение, остановилась, и строгое, суровое выражение ее лица сменилось более мягким.

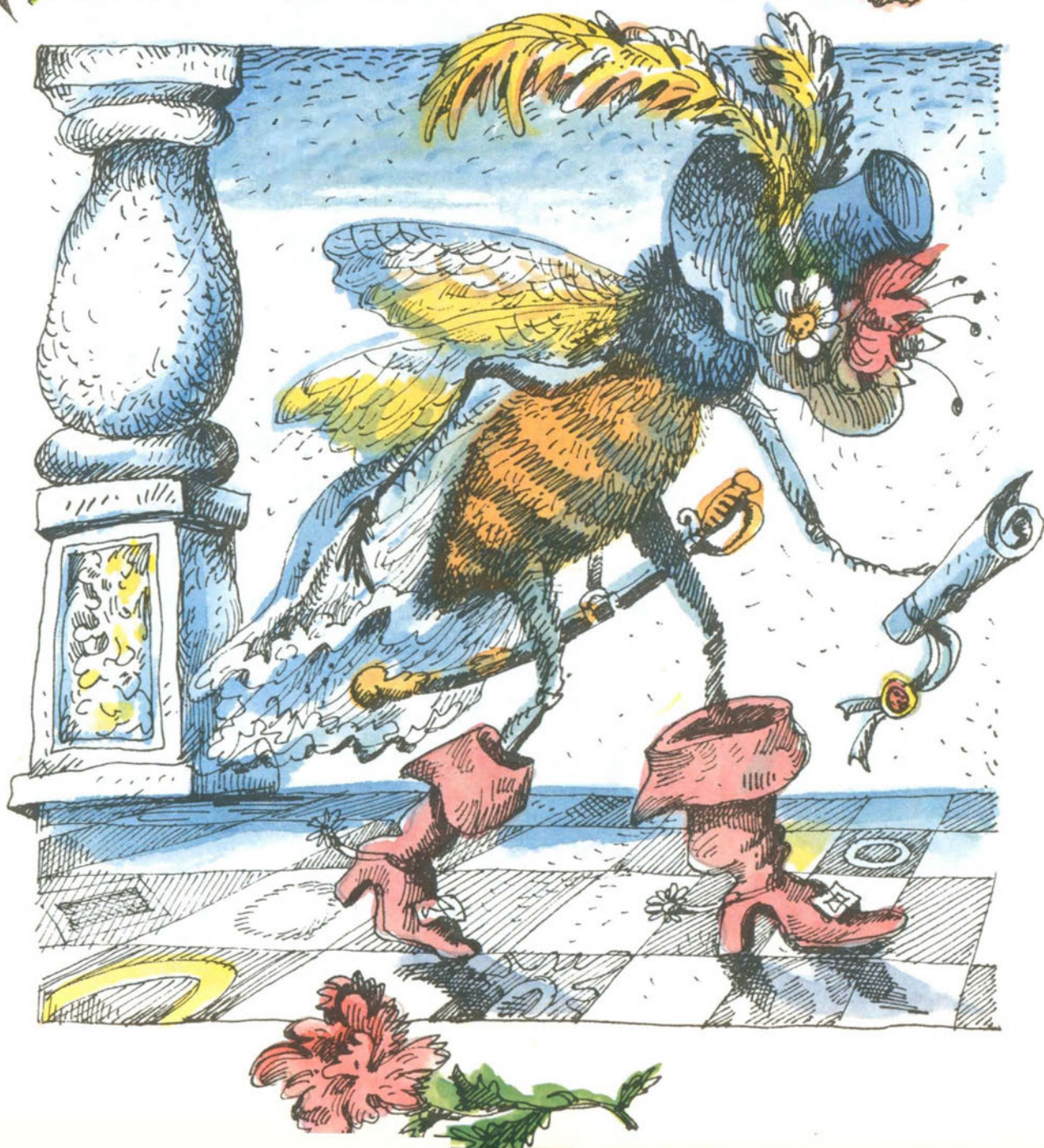
— Ты пришла с важными вестями? — спросила царица. — Кто ты и откуда?

Майе трудно было говорить.

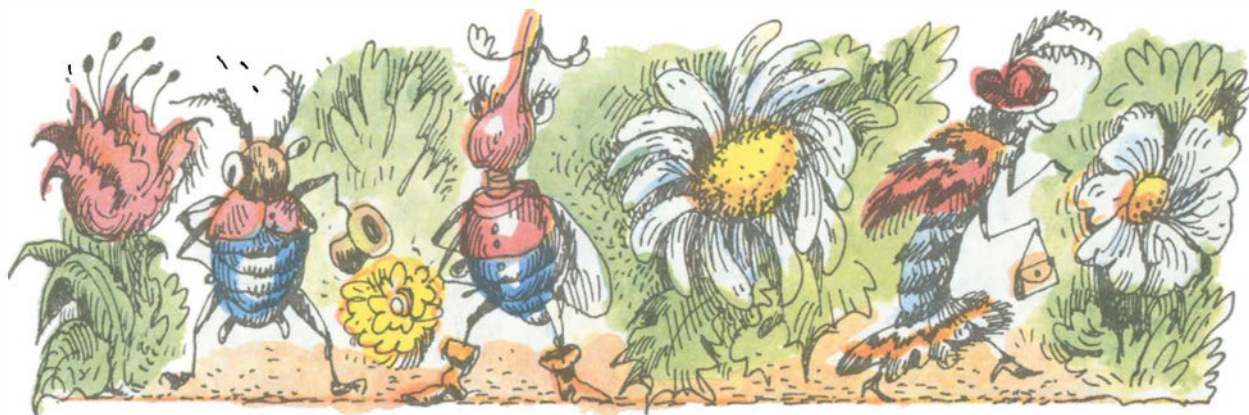
— Шершни!.. — вырвалось у нее одно только слово.

Царица слегка побледнела, но сохранила самообладание. Ее спокойствие подействовало на пчелку ободряюще.

— Государыня! — воскликнула она. — Прости, что я нарушила мой долг верноподданной. Я расскажу тебе потом, в чем моя вина, и повергну к твоим стопам мое раскаяние. Но в эту ночь я чудом вырвалась из шершневого гнезда, где была в плену и где подслушала, что сегодня, на рассвете, готовится нападение на наш город.

Трудно передать впечатление, которое произвели эти слова. Сопровождавшие царицу фрейлины громко заголосили, а стоявшие у входа офицеры побледнели как смерть и приготовились поднимать тревогу. Адъютант пробормотал: «Господи Боже мой!» — и посмотрел вокруг себя в сильном волнении.

Совсем иначе приняла эту страшную весть царица. Ни один мускул не дрогнул на ее лице. Она лишь слегка выпрямилась, и фигура ее, полная силы и мужества, была преисполнена глубокой веры в правоту ее дела. Майя дрожала, взирая с почтительным страхом на это поистине редкое присутствие духа.

Кивком головы царица подозвала офицеров и решительно, властно сделала им целый ряд распоряжений.

— Даю вам одну минуту на исполнение всего мною сказанного, — закончила она свою речь. — Вы отвечаете мне головою за любое промедление или упущение.

Но оба офицера не нуждались, казалось, в этом предостережении. С молниеносной быстротой устремились они вон из зала.

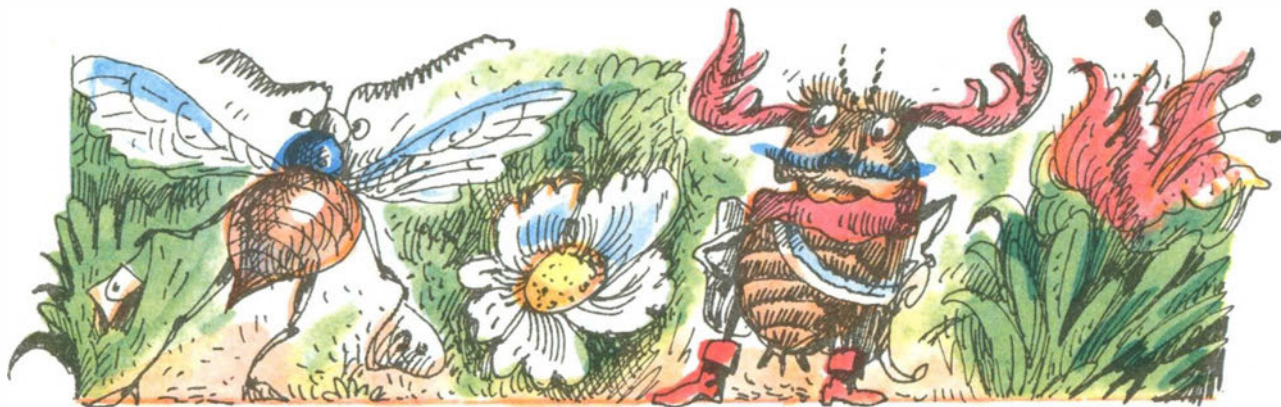
— О, Ваше Величество! — пролепетала в восторге Майя.

Царица нагнулась к пчелке и посмотрела на нее своим кротким любящим взглядом.

— Благодарю тебя, — сказала она. — Какова бы ни была твоя вина, ты нас спасла... А теперь ступай и отдохни, мое дитя. У тебя такой усталый вид, и ты вся дрожишь.

— Я хотела бы умереть за тебя, — прошептала Майя.

— Не беспокойся за нас, — ответила царица. — Среди множества пчел, населяющих наш город, не найдется ни одной, которая не отдала бы свою жизнь за благо своих близких и за мое... Спи спокойно.

Она наклонилась к Майе, поцеловала ее в лоб и, кивнув фрейлинам, приказала им позаботиться о пчелке.

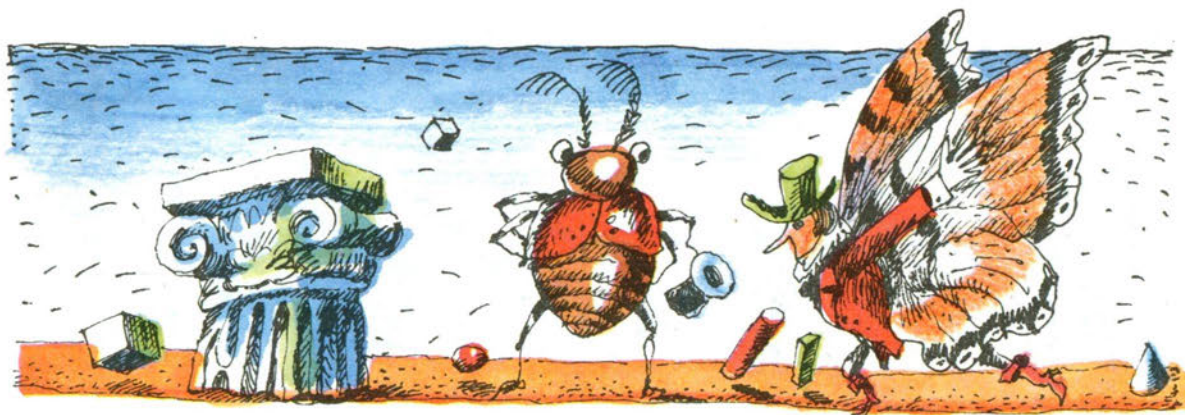
Обессиленная, но счастливая Майя покорно дала себя увести. Ей казалось, что она пережила прекраснейший миг своей жизни. Как во сне слышала она громкие сигналы и гул голосов придворных и сановников, толпившихся у покоев царицы; затем до нее донесся глухой звон, быстро наполнивший весь улей.

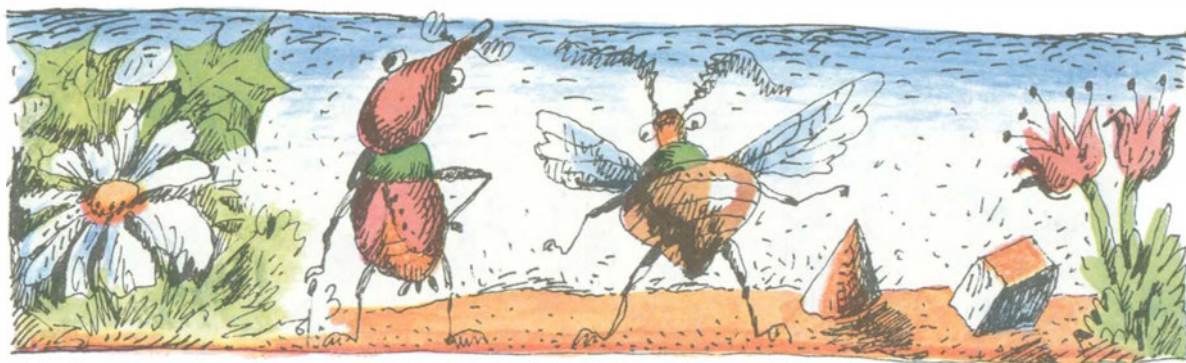
— Солдаты! Наши солдаты! — прошептали ее спутницы.

Последнее, что услышала Майя в маленькой тихой каморке, где ее уложили фрейлины, был мерный топот проходивших мимо войск. Где-то далеко звучала бодрая команда, и уже сквозь сон до слуха пчелки донеслись слова старой боевой песни пчел:

Солнце, солнце! Ты наш путь
Освети лучами.
Нам царицу сохрани!
Мир да будет с нами!

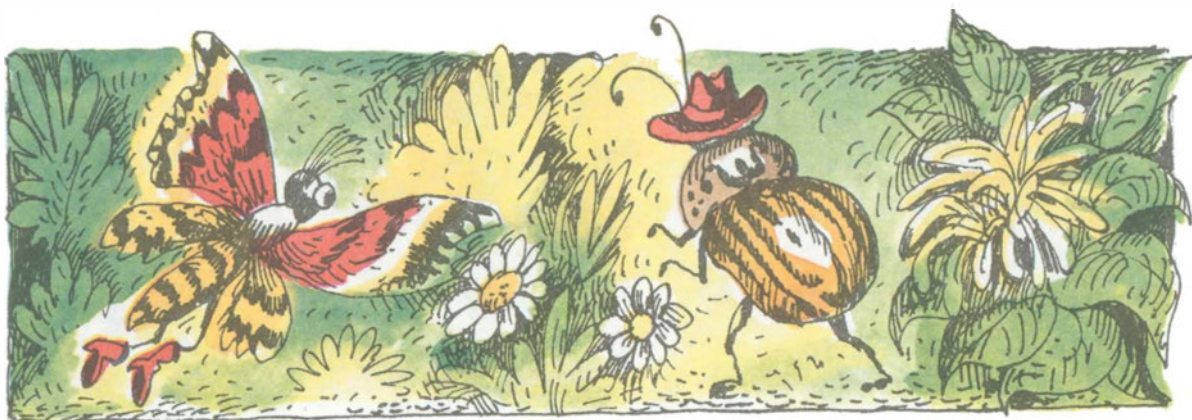

Битва

В улье царило необыкновенное возбуждение. Даже в дни революции не было такого жужжания и гудения. Все пчелы, от первой до последней, были охвачены великим гневом и пламенным желанием дать достойный отпор смертельному врагу. Но их ярость не вносила в их деятельность ни малейшего замешательства или беспорядка. Войска приготовились к бою с поразительной быстротой, а через несколько минут и остальные обитатели улья уже были каждый на своем месте. Всякий знал, где он может быть всего полезнее, всякий ясно сознавал свой долг и обязанности.

И это было вполне своевременно, ибо один за другим уже возвращались первые разведчики с известием о приближении неприятеля. Добровольцы, изъявившие готовность по призыву царицы быть первыми защитниками города, выстроились тремя сомкнутыми рядами у входа в улей, где тотчас же водворилась гробовая тишина. Все напряженно ждали. Только в тылу армии слышались команды офицеров, формировавших резервы. Снаружи могло бы показаться, что улей спит глубоким сном, если бы не дюжина работниц, лихорадочно хлопотавших у ворот: они получили приказ залепить их воском и сузить, насколько это было возможно. Через несколько мгновений, точно по волшебству, выросли две толстые стены, для разрушения которых даже самым сильным шершням понадобилось бы потратить немало времени.

Царица заняла внутри улья командное место, откуда она могла следить за ходом битвы.

Вскоре прилетел еще один разведчик. Он свалился в изнеможении и, с трудом переводя дух, произнес:

— Я последний... все остальные убиты...

— Где сейчас шершни? — спокойно спросила его царица.

— У лип... — ответил он и вдруг испуганно воскликнул:

— Вот они, вот! Слышите?.. Воздух дрожит под напором их гигантских крыльев...

Но ничего не было слышно. От ужаса ему казалось, что его все еще преследуют.

— Сколько их? — строго спросила царица. — Отвечай, да потише!

— Я насчитал сорок, — пробормотал разведчик.

— Ни один из них не вернется домой живым, — громко и твердо отчеканила царица, хотя ее и ошеломила численность войска неприятеля.

Солдаты и офицеры, для которых эти слова царицы прозвучали как предсказание гибели врага, воспрянули духом.

Через несколько мгновений в тихом утреннем воздухе раздалось сперва отдаленное, затем все более явственное жужжание. Свет в летке вдруг померк, и многие отчетливо расслышали страшный шепот самых свирепых среди насекомых грабителей и убийц. Лица отважных пчел слегка побледнели, словно их неожиданно озарил неведомый свет. Они глядели друг на друга как в последний раз — не пройдет и минуты, как многие из них расстанутся с жизнью.

И тут с высоты прозвучал спокойный и четкий голос царицы:

— Пусть разбойники проникнут в улей один за другим. Не

двигайтесь с места до моего приказа, после чего первые ряды, около сотни бойцов, устремятся на врага, а последние прикроют вход. Действуя таким образом, мы раздробим силы неприятеля. Вы, сражающиеся впереди других, помните, что от вашей стойкости и отваги зависит благополучие государства. Ждите спокойно шершней: в полумраке они не заметят, что мы подготовлены, и слепо ползут в западню...

Она вдруг умолкла... В воротах показалась голова первого разбойника — очевидно, разведчика. Медленно и очень осторожно водил он по сторонам своими усами; его страшные челюсти широко раскрывались и защелкивались; могучее, как у тигра, тело с сильными крыльями тихо продвигалось вперед. Панцирь шершня сверкал в полосках падавшего на него снаружи света.

По рядам пчел пробежала дрожь, но ни одна из них не пикнула.

Разбойник вернулся назад, и слышно было, как он сообщал своим:

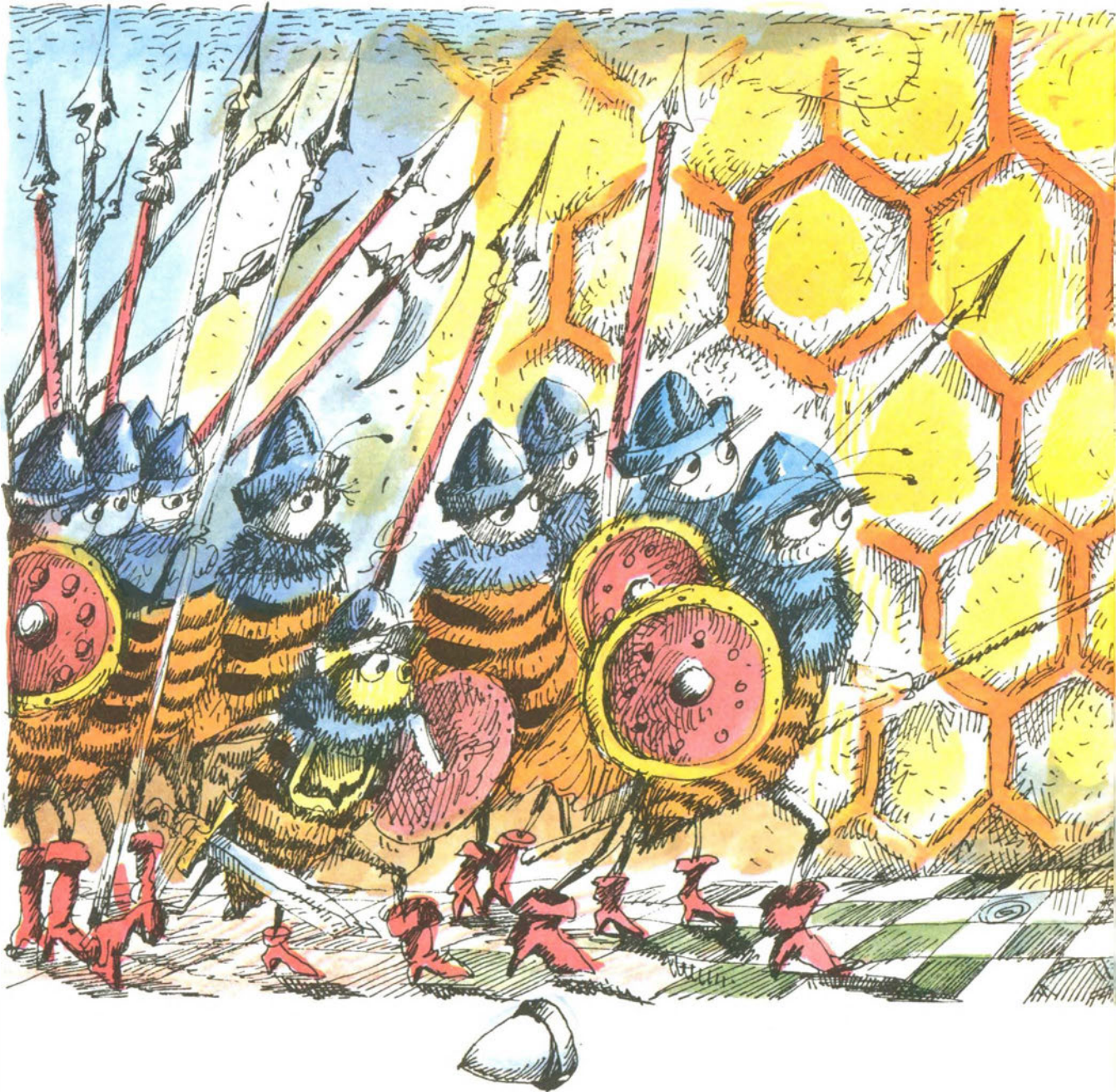
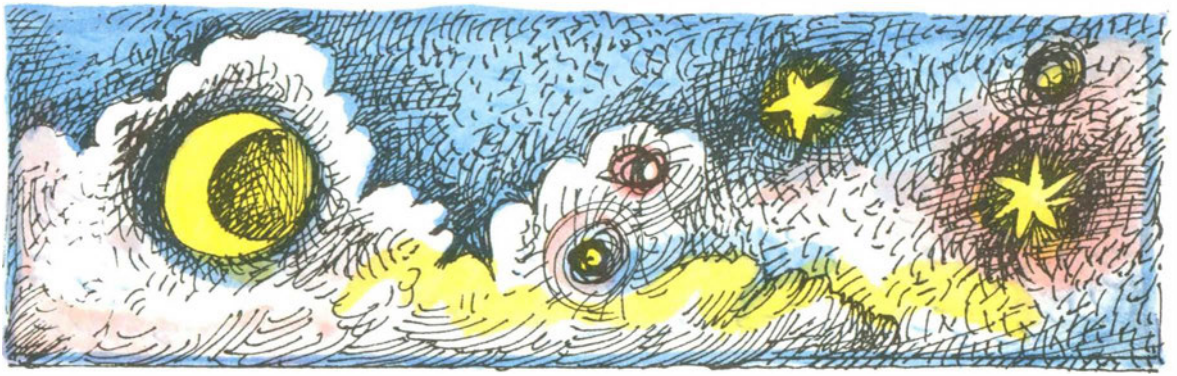
— Улей спит. Но вход в него заделан и нигде нет сторожей. Не знаю — хороший это признак или дурной?

— Хороший! — крикнул кто-то снаружи. — Вперед!

И в то же мгновение два великана устремились в ворота. Через минуту их было в улье уже восемь. Царица сохраняла полное молчание. Уж не окаменела ли она от ужаса? Неужели шершни все еще не обнаружили солдат, затаившихся в тени, по правую и левую сторону от входа?

И наконец с высоты прозвучало:

— Во имя права и справедливости, во имя царицы, защищайте государство!

В ту же секунду воздух наполнился невообразимым шумом и яростными криками. Казалось, весь улей дрожал от наполнившего его неистового жужжания. На каждого шершня накатывались, как бушующие волны, десятки солдат-пчел. Один молодой пчелиный офицер с трудом дождался приказа царицы. Ему хотелось вступить в борьбу первым. Он горел нетерпением и при первых словах команды ринулся в бой. Он напал на стоявшего впереди разбойника и с силою вонзил свое жало ему в шею, в открытое место между головою и грудным кольцом. Храбрец увидел, как шершень с безумным воплем весь скорчился и превратился на мгновение в блестящий черно-желтый шар; но вслед за тем раненый выпрямился, и его страшное жало, в свою очередь, впилося в сердце юного героя, который, умирая, исчез, как и смертельно раненый им враг, в густой толпе защитников улья. Эта великолепная мужественная смерть воодушевила всех, и пчелы умножили свое упорное сопротивление.

Шершни — искушенное в боях разбойничье племя: грабеж и убийство давно уже стали их жестоким ремеслом. Если неожиданный отпор и внес некое замешательство в их ряды, существенного ущерба он им не причинил. Жала пчел не могли пробивать панцири великанов, а огромный рост и сила шершней давали им преимущество, которое они прекрасно сознавали. Их резкие воинственные крики, наводящие ужас на всякое живое существо, заглушали боевой клич пчел. Даже человек боится встречи с ними и предпочитает уходить с их пути, если он не вооружен.

Пробравшиеся внутрь улья шершни скоро сообразили, что они должны во что бы то ни стало двигаться вперед, иначе они преградят вход своим. И барахтавшиеся кучи сцепившихся

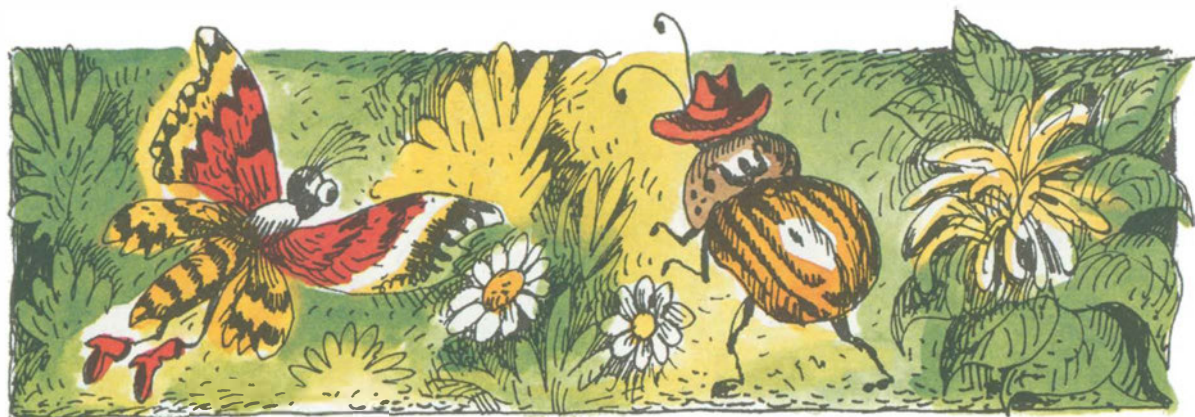

между собою противников быстро катились по темным ходам пчелиного города. Но выработанный царицей план оказался мудрым. Как только пространство у ворот освободилось, его тотчас же заняли ряды воинов, которые должны были защищать летку. Это был старый, испытанный в боях прием. Каждый раз, когда в улей врывался новый шершень, пчелы, притворившись измученными сражением, не мешали ему лезть вперед; когда же он углублялся, позади него быстро выстраивалась еще одна шеренга солдат и, окружив врага со всех сторон, одолевала его.

Боевые крики давно уже мешались со стонами умирающих от ран бойцов. Страшные жала шершней буквально опустошали войско пчел, оставляя позади себя множество убитых. Захваченные врасплох шершни поняли, что спасения им нет и ни один из них уже не вырвется из улья — и они бились с отчаянной храбростью. На стороне пчел было еще одно благоприятное обстоятельство: если физическая мощь великанов была неисчерпаема, то ядовитое действие их жал быстро иссякало, и укулы их становились все менее опасными. Раненые пчелы уже знали, что они не погибнут и поправятся, и сознание этого вместе с жаждой мести за павших сестер и братьев умножало их мужество.

Постепенно шум битвы начал стихать. Громкие крики шершней, оставшихся перед ульем, уже не находили отклика у их проникших в пчелиный город товарищей.

— Они погибли, — печально сказал атаман разбойников и приказал трубить отбой. Нападавшие, оставив половину своих солдат, отступили, преследуемые грозным жужжанием пчел.

— Тут таится измена! — воскликнул начальник шершней. — Пчелы были, по-видимому, предупреждены.

Нападавшие собрались на елке. Начинало светать. Утренняя заря уже золотила верхушки лип. Слышалось бодрое чириканье птиц. Роса опадала с деревьев.

Дрожа и бледнея от ярости, стояли разбойники вокруг своего предводителя, который боролся с двумя чувствами: дать ли волю своей страсти к грабежу или уступить голосу благоразумия?

Поняв, наконец, что всему его отряду грозит большая опасность, он решил, подавив уязвленное самолюбие, послать к пчелам парламентаря для переговоров об освобождении оставшихся в улье шершней.

Выбор пал на умнейшего из его офицеров. Он окликнул его по имени, но ответом было глубокое молчание: тот, на кого он рассчитывал, находился в руках врагов.

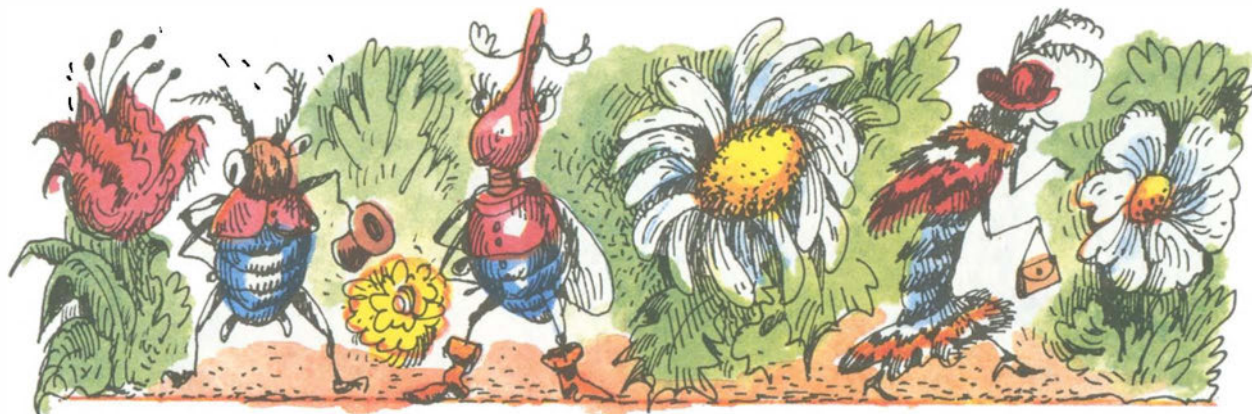
Тогда наспех он выбрал другого и велел ему отправляться в улей, откуда доносились гул и крики бушевавших пчел.

— Торопись, — сказал командир вестнику мира, подавая ему белый жасминный лепесток. — Если придут люди — мы погибли. Скажи пчелам, что мы уйдем и обещаем им вечный мир, если они выпустят пленных.

Парламентар поспешил вперед и, помахав перед входом в улей лепестком, опустился на летку.

Царице доложили, что явился посол для переговоров. Она выслала к нему своих адъютантов. Когда ей сообщили условия врагов, она приказала передать им следующий ответ:

«Мы согласны выдать вам ваших убитых воинов, если вы хотите забрать их с собою. Раненых и пленных у нас нет. Все

ваши солдаты, проникшие в улей, перебиты. Вашему обещанию хранить вечно мир мы не верим. Можете снова нападать, когда вам будет угодно: мы всегда встретим вас так же, как и сегодня. А если готовы продолжать нападение, — пожалуйста, мы примем дальнейший бой...»

Предводитель шершней побледнел, когда ему передали эти слова. Он сжал кулаки и охотно исполнил бы желание своих воинов, громко требовавших мести, но еще раз благоразумие одержало верх.

— Мы еще вернемся сюда! — проскрежетал он зубами. — Но как могло все так случиться? Разве мы не сильнее, разве мы не могущественнее пчел? До сих пор счастье всегда было на нашей стороне... Как после такого страшного поражения явиться к царице? В чем тут дело? — яростно повторял он. — Тут может быть только измена.

Старый шершень, один из советников царицы, заметил:

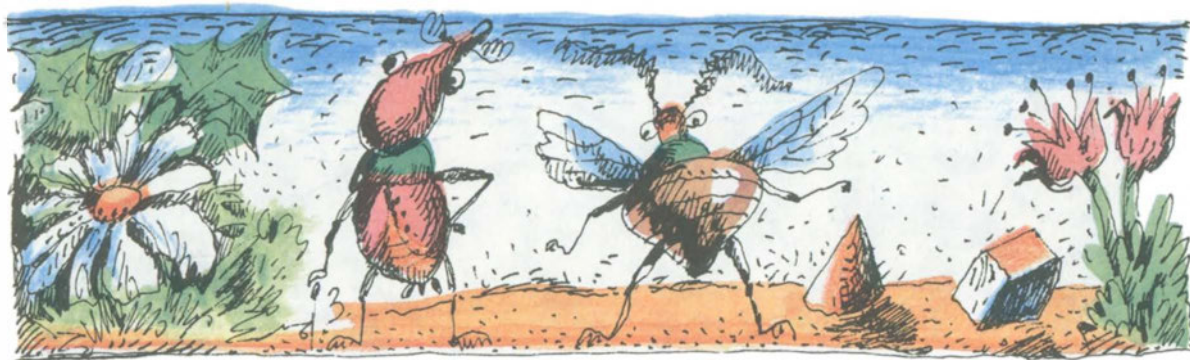
— Мы правда могущественнее пчел, но они сильнее нас своим единодушием и преданностью общему делу. Это — великая и несокрушимая сила. Ни одна из них не изменит своему народу, и каждая из них готова отдать за него последнюю каплю своей крови.

Но предводитель не обратил внимания на его слова.

— Ладно! Мы свое возьмем! — проворчал он с угрозой.

После минутного размышления он продолжал:

— Я разбойник, и хочу умереть достойной разбойника смертью. Но возобновить сейчас сражение было бы безумием. Что пользы, если мы разрушим улей и все при этом погибнем? Ступай и потребуй выдачи мертвых! — крикнул он парламентарю. — Мы уходим.

Весь его отряд хранил гробовое молчание, когда посол снова полетел к улью.

— Мы должны быть готовы к новому коварству, — сказала царица пчел, когда ей доложили, что шершни хотят забрать своих убитых товарищей. — Впрочем, я думаю, что воинственный пыл этих бандитов несколько охладел.

Она приказала солдатам выстроиться в два ряда у входа, а работницам, носильщицам и тыловому отряду — заняться очисткой города от трупов.

Убитых начали сносить в кучи, оттаскивая в сторону тела разбойников, которые волокли затем к воротам и выбрасывали вон из улья. Молча, с угрюмыми лицами, следили шершни с елки за падавшими на землю трупами их товарищей. Восходившее солнце озарило эту душераздирающую картину. Скоро двадцать два павших геройской смертью шершня лежали у подножия спасенного города. Неприятель не получил ни капли меда, ни одного пленника.

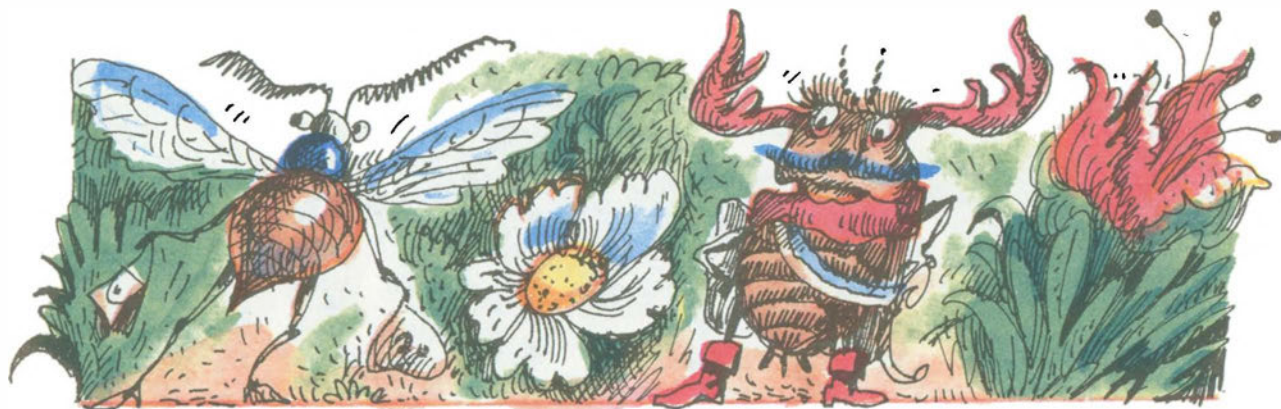
Нападавшие подхватили своих мертвых и улетели. Сражение кончилось. Пчелы одержали победу.

Но каких жертв это им стоило! Повсюду валялись тела погибших: в проходах, перед кладовыми, перед детскими...

Печальная работа закипела в улье в это прекрасное летнее утро. Надо было выбросить трупы, перевязать раненых и ухаживать за ними. К полудню пчелиный город уже жил нормальной жизнью — его народ не мог себе позволить ни праздновать свою победу, ни долго оплакивать погибших. Каждая пчела, глубоко затаив в душе и гордость, и горе, принялась за исполнение своих повседневных обязанностей.

Удивительный народ эти пчелы!

Подруга царицы

Маленькая Майя проснулась в самый разгар битвы. Она моментально вскочила и хотела было бежать, чтобы принять участие в защите города, но почувствовала, что силы оставляют ее и что в таком состоянии она принесет мало пользы.

Неожиданно совсем близко от нее показалась группа сражавшихся. Молодой сильный шершень, вероятно офицер, упорно отбивался от наседавших на него пчел. Медленно катился вперед клубок живых тесно сплетавшихся между собою тел, и Майя с ужасом следила, как одна за другою отделялись от него тяжело раненные пчелы. Но и великану шершню тоже было нелегко. На его руках, ногах и даже на усиках висели гроздьями солдаты, решившие скорее умереть, чем выпустить врага.

Вот уже несколько пчелиных жал вонзились между панцирем и грудным кольцом в шею разбойника. Майя увидела, как он бессильно опустился на землю и молча, не издав ни единого стоны и ни одной жалобы, умер смертью храбрых, сражался до последней минуты. Он не просил пощады и не проронил ни одного бранного слова.

Покончив с этим шершнем, пчелы снова устремились к воротам улья и опять бросились в бой. Майя последовала за ними и с замиранием сердца следила за сражением. Вдруг она заметила умиравшего от ран шершня и медленно подошла к нему. Он лежал скорчившись, без движения, но еще дышал. Пчелка насчитала на нем до двадцати укулов; большинство были нанесены спереди, и его золотой панцирь остался невредим. Когда Майя увидела, что враг еще дышит, она побежала за водой

и медом. Но умирающий покачал головою и отстранил рукою пищу и питье.

— Все, что мне нужно, — с гордостью проговорил он слабым голосом, — я добываю сам. В подачках не нуждаюсь...

— Но я думала, что вы страдаете от жажды! — воскликнула Майя.

Молодой солдат улыбнулся и серьезно, с чуть заметной печалью, сказал:

— Не все ли равно? Ведь я должен умереть.

Маленькая Майя ничего не нашлась ответить. Только теперь она почувствовала, что такое смерть. Только теперь, когда возле нее умирали, смерть была гораздо понятнее, чем когда она ждала ее в сетях паука.

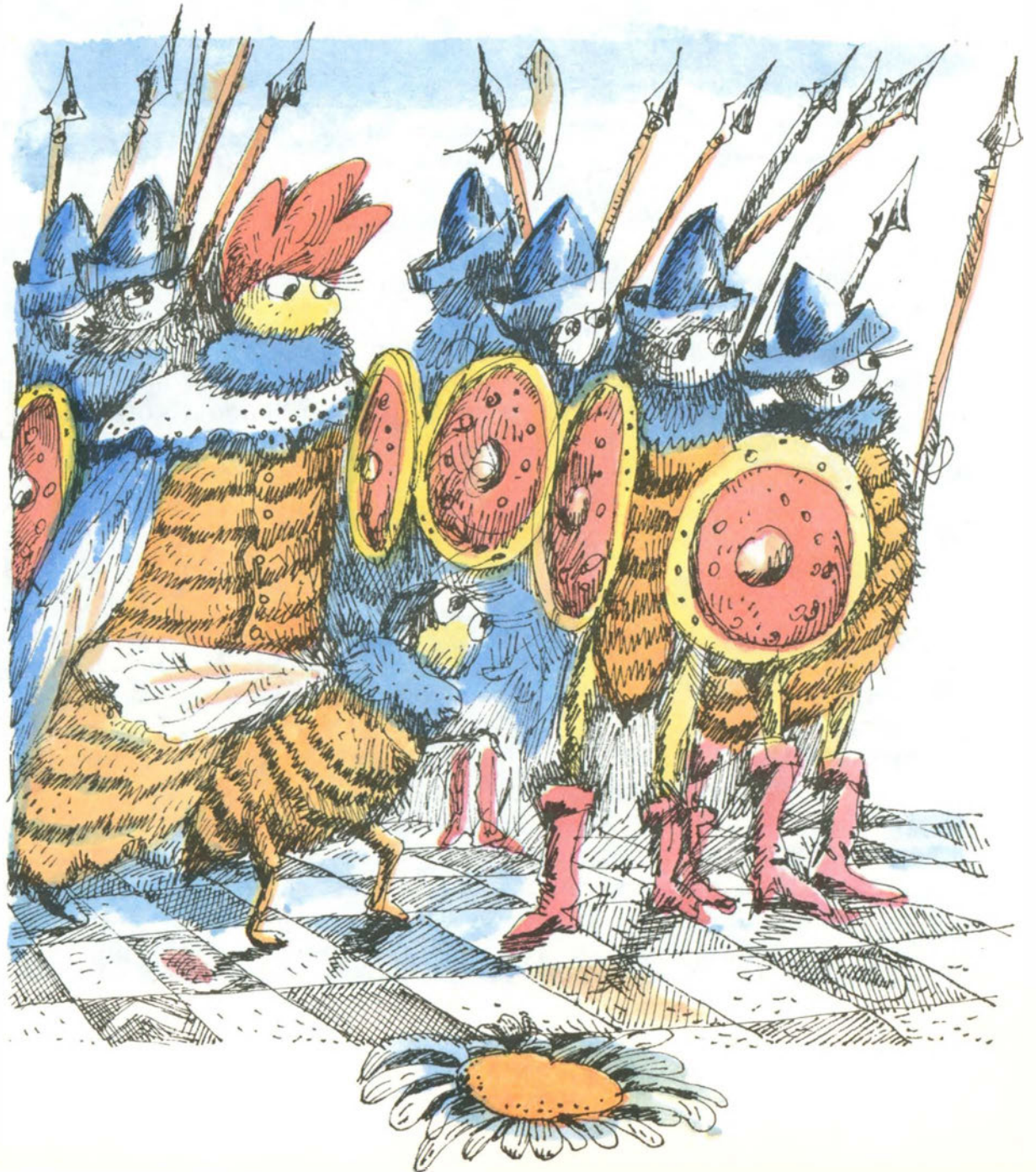
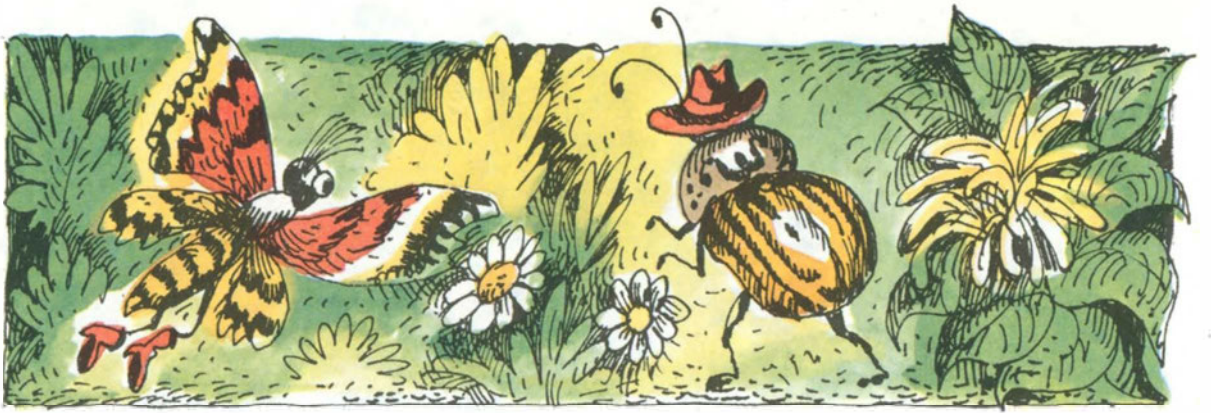
— О, если бы я могла что-нибудь для вас сделать! — произнесла она и расплакалась.

Раненый молчал. Еще раз он открыл глаза, глубоко вздохнул и успокоился навеки.

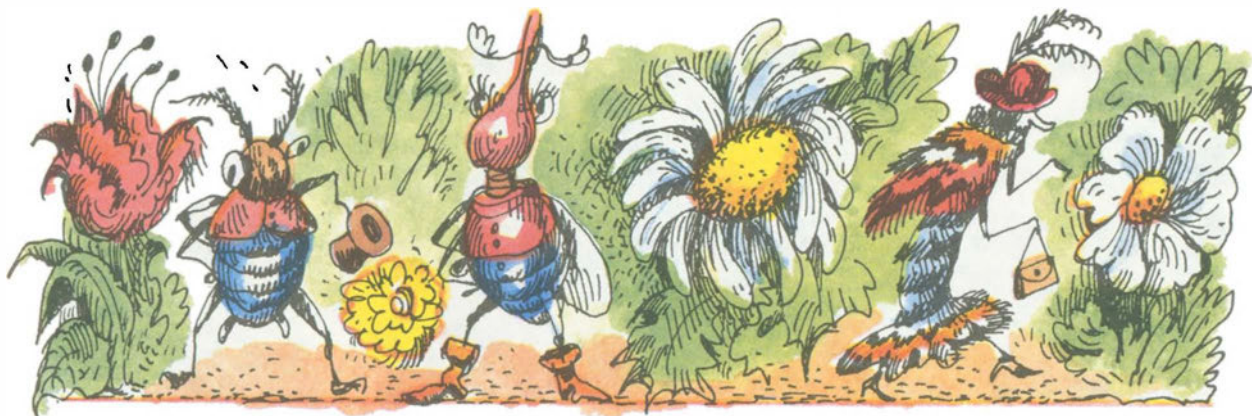
Через полчаса вместе с другими павшими товарищами его выбросили за городские ворота. Но в душе Майи глубоко запечатлелось все то, что она пережила возле умиравшего шершня.

Она поняла, что враги — такие же живые создания, как она, что и они любят жизнь, как любят ее пчелы, что тяжело умирать в одиночестве и без помощи. Она вспомнила об эльфе, который воскресал при каждом пробуждении природы, и ей страстно захотелось узнать, возвращаются ли снова к жизни и другие умирающие существа.

— Я хочу верить, что это так, — тихо проговорила Майя.

Ее размышления были прерваны курьером, сообщившим, что царица требует ее к себе.

Пчелка вошла в зал и увидела монархиню, окруженную многочисленной свитой. У Майи задрожали ноги, и она опустила глаза, не смея их поднять в присутствии государыни и стольких знатных особ. Среди окружавших царицу офицеров уже не было многих доблестных воинов, и потому общее настроение было серьезное и торжественное. На всех лицах лежала печать затаенной грусти, но взоры светились радостным сознанием одержанной победы и новой славы.

Царица поднялась навстречу Майе и заключила ее в свои объятия.

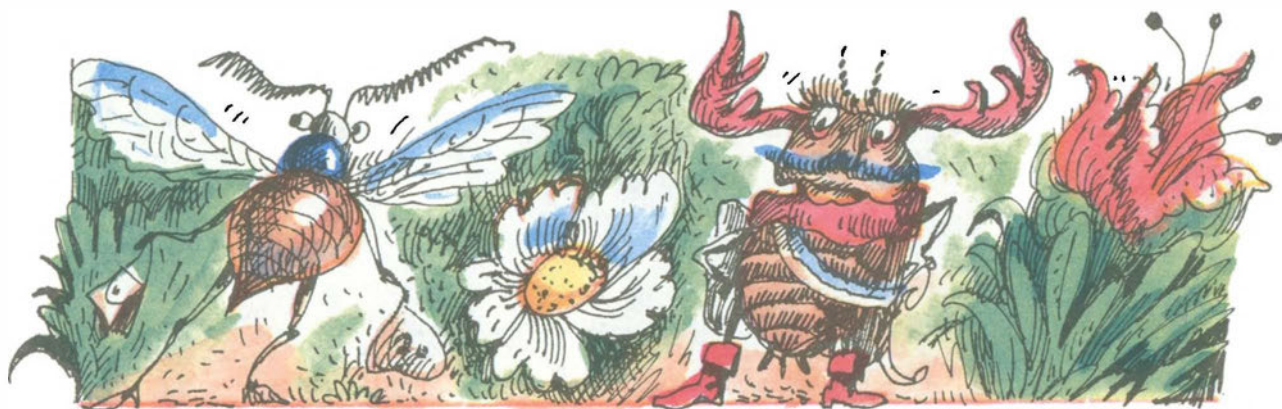
Этого пчелка совершенно не ожидала. Сердце ее переполнилось таким счастьем, что она разрыдалась. По рядам присутствующих пробежала дрожь. Все они разделяли чувства Майи и были ей глубоко благодарны за спасение государства.

Майя должна была рассказать все, что с ней произошло за время ее отсутствия из улья. Всем интересно было узнать, каким образом удалось ей проникнуть в планы шершней, как ухитрилась она бежать из того страшного плена, где до тех пор погибали все попадавшие в него пчелы.

Майя подробно поведала собранию все, что пережила. Она рассказала о Шнуке, о кузнечике, о пауке, о Пухе, об оказанной ей Куртом помощи и о многом другом. Когда она говорила об эльфах и людях, в зале водворилась такая тишина, что сквозь стены было слышно, как работницы лепили снаружи воск.

— Ах! — воскликнула царица. — Кто мог бы поверить, что эльфы такие милые!

И она улыбнулась кроткой и печальной улыбкой, как

улыбаются люди, когда думают о прекрасном и стремятся к нему.

И вся свита ответила царице такую же улыбкой.

— Как пел эльф? — переспросила царица. — Повтори, пожалуйста. Мы должны запомнить эту песню.

И маленькая Майя повторила песенку эльфа:

Ведь душа моя — дыхание
Мира вечной красоты.
Дивны Божии черты!
Дивно каждое создание!

Несколько минут в зале царило глубокое молчание. Только в последних рядах раздавались сдержанные вздохи. Там вспоминали, вероятно, о погибших друзьях и родных...

Майя продолжала свой рассказ. Когда она заговорила о шершнях, все словно оцепенели от страха. Каждый представлял себя на ее месте.

— Какой ужас! — воскликнула царица.

В один голос придворные повторили за нею:

— Какой ужас!

— И вот теперь я вернулась наконец домой, — закончила Майя свое повествование, — и умоляю простить меня!

Боже мой! Да разве можно было при таких обстоятельствах ставить ей в вину бегство из улья! Царица положила свою руку на плечо Майи и благосклонно произнесла:

— Ты не забыла свою родину и свой народ и сохранила им верность на чужбине. Мы отплатим тем же. Ты будешь моим

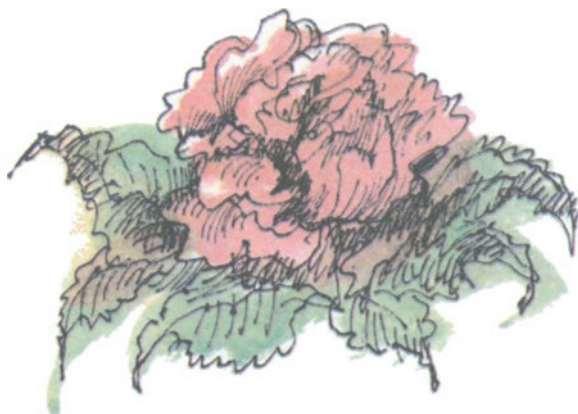

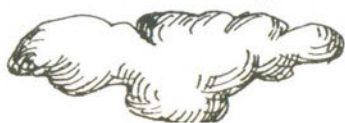
другом и станешь помогать мне в управлении государством. Я думаю, что твой опыт и приобретенные тобою знания могут послужить на благо родине.

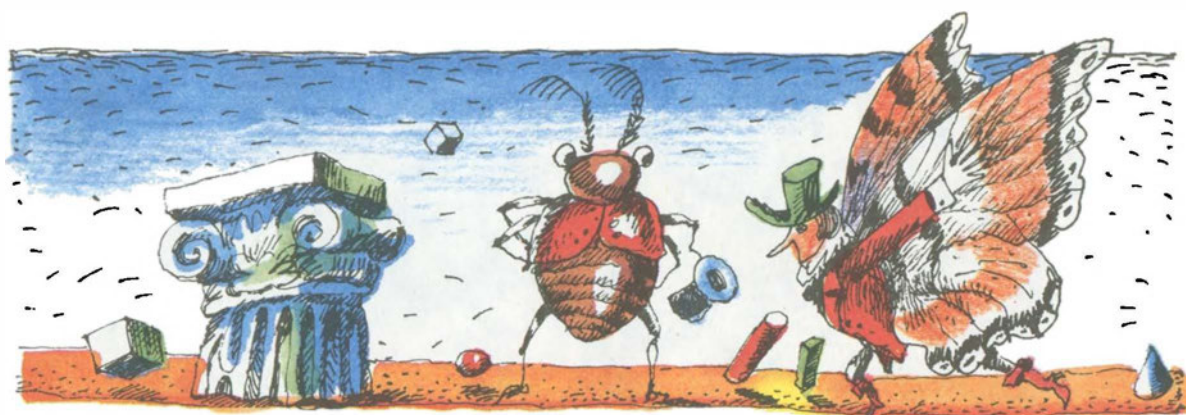
Это решение царицы было встречено всеобщим ликованием.

Так кончились приключения пчелки Майи.

Говорят, что ее дальнейшая деятельность принесла много добра и пользы ее родной стране, что она пользовалась любовью и уважением своего народа. Иногда, в тихий вечерний час, Майя любила пробираться в каморку, где доживала свой век старая Кассандра. Там, собрав вокруг себя молодых пчел, она рассказывала им историю, которую вы только что прочитали.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Бегство Майи из родного города	6
Домик Пеппи	16
Лесное озеро и его обитатели	25
Ифи и Курт	38
Кузнечик	51
Пуха	61
В сетях паука	73
Клоп и мотылек	86
Битва Ганнибала с человеком	95
Чудеса ночи	111
Полет	126
Поэт Алоизий Семиточечный	133
Во власти разбойников	144
Бегство	154
Возвращение домой	164
Битва	173
Подруга царицы	184

Для младшего школьного возраста

Вольдемар Бонзельс

Приключения пчелки Майи

Художник Р. А. Варшамов

Худ. редактор Л. П. Костикова

Подписано в печать 08.12.92 г.
Формат 84х108 1/16. Бумага офсетная, Гарнитура Таймс.
Печать офсетная. Уч.-изд. л. 14,08. Усл. печ. л. 20,16.
Тираж 100 000 экз. Заказ 684. С41.

Издательство МАИ. 125871, Москва, Волоколамское шоссе, 4.

Ордена Трудового Красного Знамени Тверской
полиграфкомбинат Министерства печати и информации
Российской Федерации.
170024, г. Тверь, проспект Ленина, 5.

Larisa_F

